
**ВЕСТНИК
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

СЕРИЯ 13
**ВОСТОКОВЕДЕНИЕ
АФРИКАНИСТИКА**

ВЫПУСК 3
СЕНТЯБРЬ
2009

Научно-теоретический журнал
Издается с августа 1946 года

СОДЕРЖАНИЕ

Россия и Восток

- Базиленко И.В.* Мемуары Н.М. Вербы (1882–1953) как неизвестный источник по истории русско-иранских связей начала XX в. 3
- Герасимов И.В.* Россия — Судан: из истории взаимоотношений (по материалам книги Е.П. Ковалевского «Путешествие во внутреннюю Африку») 13
- Мельниченко. Б.Н.* Дом Романовых и Дом Чакри (Россия и Таиланд в конце XIX — начале XX вв.) 17

Геокультурные пространства и коды культур Азии и Африки

- Бочаров В.В.* К вопросу об истоках «правового нигилизма» на Востоке (и в России) 34
- Зеленев Е.И.* Образ мира: геокультурное мировидение 47
- Самойлов Н.А.* Подходы к изучению геокультурных пространств России и Китая и их взаимодействия в XVIII — начале XX вв. 61

История и источниковедение

- Алексеев А.К.* Россия на «Крыше мира»: Памирский отряд в политической и культурной жизни Бадахшана. К 115-летию похода генерала М.Е. Ионова в Западный Памир (1894 г.) 76
- Сипенкова Т.М.* «Как можно меньше быть туристом...» О книге В.Л. Кигна «Приключения и впечатления в Италии и Египте. Заметки о Турции» (СПб., 1888) 91

Литературоведение

- Донченко С.С.* Некоторые характеристики творчества бенгальских певцов-баулов 101
- Хронопуло Л.Ю.* «Потерянный» герой японского рассказа конца XX — начала XXI вв. 108

Языкознание

- Гроховский П.Л.* Санскрит в Тибете: язык в контексте культурных заимствований 113
- Касевич В.Б.* О квантитативно-типологических индексах для характеристики восточных языков 123

ИЗДАТЕЛЬСТВО
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Вестник
© Санкт-Петербургского
университета, 2009

Хроника научной жизни

<i>Дьяков Н.Н., Зеленев Е.И.</i> Востоковедение и африканистика в диалоге цивилизаций: к итогам XXV международной конференции по источниковедению и историографии стран Азии и Африки. Восточный факультет СПбГУ	143
Рефераты	151
Summaries	155
Сведения об авторах	158

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ «ВЕСТНИКА СПбГУ»

Председатель д-р юрид. наук, проф. **Н. М. Кропачев**
Зам. председ. канд. биол. наук, проф. **И. А. Горлинский**
Зам. председ. д-р социол. наук, проф. **Н. Г. Скворцов**

Ответственный редактор канд. ист. наук **У. Л. Романова**

Редакционная коллегия серии:

*Е. И. Зеленев, д-р ист. наук, проф. (отв. редактор); А. В. Ляхович, канд. филол. наук (отв. секретарь);
Н. Н. Дьяков, д-р ист. наук, проф.; А. Ю. Желтов, канд. филол. наук, доц.;
А. В. Образцов, канд. филол. наук, доц.; В. В. Бочаров, д-р ист. наук, проф.;
В. Б. Касевич, д-р филол. наук, проф.; В. Н. Колотов, д-р ист. наук, доц.;
Н. А. Самойлов, канд. ист. наук, доц.; А. Г. Сторожук, д-р филол. наук, доц.*

Адрес электронной почты редколлегии серии: vestnik.vf@mail.ru

Редактор *М. В. Гиенко*
Компьютерная верстка *А. М. Вейшторг*

**На наш журнал можно подписаться по каталогу
«Газеты и журналы» «Агентства “Роспечать”».
Подписной индекс 32779**

Подписано в печать 15.09.2009. Формат 70×100^{1/16}. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 12,91. Уч.-изд. л. 13,98. Тираж 500 экз. Заказ №

Адрес редакции: 199004, С.-Петербург, В. О., 6-я линия, 11/21.
Тел./факс 328-44-22; E-mail: vestnik@unipress.ru; <http://vestnik.unipress.ru>

Типография Издательства СПбГУ. 199061, С.-Петербург, Средний пр., 41.

РОССИЯ И ВОСТОК

УДК 94

И.В. Базиленко

МЕМУАРЫ Н.М. ВЕРБЫ (1882–1953) КАК НЕИЗВЕСТНЫЙ ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ РУССКО-ИРАНСКИХ СВЯЗЕЙ НАЧАЛА ХХ в.

В декабре 2004 г., в период пребывания в Исламской Республике Иран, автору этих строк, благодаря любезности настоятеля Свято-Николаевского собора в Тегеране игумена Александра (Заркешева), удалось ознакомиться с ранее неизвестными и никогда не публиковавшимися мемуарами некоего «ротмистра Крымского Ее Императорского Величества Императрицы Александры Феодоровны полка, полковника в отставке армии Его Величества шаха Ирана» [1. С. 1]¹ Николая Митрофановича Вербы (1882–1953), «состоявшего с 1913 по 1920 [гг.] Инструктором Кавалерии в Персидской Шахской Казачьей бригаде» [1. С. 1]. Историю их обретения, рассказанную о. Александром, кратко можно изложить следующим образом: по смерти вдовы Н.М. Вербы мемуары оказались у ее близкой подруги, которая незадолго до собственной кончины передала их отцу настоятелю.

Мемуары представляют собой четыре тетради общим объемом около 230 нумерованных рукописных страниц. К ним прилагаются два документа. Все тетради написаны в Тегеране и датированы 3 января, 18 февраля, 12 и 16 марта 1953 г. Документы датированы 25 и 28 января 1915 г. соответственно. Мемуары не были завершены вследствие смерти автора, намеревавшегося осветить всю свою 40-летнюю (с небольшими перерывами) историю пребывания в Иране в 1913–1953 гг. Хронологические рамки сохранившихся записей охватывают события с 1892 г. по июль 1916 г.

Первая тетрадь содержит автобиографию автора вплоть до сентября 1902 г. Во второй тетради описаны события с 1907 г. до апреля 1914 г., в третьей — с апреля 1914 до зимы 1915 г., в четвертой — с февраля до июля 1916 г. Служба в Персии в качестве инструктора кавалерии в Персидской Шахской Казачьей Бригаде, развернутой во время I Мировой войны в дивизию, подробно описывается во всех тетрадях, кроме первой.

Николай Митрофанович Верба по собственному свидетельству родился в родовом имении в 14 верстах от Харькова в семье потомственных военных, принадлежавших к старым дворянским семьям Малороссии. Один из предков по отцовской линии участ-

Тетради Ирак.

3 Января
1953.

Мемуары

от - Ротмистра Крымского Е. В. Императора
Александровне Федоровне полка
Полковника в отставке Армии
Е. В. Шава Ирак

Воспоминания, очерки и рассказы
за 40 лет жизни в Персии и в других
странах
с 1910 года

Титульный лист Тетради № 1

вовал в Полтавской битве на стороне войск Петра I. Члены фамилии из поколения в поколение служили Русским Императорам, несли тяготы военной службы и участвовали в войнах с Турцией, Францией (Иван Верба переходил с А.В. Суворовым через Альпы, отличился при осаде крепости Варна). По материнской линии Сукачевых было также много военных, сражавшихся в Отечественной войне 1812 г., в Русско-японской войне и т. д. В Первой мировой воевало множество родственников от подпоручика до полного генерала. Дядя автора закончил службу генерал-лейтенантом. Отец, Митрофан Федорович, выпускник Петровского Полтавского кадетского корпуса 1863 г., вышел в отставку в 1912 г. генерал-майором и поселился в родовом имении под Харьковом, где Николай Верба и провел свои ранние годы «среди солдат, лошадей и в деревне» [1. С. 4].

По словам Н.М. Вербы, он «был последней жертвой богу Марсу, т.к. брат не мог быть отдан в корпус по состоянию здоровья и предназначен был к гражданской деятельности» [1. С. 5]. Проучившись год в немецкой школе в Дерпте, где отец занимал административный пост в аппарате управления Лифляндской губернией, десятилетний Н.М. Верба был отдан в Полтавский корпус, по окончании которого в 1900 г. поступил в Николаевское Кавалерийское Училище в Санкт-Петербурге. Это привилегированное учебное заведение, основанное в 1824 г., готовило офицеров гвардии и называлось также «Славная Гвардейская Школа». В списках выпускников значились громкие имена лейб-гусара

и великого русского поэта М.Ю. Лермонтова, покорителя Кавказа князя Барятинского, известного военачальника барона Маннергейма и многих других.

Военная служба для Н.М. Вербы началась 16 сентября 1902 г. в местечке Проскуров, недалеко от г. Каменец-Подольска, в 35-м Драгунском Императора Австрийского и Короля Венгрии Франца-Иосифа I полку. По окончании Русско-японской войны 1904–1905 гг., возвращаясь из Манчжурии в Белгородский Уланский полк, Н.М.Верба совершил морское путешествие из Владивостока в Одессу. Побывав в Японии, Гонконге, Сингапуре, на о. Цейлон, Йемене, Египте, Турции, он заинтересовался странами Востока и даже готовился к поступлению на Офицерские Курсы Восточных языков при МИД, однако тяжело заболел тифом и крупозным воспалением легких [2. С. 2]. С трудом выжив, он получил четыре месяца отпуска после болезни и уехал

поправлять здоровье на юг Франции. Во время поездки по Европе Н.М. Верба посетил ряд городов Австрии, Италии, Германии и Швейцарии. Немного подлечившись, он был направлен по состоянию здоровья продолжать военную службу в Крымский Ее Императорского Величества полк.

Интерес к Востоку не пропал и, взяв в 1911 г. отпуск, Н.М. Верба поехал в Туркестан через Москву, Сызрань и Оренбург. Ему удалось познакомиться с Ташкентом, Кокандом, Новым Маргиланом, Самаркандом, Бухарой, Мервом, Байрам-Али. Проездом побывал в Красноводске, Ашхабаде, Геок-тепе, Баку. Осмотрел Тбилиси и Батуми.

Результатом поездки стало решение подать рапорт о командировании в Персию. В 1912 г. в Петербурге он мотивировал Начальнику штаба армии свой довольно странный, по мнению многих, выбор желанием изучать Восток. После подачи рапорта осенью 1913 г. Н.М. Верба получил назначение на открывшуюся вакансию инструктора кавалерии в Персидскую казачью бригаду. В Персию Н.М. Верба попал через Крым и Кавказ из Франции, куда летом 1913 г. отправился на маневры. Уехав в августе из Парижа, он прибыл в Тегеран 10 октября 1913 г. (ст. стиль).

Судьба сводила автора мемуаров с известными современниками, включая членов правящей династии, воспоминания о встречах с которыми нашли свое отражение на страницах рукописи. Для востоковедения наиболее ценными являются сведения, характеристики и заметки автора, посвященные годам его службы в Иране. Командир Персидской казачьей бригады генерал-лейтенант князь Н.П. Вадбольский (1909–1914),

Отец автора мемуаров — полковник
Верба Митрофан Федорович,
в отставке генерал-майор²

Тегеран.

Иран.

18 февраля 1953.

Мемуары Ротмистра Крымского Э. В.
Императрицы Александры Сергеевны

мать

Полковника в отставке Армии Е. В.
Шаха Ирана.

Составляла с 1913 по 1920
Инструкцию Кавалерии в
Персидской Шахской Казачьей бригаде.
развернутой во время 1-й мировой войны в дивизию.
Военная русская миссия была ликвидиро-
вана в октябре 1920 года правительством
Шаха по требованию АНЗЛМ.

Воспоминания, очерки и заметки в Азии
Путешествия по Ирану, экспедиции, путешествие
кредитный Курдистан, Сев. Месопотамия и
Сирия.

Титульный лист Тетради № 2

офицеры бригады капитаны Трепов, Запольский, Смирнов³, подпрапорщик Ермаков, казначей Козлов, ротмистр Захарченко, подполковники Прозоркевич, Ушаков, есаул Мамонтов, последний русский командир Персидской казачьей дивизии полковник В. Д. Старосельский (1918–1920), полковники П. В. Филаретов, Блазнов, В. П. Ляхов, Мистулов, Адлерберг, генералы В. А. Косоговский, Н. Н. Баратов, будущий основатель династии Пехлеви бригадный пехотный офицер Реза-хан, Наиб-Мухаммад-хан Шихлинский, принц Аманулла-мирза, Мухаммад-хан Нахичеванский, Камран-мирза, Ахмад Нахичевани, Айрам, Джафар-кули; известный российский промышленник, «авантюрист и пожиратель капиталов» А. М. Хоштария, миллионер С. Г. Лианозов, инженер Белонович, князь Жевахов; послы, консулы и служащие русской миссии Коростовец, Этер, Беляев, Саблин, камер-юнкер двора Бах, переводчик Евреинов, фон Штритер, фон Гильдебрант, Купервассер, Попандопуло, Кирсанов, Яковлев, Левкиевский; Ахмад-шах Каджар, регент Насер ал-Молк, принц Фарман Фарма (называвший себя «первым вором

в стране» и формировавший кабинеты министров, будучи дважды между 1914 и 1916 гг. премьер-министром. — И.Б.), Сепасалар, главари дженгелийцев мирза Кучек-хан и доктор Хишмет; посол Испании Ромеро Дюсме, австрийский граф Монтефорте, посол Бельгии Борграф и бельгийские чиновники Морнар и Молитор, английские послы Марлинг и Хорт, начальник штаба иранской армии Искандер-хан, шведские инструкторы-организаторы иранской жандармерии и полиции генерал Ялмарсен, майор Вейстал, граф Левенгаупт, германские дипломаты Блюхер и Каниц — таков далеко не полный список лиц, с которыми встречался автор мемуаров по делам служебным и личным.

Иран
Тегеран.
12 марта
1953.

Мемуары Готтмара Крижанго Е.И.В.
Императрицы Александры Федоровны полна.
Полковника в отставке Армии Е.В. Шаха Ирана
Возвращено с 1913-14-16 по октябрь 1920 года
Инструктором кавалерии в Персидской Шахской
Кавалерийской бригаде и с 1917 в дивизии
развернутой во 2-ю мировую войну.

Известная русская миссия была ликвидирована в
октябре 1920 года по требованию английского правительства.

Титульный лист Тетради № 3

Для истории русско-иранских отношений начала XX в. несомненно самыми ценными представляются сведения о наиболее значимых политических фигурах иранского государства, которые сообщает в своих неоконченных воспоминаниях незаурядный русский офицер. Представляется необходимым привести в настоящей статье часть этих сведений при минимальных изменениях авторской орфографии, синтаксиса и пунктуации для удобства современного читателя.

Автор сохранил для нас интереснейшие воспоминания о всеильном Реза-шахе (1925–1941) — основателе иранской династии Пехлеви и крупнейшем реформаторе XX в., при котором страна собственно превратилась в суверенный и независимый Иран, отказавшись от старого названия «Персия» и Каджарского прошлого. По свидетельству Н.М. Вербы, к моменту его приезда в Тегеран в октябре 1913 г. отдельный отряд персидских казаков под началом капитана Запольского и ротмистра Захарченко успешно подавил антиправительственный мятеж курдов, который возглавил каджарский

Множество слов о Казачьей бригаде: она собралась в 1913 году из
двух отрядов Тегеранского казачьего состава 1700 человек
и Таврического в 1300 человек в общей 3000, но русский быт
и их быт русскими 5-го армянские винтовками, Макинсом
и карабинами Лебис 3х зарядными. Артиллерия была только
в Тегеране, в Тавриз было одно горное орудие, было
пулеметов по 4 в каждом отряде системы Максим.
Не секрет, что это была достаточно малая сила чтобы вступить в
сражение с турками турки в руках, они уже сформировали
свой отряд 1907 года когда бригаде под командованием Мам. Алекова
был и армянские против революционеров субстратива Маджлис
артиллерией и была бой на улицах Тегерана в том
Мам. Алекова, не могла справиться с положением и
Шах сражался в Российской империи в Зеренде,
отронул от трона и уехал в Персию, где жил в Исфагане.
На мой взгляд эта организация имела много недостатков
хотя была в Исфагане Тегеране, но ею не управляли и не контролировали.

Тетрадь № 2. С. 54.

«принц Салар Довле» [2. С. 46]. Н.М. Верба сообщает, что «в этом отряде командовал пулеметами храбрый и выдающийся в бригаде офицер Наиб-Риза-Хан — будущий Шах Персии (его называли «Р.Х.(Реза-хан. — И.Б.) Максим²⁴») и добавляет, что «за исполнение поручения капитана Запольского как посланца к Салар Довле он (Реза-хан. — И.Б.) получил чин Султана» [2. С. 47].

С началом I мировой войны Н.М. Верба оказался по своей просьбе в действующей армии на Западном фронте. Когда театр военных действий переместился на Средний Восток, было принято решение об отправке экспедиционного корпуса под командованием генерала Н.Н. Баратова (1865–1932) в Персию. В скором времени возникла нужда в укреплении Персидской казачьей бригады, развернутой в дивизию, опытными, знающими страну офицерами. Так Н.М. Верба в 1916 г. вновь оказался в Тегеране в прежней должности инструктора кавалерии. К этому времени Реза-хан в звании майора командовал ротой в пехотном полку. Н.М. Верба пишет: «Мы с ним встретились как старые знакомые, и, когда я проходил мимо пехоты, идя к кавалерии, я с ним обменялся всегда несколькими словами. Его рота была всегда в порядке, и он сам руководил и следил за занятиями» [3. С. 16].

По мнению Николая Митрофановича Вербы, «если хорошо разобраться в истории, то, хотя он (Реза-хан. — И.Б.) и был обязан политике Англии, получив трон, но карьеру его сделали русские инструкторы кап. Запольский (так у автора. — И.Б.), я — ротмистр Верба, и полковник Филаретов⁵ (что будет ясно из последующих глав), и положили начало его восхождения к власти» [2. С. 47].

Вообще с Кавказа в Персию всегда была отсюда дорога
для убийц и других преступников эмигрантов с Кавказа,
где они пользовались гостеприимством страны и хорошо
устраивались. Я знаю людей, убивших на Кавказе и одного
тастрина сосланного за убийство на Сахалин вставившего
и опубликован в Иран. Случилось в армии. Мне как офицер
отряда надо было дать отряд, мне ввели в распоряжение
Хамидовича и отряд у него губернатор и его помощник
был с отрядом и был в Сенке вавильский город Курисидан
на другой день ночью. Усталое дело нам одну кричал
офицера своего и моего отряда. Предсказал мне
офицеры и назвал Султан Реза-хан, он доверил, это
был из наших лучших офицеров и отсюда на-
чал у меня знакомство с Буржуазия повелевая
Персии.

Дмитрий Яковлевич это был из лучших офицеров бывших
нашей командой за всю мою службу в Персии
и Грузии иранцы, сильный и хороший человек
державший свои гаси в порядке и чистый наш
командовал, он много работал своим делом и на
базисе. Он говорил довольно свободно по русски в
общем суждениях свои, был очень искренний, открытый
и честен. А главное он хорошо знал страну и
на случаи войны был в разных командировках. 2 марта

Тетрадь № 2. С. 83.

Можно, разумеется, критически воспринимать это свидетельство Н.М. Вербы как попытку автора преувеличить собственное влияние на ход известных исторических событий. Однако данное заявление подтверждается независимым источником, по крайней мере, в отношении роли полковника Филаретова в судьбе Реза-хана. Таковым источником являются мемуары русского офицера-эмигранта, взявшего псевдоним «Владикавказец». Эти мемуары вышли в Мадриде в 1967 г.⁶ «Владикавказец» пишет о П.В. Филаретове следующее:

«Во время покорения Кавказа в Чечне русскими войсками был подобран мальчик-сирота, чеченец. Его крестили, дав ему имя Варфоломей, и русские добрые люди воспитали его в русском духе. Так он жил в станице Михайловской Сунженского отдела Терского казачьего войска. Когда пришла пора ему жениться, то за него вышла замуж дочь станичного священника Филаретова, и он получил вместе с женой и ее фамилию — Филаретов. У них родился сын Парфений, который, окончив среднюю школу и Виленское

Тегеран Иран.

16 марта 1952

Мамуарн.

на - Ротмистра Крымского Конного Е. В. Миллеровича

Александр Александрович полка

Губовича в отделе армии Е. В. Шаха Ирана.

Воспоминания, очерки и вставки за 40 лет жизни
в Персии и в других странах с 1913 года.

Титульный лист Тетради № 4

пехотное училище, вышел в Сибирь, в Читу, в один из сибирских пехотных полков. В Первую мировую войну, получив тяжелое ранение, он был послан инструктором в Персию в Русско-Персидскую дивизию в Тегеран. Здесь его застала революция 1917 года. Его вскоре назначили начальником Хамаданского отряда. В этом отряде также служил исполнительный офицер, начальник пулеметной команды Риза-хан Пехлеви, будущий основоположник новой персидской шахской династии после династии Каджар. **Полковник Филаретов, видя его ревностную службу, всемерно ему протезировал** (курсив наш. — И. Б.). Ни для кого не было секретом, что когда Риза-хан Пехлеви сделался шахом Персии, то полковник Филаретов имел большие связи при дворе нового шаха. Это было также известно и первому советскому полпреду Ротштейну, прибывшему в Персию после прихода большевиков к власти. На приеме во дворце Риза-шаха Пехлеви Ротштейн сказал: “Не стоит нам, двум великим державам, ссориться из-за какого-то белогвардейского полковника Филаретова”. На что он получил ответ: “А я вас попрошу больше этого вопроса не касаться!” Так впоследствии, до самой смерти полковника Филаретова никто уже не беспокоил» [5. С. 114].

Н.М. Верба, как следует из его мемуаров, действительно накоротке был знаком с будущим Реза-шахом Пехлеви, неоднократно отправлял последнего в различные военные экспедиции, в которых и сам нередко принимал участие (в частности против мятежных курдских племен в Сунгуре и Сенендедже). Автор воспоминаний приводит множество интересных подробностей из личной жизни Реза-хана, пишет об особенностях его характера и отношениях с сослуживцами [4. С. 14–15].

Значительное внимание в мемуарах уделено описанию различных городов Ирана, местному колориту, который ярко запечатлел Н.М. Верба, и, разумеется, Персидской казачьей бригаде — месту непосредственной службы автора.

По мере прочтения мемуаров постепенно вырисовывается образ Н.М. Вербы как любознательного и пытливого, пытавшегося разобраться в насущных вопросах современности, дельного и храброго русского офицера, способного к принятию самостоятельных решений в критических ситуациях, честного и скромного человека, не упомянувшего ни словом о своих боевых наградах и вскользь сообщавшего о своих ранениях, человека, увлеченного Востоком, доброжелательно и вместе с тем объективно дававшего оценки различным людям, этносам и историческим событиям.

Мемуары Н.М. Вербы написаны живым языком, интересны и информативны. Николай Митрофанович, несомненно, обладал известным талантом рассказчика, оригинальным литературным стилем, что затрудняет и обедняет любой пересказ авторского текста.

Даже в неоконченном виде записки Н.М. Вербы представляют значительную историческую ценность для изучения истории Ирана и русско-иранских связей начала XX в., заслуживают дальнейшего исследования и публикации.

Примечания

¹ Нумерация страниц выполнена автором настоящей статьи.

² Фотография из Коллекции фотографий историка С.В. Волкова. (<http://swolkov.narod.ru/foto1/a441.htm>).

³ Окончивший Офицерские Курсы Восточных языков и дававший уроки русского языка Ахмад-шаху Каджару — последнему шаху из династии Каджаров (1796–1925).

⁴ Получил это прозвище из-за особой любви к пулемету, изобретенному Х.С. Максимом (1840–1916).

⁵ Филаретов Парфений Варфоломеевич — выпускник Виленского военного училища. Полковник, инструктор Персидской казачьей бригады (дивизии). До октября 1919 г. начальник Тегеранского отряда той же дивизии, затем начальник Хамаданского отряда.

⁶ Биография автора и типична, и уникальна одновременно. Гимназия, Великая война, юнкерское училище, война гражданская, ранения, эмиграция, РОВС и «Кутеповская организация», два похода в СССР, присоединение к генералу Краснову, трагедия Лиенца, 10 лет лагерей, тяжёлая болезнь и возвращение во Францию. Замечательно точные наблюдения России, войны, СССР, ГУЛАГа, жизни в эмиграции. Цит. по: http://www.dk1868.ru/history/vse_knigi.htm

Литература

1. Мемуары ех-Ротмистра Крымского Е.В. Императрицы Александры Федоровны полка, Полковника в отставке Армии Е.В. Шаха Ирана. Воспоминания, очерки и встречи за 40 лет жизни в Персии и в других странах с 1900 года. Тетрадь № 1. Тегеран, Иран, 3 января 1953. 54 с.

2. Мемуары Ротмистра Крымского Е.В. Императрицы Александры Федоровны полка, Полковника в отставке Армии Е.В. Шаха Ирана. Состоявшего с 1913 по 1920 Инструктором Кавалерии в Персидской Шахской Казачьей бригаде, развернутой во время I мировой войны в дивизию. Военная русская миссия была ликвидирована в октябре 1920 года правительством Шаха по требованию Англии. Воспоминания, очерки и встречи в Азии. Путешествия по Ирану, экспедиции, путешествие через мятежный Курдистан, Сев. Месопотамию и Сирию. Тетрадь № 2. Тегеран, Иран, 18 февраля 1953. 83 с.

3. Мемуары Ротмистра Крымского Е.В. Императрицы Александры Федоровны полка, Полковника в отставке Армии Е.В. Шаха Ирана. Состоявшего с 1913–14–16 по октябрь 1920 года Ин-

структором Кавалерии в Персидской Шахской Казачьей бригаде и с 1914 года в дивизии, развернутой в I мировую войну. Военная русская миссия была ликвидирована в октябре 1920 года по требованию английского правительства. Тегеран, Иран, 12 марта 1953. 28 с.

4. Мемуары ех-Ротмистра Крымского Е.В. Императрицы Александры Федоровны полка, Полковника в отставке Армии Е.В.Шаха Ирана. Воспоминания, очерки и встречи за 40 лет жизни в Персии и в других странах с 1913 года. Тетрадь № 4. Тегеран, Иран, 16 марта 1953. 72 с.

5. Владикавказец. Пути-дороги. Мадрид, 1967. [Электронный ресурс:] <http://www.dk1868.ru/history/VLADIKAV.htm#z114>.

УДК 94

И.В. Герасимов

**РОССИЯ — СУДАН:
ИЗ ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ
(ПО МАТЕРИАЛАМ КНИГИ Е.П. КОВАЛЕВСКОГО
«ПУТЕШЕСТВИЕ ВО ВНУТРЕННЮЮ АФРИКУ»)**

В современной и более ранней отечественной литературе Судану и отношениям России с этим крупнейшим арабо-африканским государством уделялось недостаточно внимания. Вместе с тем, на протяжении XIX в. туда направлялись путешественники и исследователи из России, среди которых уместно будет назвать О.И. Сенковского, А.С. Норова, В.В. Юнкера и Е.П. Ковалевского.

Будучи совсем еще молодым человеком, О.И. Сенковский побывал в Судане после завоевания страны турецко-египетской армией в 1821 г. и изложил свои впечатления в «Отрывках из путешествий по Египту, Нубии и Верхней Эфиопии».

Из-под пера государственного деятеля и публициста А.С. Норова, посетившего Египет и Судан в 1834–1835 гг., вышли четыре тома путевых описаний Ближнего Востока с привлечением богатого материала из древнегреческой и древнеегипетской истории и представлением крайне интересных сведений о различных сторонах жизни египетского и палестинского общества. Помимо этого, несколько страниц автор посвятил описанию северного суданского населенного пункта Вади Хальфа на Ниле. Однако этим, тогда совсем небольшим поселком, и заканчиваются излагаемые им сведения о Судане.

Иначе сложилась судьба другого представителя России — В.В. Юнкера. Этот пылкий путешественник, неутомимо шедший к своей цели, провел в Судане несколько лет. Его первоначальные устремления — посетить одну из провинций страны Дарфур — не увенчались успехом в силу целого ряда причин, из которых определяющими явились политические. В итоге, в период 1876–1878 гг. и 1879–1886 гг. он оказался на юге Судана и, находясь там, проводил этнографические, антропологические и географические изыскания. Описания его наблюдений были изданы в Австрии, а часть собранного этнографического материала вошла в коллекцию, принадлежащую в настоящее время Музею этнографии и антропологии им. Петра I (Кунсткамера) в Санкт-Петербурге. Путешествия В.В. Юнкера и его коллекция исследованы в очень обстоятельной и интересной монографии З.Л. Пугач «Культура народов верховьев Нила» [4]. Свой собственный труд В.В. Юнкер озаглавил «Dr. Wilh. Junkers Reisen in Afrika 1875–1886. Nach seinen Tagebüchern bearbeitet und herausgegeben von dem Reisenden» («Путешествия доктора Вильг. Юнкера в Африку. 1875–1886. Обработаны и изданы путешественником по его дневникам»). Полностью он так и не был издан в России.

Егор Петрович Ковалевский оставил очень интересный и, к сожалению, так и не переизданный впоследствии труд, посвященный Судану, под названием «Путешест-

вие во Внутреннюю Африку» [4]. Это сочинение, написанное в жанре путевых зарисовок, открывает исследователю сразу несколько интересных аспектов. Во-первых, в нем приводятся ценнейшие сведения от непосредственного очевидца исторических событий, происходивших в Судане вскоре после завоевания страны турецко-египетскими войсками и фактического присоединения ее к Египту. Перу нашего соотечественника принадлежат описания различных сторон жизни суданского общества первой половины XIX в., среди которых имеются весьма интересные и, практически, неизвестные. С учетом того, что исторический период с XVI по XVIII вв. является малоизученным, когда практически не составлялись рукописные своды с фиксацией дат и имен, за исключением, пожалуй, объемного агиографического труда Ибн Дайфаллаха «Табакат» [6], Е.П. Ковалевский своим произведением предоставил возможность дополнить и расширить представления о развитии Судана благодаря сведениям почерпнутым им из бесед с рядовыми суданцами-торговцами, погонщиками животных, а также с представителями власти и религиозных кругов.

Известные арабские путешественники, которые находились в Судане в указанный период, оставили фрагментарные сведения об этой стране. Число западноевропейских исследователей африканского континента, излагавших в своих публикациях информацию о жизни, нравах, географии и политике Судана в эту эпоху, было невелико. Наиболее известными среди европейцев, которые писали о Судане, были Джеймс Брюс (1730–1794) — автор работы «Travels into Abyssinia» [1], Иоганн-Людвиг Буркхардт (1784–1817), посетивший в 1814 г. Нубию и оставивший о ней свои путевые заметки, а также Калью, посвятивший свой труд Судану [2] и др.

Во-вторых, автор текста включил в него интересные, хотя и фрагментарные, сведения о русских, которые оказались среди членов направленной в Судан на поиски золотосодержащих рудников миссии. Кроме того, Е.П. Ковалевский явился создателем географической карты, содержащей впервые введенные им в научный и географический оборот топонимы. Это позволило говорить о некоторых географических открытиях, сделанных в ходе деятельности экспедиции и имело важное значение для дальнейшего освоения и изучения африканского континента. Кроме того, экспедиция подтвердила неоднократно высказывавшуюся в мировой науке гипотезу относительно «южного» расположения истоков Нила и окончательно опровергла версию возможных его истоков в районе современной провинции Дарфур.

И, наконец, Е.П. Ковалевский был, видимо, первым в России, кто оставил сведения на русском языке о государстве фонгов, вокруг происхождения и истории которого не прекращаются споры в научных кругах.

Российский путешественник, основываясь на личных наблюдениях и бытовавших, очевидно, среди местных жителей легендах относительно происхождения фонгов, сообщал следующее: «Если верить преданию, которое мы спешим сохранить для истории Судана, и немногим темным указаниям древних, Сеннар составлял Макробею времен Камбиза. После него владели Сеннаром десять цариц и двенадцать царей. Потом появились арабы из Хиджаза. Наконец фунги, с берегов Белого Нила; это было уже в 890 году хиджры, или в 1484 [году] нашей эры. После решительной победы у Арбагой, они овладели всем полуостровом, образуемым Белым и Голубым Нилом, и основали новое, огромное царство. Фунги, по очерку лица и языку, кажется, несомненно, принадлежат к племени негров-шиллуков, живущих по Белому Нилу. Фунги значит завоеватели, и, вероятно, приняли это название по завоевании Судана или части королевства Бурум,

куда проникли еще прежде того. Они владели до самой Уади-Гальфы на севере; на юге, как и нынче, границы восточного Судана исчезают в землях более или менее покоренных негров. Первый владетель из племени фунги был Амара-ду, который царствовал 42 года; за ним следовали двадцать девять других, ознаменовавших себя большей частью одними битвами с различными племенами. Последний был Бади, сын Табли; при нем Исмаил-паша покорил Сеннар» [4. Т. 1. С. 146].

Несомненный интерес представляет информация относительно происхождения современной столицы Судана города Хартум. Первые упоминания о нем как о населенном пункте содержатся в памятнике Ибн Дайфаллаха «Табакат» [6]. Однако Е.П. Ковалевский дополняет его рассказом о том, какие городки и поселки рассматривались центрами страны в период, последовавший за захватом Судана египтянами турками, и также о том, кто способствовал возвышению Хартума. Он писал в этой связи: «Главное правление Мухаммада Али сначала кочевало из города в город, смотря по вкусу генерал-губернатора. Оно было в Сеннаре, столице фунгов, в Уад-Мадани, основанной Исмаилом-пашой, в Кордофана, и, наконец, лет пятнадцать тому назад, Хошруд-паша выстроил Хартум и перенес туда главное управление» [4. Т. 1. С. 146].

Наш соотечественник был знаком с трудами своих предшественников — европейских путешественников, оставивших свои описания Судана и суданских городов. В частности, описывая город Сеннар, он делает ссылку на Калью и отмечает следующее: «Город Сеннар был прежде велик. При фунгах в нем, говорят, было до 25000 жителей; еще после завоевания Исмаила-паши оставалось до 9000, как свидетельствует Калью; но с тех пор, как турки перенесли главное управление в Хартум, Сеннар опустел; в нем теперь едва ли 5000 жителей, не исключая и солдат; торговля с Абиссинией упала, народ обеднел» [4. Т. 1. С. 154].

Во время обратного путешествия в Каир, неутомимый исследователь, несмотря на болезнь, продолжал интересоваться окружающей его жизнью. Он, в частности, успел обратить внимание на правителей Сеннара, являвшихся преемниками власти фонгов и сохранивших ранее заложенные традиции управления. В связи с этим он писал: «Прежде чем оставим Сеннар, скажем хоть несколько слов о гостеприимной принцессе бывшего Сеннарского царства [...] Наср, так зовут ее, некогда была хороша, что доставило ей покровительство зверообразного дефтердара; теперь она старуха. Ее муж и первый министр Арбаб, был моим постоянным спутником и заботился обо мне, как только мог. [...] Наср приняла меня, как желанного гостя. За ужином, который был довольно приличен, явилась водка и ром; хозяйка, было, оскорбилась тем, что я ничего не пил, но спутники мои успокоили ее и очень охотно и часто прикладывались к бутылкам, уверяя всякий раз, что пьют за меня, желая сделать угодное хозяйке, которую бы, в противном случае, совсем обидели. Наср также иногда отвеживала запрещенного напитка...» [4. Т. 2. С. 122].

Крайне интересны и сведения об арабах, населявших Судан, а также тех, кто, и это доподлинно известно, содействовал уже тогда установлению отношений и взаимопониманию между арабами и Россией. В путевых записках Е.П. Ковалевского приводится рассказ о двух молодых египтянах, с которыми он познакомился во время посещения ими Уральских гор и теперь по воле судьбы вновь встретился в Судане. Стремясь попасть к истокам реки Тумата, наш соотечественник старался заручиться поддержкой турецко-египетской администрации и для организации своего предприятия пользовался помощью своих арабских друзей. Он писал об этом следующее: «Мне помогали

во всех приготовлениях Дашури и Мухаммад Али. Но я по сие время забыл сказать о них: это молодые арабы, воспитывавшиеся в Германии, в Гарце, где они, конечно, и в глаза не видали золотых россыпей, и потом обехавшие со мною Урал. Не думал я тогда встретиться с ними в Кассане!... Этим-то людям, разумеется под непосредственным начальством генерал-губернатора, поручил Мухаммад-Али открытие золота и устройство фабрики. В поисках золота они еще имели какой-то успех, руководствуясь указаниями негров, а главное, угрожаемые гневом вице-короля, который начинал уже терять терпение, и когда добился от них, можно сказать насильно, благоприятных донесений, велел немедленно приступить к постройке фабрики для 2000 человек на первый раз. Можно себе вообразить в каком положении были молодые люди! Не имея достаточных практических сведений для дела, стесняемые во всем генерал-губернатором, который твердо веровал, что способ промывки негров, есть самый лучший способ, хотя, в сущности, хуже его, как увидите, и придумать нельзя, понуждаемые беспрестанно Мухаммадом-Али, они были в отчаянии, и приезд мой, снимавший с них страшную ответственность, был для них истинным счастьем. Не говорю уже о том, что они были от души преданы мне» [4. Т. 2. С. 11].

Чрезвычайно важным, как кажется, является то, что наш соотечественник смог на какое-то время дальше всех других исследователей описать земли на Юге Судана и собственно Эфиопии, куда добралась сопровождавшая его экспедиция, и дать отдельным географическим объектам, не отмеченным на картах предшественников, русские названия. Так на свет появились «Страна Николаевская» и даже река «Невка» [4. Т. 2. С. 164–165].

Еще одним важным достижением Е.П. Ковалевского было то, что, благодаря опубликованному им произведению о Судане, в России вырос интерес к этой стране и туда стали стремиться другие исследователи и путешественники, в частности И.И. Пузанов [3].

Литература

1. Bruce J. Travels to discover the Source of the Nile in the years 1768, 1769, 1770, 1771, 1772 and 1773. London, 1813. 513 p.
2. Voyage à Méroé, au fleuve blanc, etc. Par Frédéric Caillaud, de Nantes. 1826–1827. Paris. Vol. 4.
3. Дмитриевский Ю.Д. Исследователь природы Африки Иван Иванович Пузанов // Вестник восточного института. № 2 (10). Т. 5. 1999. С. 55–62.
4. Ковалевский Е.П. Путешествие во внутреннюю Африку. СПб., 1849. Т. 1; Т. 2. 359 с.
5. Пугач З.Л. Культура народов верховьев Нила (по материалам путешествий В.В. Юнкера). М., 1985. 178 с.
6. 1974. ضيف الله، محمد النور. كتاب الطبقات في خصوص الاولياء و الصالحين والعلماء و الشعراء في السودان. الخرطوم،
Kitāb al-Ṭabaqāt fī khuṣūṣ al-Awliyā' wa'l-Ṣālihīn wa'l-'Ulamā' wa'l-Shu'arā' fī al-Sūdān
(Книга разрядов о исламских подвижниках, праведниках, ученых и поэтах в Судане).

УДК 94

*Б. Н. Мельниченко***ДОМ РОМАНОВЫХ И ДОМ ЧАКРИ
(РОССИЯ И ТАИЛАНД В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX вв.)**

Таиланд — государство в Юго-Восточной Азии, до 1939 г. носившее название Сиам. Из 11 государств, существующих в настоящее время в этом регионе, только один Таиланд никогда не был колонией. В конце XIX в. Сиамское королевство оказалось со всех сторон окружено колониальными владениями крупнейших колониальных держав — Великобритании и Франции. Казалось, что Сиам вскоре также утратит свою независимость, но этого не случилось.

В самый ответственный, самый трудный период борьбы Сиама за сохранение независимости в 1886–1904 гг. Сиам неоднократно получал помощь и поддержку со стороны России.

Прямые российско-сиамские контакты начались в феврале 1863 г., когда два корабля Тихоокеанской эскадры Российского флота «Гайдамак» и «Новик» прибыли к устью реки Менам Чао Прайя, и русские офицеры посетили столицу Сиама — Бангкок. С 1863 г. корабли Российского флота стали часто заходить в Бангкок. В рапортах капитанов, в записках, дневниках, письмах морских офицеров содержатся нередко весьма подробные описания храмов, дворцов, жителей столицы, их быта, их доброжелательного и доброго нрава, описания встреч с руководителями страны и стремления последних установить дипломатические, дружеские отношения с Россией. В Сиаме в 1875 г. дважды побывал Н.Н. Миклухо-Маклай; в 1892 г. — российский путешественник и дипломат Григорий де Воллан.

В 1898–1918 гг. в Бангкоке находилось дипломатическое представительство России [1]. Соответственно, в Санкт-Петербурге было открыто посольство Сиама. Российский посланник Г.А. Плансон в 1911–1914 гг. собрал большую коллекцию буддийской скульптуры. Ныне эта коллекция (более 250 ед. хр.) — в собрании Государственного Эрмитажа.

Сотрудник Императорского Этнографического музея Н.И. Воробьев по специальному заданию Императорской Академии наук в 1906 г. был направлен в Сиам и собрал в Бангкоке и древней сиамской столице Аютии коллекцию сиамской скульптуры, которая теперь находится в Музее антропологии и этнографии («Кунсткамере») в Санкт-Петербурге.

В начале XX в. имели место и первые религиозные контакты между двумя странами. В марте–апреле 1901 г. в Сиаме побывала делегация бурятских буддистов во главе с Первенствующим ламой Восточной Сибири Чойнзин Ирлотуевым. Делегация посетила, в частности, священное место Сиама — след ступни Будды. С разрешения короля, Ч. Ирлотуев снял отпечаток ступни из глины и увез его в Россию, чтобы поместить его

в кумирню около Селенгинска. Ч. Иролтуев принял участие в закладке нового буддийского храма в парке королевского дворца.

В конце XIX — начале XX вв. несколько сот представителей России (моряки, путешественники, дипломаты, буддисты, высшие руководители, наконец, жены сиамцев) посетили Сиам, и некоторые из них подолгу жили в этой стране. В России было опубликовано около 30 книг, воспоминаний, статей и брошюр о Сиаме [7. С. 428–451]. Несколько десятков сиамцев побывали в этот период в России, некоторые из них (в частности, дипломаты и учащиеся) прожили здесь несколько лет.

В 1900 г. в Петербурге на сцене Императорских Михайловского и Александринского театров два представления дала придворная труппа сиамского балета. Музыка, танцы, мимика, сюжеты представлений были высоко оценены в художественных кругах Петербурга [7. С. 446–447].

Как известно, в построенном в начале XX в. в Санкт-Петербурге Храме Будды были освящены и установлены в 1914 г. две статуи Будды. Одну из них преподнес Храму король Сиам Вачиравуд.

Установление дипломатических (1898 г.) и договорных (1899 г.) отношений, культурные, религиозные и многочисленные личностные контакты расширяли знания русских и сиамцев друг о друге, способствовали «узнаванию» Сиам в России и России в Сиаме. Однако центральное место в межгосударственных отношениях довольно быстро заняли династические контакты между представителями династии Романовых и династии Чакри. Начиная с 1891 г., эти контакты получили определяющее значение в отношениях между Россией и Сиамом.

Особую роль здесь сыграл визит в Сиам наследника-цесаревича Николая Александровича, будущего императора Николая II, путешествовавшего по странам Востока в 1890–1891 гг. Во время этого путешествия цесаревич посетил Италию, Грецию, Египет, Шри-Ланку, Индию, Сингапур, Яву, Сиам, Вьетнам, Китай и Японию. С 19 по 24 марта 1891 г. Николай II пребывал в Сиаме. Тогда впервые встретились король Чулалонгкорн и будущий император Николай II, и, возникшие между ними чувства симпатии и друженности заложили основу взаимоотношений царствующих Домов двух стран [23].

Родона начальниками боярского, впоследствии — царского, рода Романовых являлись выходцы из земли пруссов Андрей Иванович Кобыла и его брат Федор Шевляга, переселившиеся в Москву в XIV в. Внук Андрея Кобылы Захария дал своим потомкам фамилию Захарьиных, а потомство его сына Юрия носило фамилию Захарьины-Юрьевы. От Федора Шевляги пошло многочисленное потомство, давшее начало родам Шереметьевых, Колычевых, Неплюевых, Кокоревых, Беззубцовых, Коновицыных, Лодыгиных. Дочь окольного Романа Юрьевича Анастасия 3 февраля 1547 г. стала первой и самой любимой женой царя Ивана IV Грозного (умерла в 1560 г.). Брат Анастасии Никита Романович (умер в 1586 г.) остался близок к царю и был назначен опекуном его сына — Федора Ивановича. Своим прямым и честным характером, своими добрыми советами царям и добрыми делами Никита Романович приобрел уважение и популярность в народе, передавшиеся и на отношение к его пяти сыновьям. Годунов сослал всех Романовых в глухие места. Остались живы только старший брат Федор, постриженный в монахи под именем Филарет, и младший Иван. После смерти Годунова сын Филарета Михаил с матерью оказались в Костромском Ипатьевском монастыре, откуда Михаил был избран на царский престол Земским собором. 11 июля 1613 г. Михаил Романов вен-

чался на царство. К 1891 г. Романовы почти 280 лет правили Россией, и многие из них — Алексей Михайлович, Петр Алексеевич, Екатерина Алексеевна, Александр Павлович, Александр Николаевич и другие — своей деятельностью прославили себя и Россию.

Родоначальником знатного, впоследствии — королевского, рода Чакри был знатный монский офицер, который пришел с юга Бирмы в Аютию в 1584 г. вместе с королем Наресуэном, восстановившим независимость Сиамского королевства. Потомки знатного мона верно служили королям Аютии (Сиам), и в конце следующего, XVII, столетия два брата из рода Чакри занимали высшие государственные должности. Мать братьев была дочерью одного из королев Аютии. Пья Коса Тибоди являлся праклангом (сбор большинства налогов, казна, отношения со всеми иностранцами в стране и многие другие функции). Он скончался в 1683 г. Пья Висут Сунтон (впоследствии Коса Пан), один из талантливейших сиамских дипломатов, возглавил третье сиамское посольство во Францию в 1686 г. Он раньше многих осознал опасность европейского проникновения в Сиам и, вернувшись домой, стал одним из руководителей движения за изгнание иностранцев из Сиам. Но, будучи человеком наблюдательным, мудрым, патриотически настроенным, Коса Пан считал, что у французов можно многому научиться, особенно в области техники и военного дела. Одно время он также занимал должность пракланга, но политика короля Петрачи, нацеленная на изоляцию страны, не позволила Косе Пану провести в жизнь свои планы.

Король Монгут, написавший для английского посла Джона Боуринга (1855 г.) биографию семьи Чакри, отмечал, что генерал Чакри, основатель династии, король Рама I (1782–1809) был праправнуком Коса Пана (Пья Висут Сунтона) [26. С. 23–24]. Рама I взял власть в свои руки 20 апреля 1782 г. Среди королев основанной в 1792 г. династии Чакри в Таиланде особо отмечают Раму IV Монгута (1851–1868), Раму V Чулалонгкорна (1868–1910) и ныне царствующего короля Раму IX — Его Величество Пхумипхона Адуньядета (самый долгоцарствующий на Земле монарх — с 1946 г.).

Но вернемся к путешествию наследника-цесаревича Николая. Почти два месяца провел цесаревич в Индии, две недели он осматривал Шри-Ланку, затем венценосный путешественник направился в Сингапур. Здесь, на борту сиамского крейсера, Николая Александровича поджидал брат сиамского короля принц Дамронг (1862–1943). Этот, тогда еще молодой человек, прославился в будущем как великий ученый, археолог, историк своей страны, собиратель памятников сиамской культуры. Он был одним из главных соратников короля Чулалонгкорна при проведении глубоких социально-экономических и государственно-административных реформ, в течение 23 лет был министром внутренних дел Сиам, выполнял важные дипломатические поручения короля. Дамронг вручил цесаревичу письмо с приглашением посетить Сиам.

В своем послании Чулалонгкорн, в частности, писал: «Надеюсь, что выслушав слова, которые мой брат имеет передать, Ваше Императорское Высочество, из этого почерпнете новые доказательства почтения и дружбы, испытываемых мною по отношению к Императорскому Дому, под могучим покровом коего живет благородный русский народ, а также убедитесь в моей и дома моего непритворной радости и гордости при осознании, что Вы приближаетесь к моей стране». Приглашение было принято. В ответном письме Николай в столь же сердечных выражениях подтвердил свое намерение, но обещал приехать в Сиам спустя недели две. Сначала путь его лежал в «Нидерландскую Индию», на Яву.

19 марта 1891 г. наследник-цесаревич, принц Георг Греческий и большая свита цесаревича, в которой были князья Э.Э. Ухтомский, В.А. Барятинский, Н.Д. Оболенский и

В.С. Кочубей, адмиралы В.Г. Басаргин и П.Н. Казимов, капитаны Ф.В. Дубасов, А.В. Федотов, лейтенанты Кроун и Кладо, консул России в Сингапуре А.М. Выводцев и другие, все прибыли к устью Менама на крейсере «Память Азова» в сопровождении двух других кораблей русского флота (фрегаты «Владимир Мономах» и «Адмирал Корнилов».) На двух сиамских канонерках были подняты флаги и дан орудийный салют наций в честь их прибытия. Встречей руководил принц Девавонг, практически уже исполнявший обязанности министра иностранных дел Сиам — пост, который он занимал с 1892 по 1923 гг. Князь Э.Э. Ухтомский, воспитатель наследника-цесаревича, записал в своем дневнике: «Говорят, Его Величество король Чулалонгкорн оповестил свой народ, что к нему едет Гость, которого следует считать за народного Гостя, встретить и почтить от всей души, приветствовать не только как Царственного путешественника, но и как Друга» [23. С. 60].

Утром 20 марта гости на королевских яхтах «Суриямонтон» и «Бутсебок» направились вверх по реке к причалу у королевского дворца. Здесь их встречали король Чулалонгкорн, наследный принц, двое младших братьев короля и сиамские вельможи. Король и гости прошли во дворец Дусит, где король представил цесаревича королеве, а затем вручил Николаю Александровичу высший сиамский орден Маха Чакри, а принцу Георгию Греческому — орден Белого Слона. После король проводил цесаревича во дворец Саранром, предоставленный гостям на время визита. Днем 20 марта высокий гость совершил прогулку по дворцовому парку. С крыши орхидейной галереи он наблюдал шествие слонов, а затем смотрел театрализованные сиамские игры — краби-крабонг (сражение на мечах и палках) и такро (игра в мяч из ротанга: тяжелый мяч сплетен из растительного материала).

Вечером в Большом Королевском дворце был дан обед в честь наследника российского престола, на котором присутствовали король, 12 принцев, среди них Девавонг и Дамронг, высшие сиамские сановники, все российские гости, а также послы Англии, Германии и Америки [20. С. 36–39].

21 марта король выехал в свою загородную резиденцию Банг-Па-Ин для организации приема гостей и, в частности, для подготовки церемонии отлова слонов.

Тем временем в Бангкоке цесаревич и другие гости в сопровождении принца Дамронга осмотрели Большой королевский дворец — целый ансамбль построек, одна из которых — знаменитый Ват Пхра Кео (Храм Изумрудного Будды), палладиум государства — особенно привлекла их внимание; столичный музей (бывший дворец «второго короля»); «Золотую гору» — искусственный насыпной холм на окраине Бангкока с крепостью на его вершине. Вечером Николай Александрович смотрел в домашнем театре принца Махинсаки спектакль «Пхра Апхаймани». «Два дня, проведенных в Бангкоке, были рядом оваций, торжеств, сменившихся осмотром достопримечательных дворцов, музеев, храмов и памятников, носящих еще нетленный отпечаток старины», — сообщал генеральный консул России в Сингапуре А.М. Выводцев в МИД России. — «Процессия и представления восточных обрядностей сменялись обедами и прогулками, и Его Высочество неоднократно изволил высказывать мнение, что это самые интересные из полученных до того впечатлений, при наиболее полном комфорте» [20. С. 21].

Утром 22 марта цесаревич Николай по реке Чаопрайя Менам отплыл в загородную резиденцию короля. «После завтрака, — цитируем сообщение Выводцева, — десять тысяч народа в праздничных нарядах на большой площади перед дворцом подносили Его Высочеству корзинки с плодами, птицами и зверями, материями и веерами и все про-

дукты и производства страны. Это было устроено по собственному побуждению соседнего населения, желавшего таким образом заявить привет и преданность наследнику русского престола. ... Сиамские принцы уверяли меня, что никогда еще никому, кроме короля, горячо любимого народом, не устраивалась такая овация» [20. С. 21]. Один из членов свиты цесаревича Николая, очевидец церемонии, описал ее несколько иначе: «Толпы простых людей, мужчин и женщин, разного возраста несли свои подарки, сделанные от всего сердца. То были животные или птицы в клетках, фрукты или овощи, некоторые дарили домотканые материи, некоторые преподносили треугольные пуфы в виде пирамид. Эти люди подходили тихо, не говоря ни слова, хотя их было тысячи две и все они находились прямо перед нами. После этого они все поклонились в ноги в знак уважения, положили свои дары на пол и скромно и тихо уселись рядом, тем самым торопя пришедших позже выкладывать свои дары на меньшем пространстве. И это было достаточно, чтобы наш престолонаследник все понял. Дары были самые, что ни на есть, обычные, но сделано это было так, что эти мелочи приобрели ни с чем не сравнимую ценность. Эти люди в разноцветье своих одежд и с искренними улыбками на их лицах раскрыли вдруг великое значение принесенных зверюшек и птичек. Одна из преподнесенных птиц была мала размером, но с разноцветными перьями и могла петь на разные голоса. Другим подарком был зверек, по виду — маленькая мышь, без хвоста, лежавшая без движения в клетке, казавшейся несоразмерно большой. У зеленого попугая на клюве оказались черные полоски, как будто он был усат. Всем видом он выражал готовность вырваться на волю. Одна из принесенных карликовых сов захлопала крыльями и смогла таки улететь. А в это время люди в знак выражения своей преданности были неподвижно распростерты вокруг нас в земное поклоне. Какое прекрасное, незабываемое зрелище!» [11. С. 19].

После встречи с местными жителями Николай Александрович смотрел лодочные гонки. Отобедав, цесаревич продолжил принимать подарки. Ему были преподнесены фотографические портреты короля и королевы в массивных серебряных позолоченных рамках, пара огромных (около 2,5 метров высотой) слоновьих клыков, принесенных в дар сиамскому королю из страны Лао, тайский меч из расписного золота с изображением змея Нага на рукоятке, на ножнах — инициалы короля Чулалонгкорна; лаосская сабля с рукоятью и ножнами из золота с насеченным орнаментом; малайский кинжал «крис», также с рукоятью и ножнами из золота и волнистым лезвием. Три эти вида королевского холодного оружия составляли единый набор, и крышка их общего футляра символизировала все три части Сиам: земли народа таи, земли лао и малайцев [11. С. 20]. Среди подарков — сделанный специально по случаю приезда наследника российского престола — настольный декоративный прибор. Он состоит из трех серебряных позолоченных предметов: два высоких канделябра на три свечи в форме птицы на пьедестале и настольное украшение из двух чаш. В канделябрах в качестве подставки для светильника — мифическая птица хамса. Три птицы хамса поддерживают вставленные одна в другую две чаши. Двуступенчатый восьмигранный пьедестал с двух сторон украшен российскими гербами и коронами, с двух других — сиамскими. Среди подарков также были две эмалированные цветные вазы с нефритовыми на них букетиками цветов, сервиз из двух чайников и 12 коричневых чашечек на золоченом подносе, множество фотографий с видами Сиам. Несколько позже на «Память Азова» доставили и иные подарки: двух слонят, пантеру, двух белых обезьян, обезьяну-ленивца (ведет ночной образ жизни), множество пестроцветных тропических птиц.

23 марта рано утром король и высокие гости на королевской яхте направились в Пханиат, недалеко от Аюттии, и расположились в большом павильоне на крепостном валу. Сначала показали отлов слонят. После обеда состоялась церемония отлова крупных взрослых слонов. Эта церемония продолжалась и на следующий день. Всего гости увидели загон и отлов 287 слонов. «Цесаревич уже видел такую охоту на Цейлоне, — писал Выводцев, — но там было 9, а здесь 300 диких слонов» [20. С. 21]. Да, можно сказать, что в эти два дня российские путешественники стали свидетелями единственного в своем роде зрелища, организованного специально для них.

Вечером 23 марта в Банг Па Ин гости гуляли по парку, а позже наблюдали факельное шествие. Наконец, вечером 24 марта был устроен прощальный обед, а потом — выступление классического оркестра махори. 25 марта утром король, цесаревич, принц Георг и все участники визита (и приема гостей) сфотографировались, после чего король, королева, принцы проводили высоких гостей, которые вернулись на «Память Азова», стоявшего в устье Менама, только к 8 часам вечера.

На всю жизнь сохранил Николай II интерес к Сиаму, к сиамским делам. В его кабинете в Зимнем дворце стояли памятные вещи, привезенные из Сиам. Российский император всегда был дружески внимателен к обращениям из Сиам, внимателен к сиамским гостям России. Личное знакомство короля Сиам и будущего императора России, их новая встреча в Петербурге в 1897 г., поддерживаемые ими дружеские контакты имели большое значение для развития российско-сиамских отношений в целом.

У высоких гостей из России осталось самое благоприятное впечатление о Сиаме. «Легендарное гостеприимство сиамского двора издавна нам было известно по книгам; но то, что приходится видеть и испытывать, превосходит всякие описания», — записал Э.Э. Ухтомский [23. С. 80]. На два явления сиамской жизни тех лет гости обратили особое внимание. Первое — модернизация страны, движение Сиам по пути развития, направляемое сверху просвещенными монархами. «Уже отец его величества, короля Чулалонгкорна (т. е. король Монгут. — Б.М.), справедливо считался замечательным человеком... — писал Э.Э. Ухтомский. — Корона досталась ему почти на склоне лет, но он (прямо из монастыря!) бодро и с гуманными чувствами взялся за реформы, осознал необходимость усвоения важнейших материальных форм западной цивилизации, стяжал себе почетное имя в качестве ревнителя знания и просвещения. Как бы он радовался, видя последующие успехи своего потомства и целой страны на стезе медленного нормального прогресса!» [23. С. 70]. Второе, что следует особо отметить, — положительная оценка гостями из России роли и значения буддизма. «Буддизм играет первенствующую роль в жизни страны. Можно без преувеличения сказать, что на нем зиждется все самое гуманное и хорошее в народе. Широта взглядов, радушие относительно иноземцев, уважение к их мыслям и чувствам высшего порядка, — таковы качества, привитые сиамцам принципами учения Шакья-муни» [23. С. 71].

В 1894 г. в Эрмитаже была устроена выставка подарков, полученных цесаревичем во время путешествия. После выставки некоторые вещи из Сиам находились в кабинете Николая II в Зимнем дворце, часть сиамских вещей осталась в Эрмитаже, а некоторые были переданы в Музей этнографии («Кунсткамеру»).

В тайландском научном журнале следующим образом оценивается визит наследника-цесаревича в Сиам: «Год 1890/91 был ознаменован триумфом дипломатии короля Чулалогкорна, выразившемся в государственном визите наследника трона одной из великих мировых держав, которая сдерживала соперничество западных империалистов

в борьбе за установление их власти в Восточной Азии» [25. С. 132]. Это объективная оценка. Действительно, Россия не стремилась приобрести колонию или «сферу влияния» в Юго-Восточной Азии, а выступала за сохранение здесь status quo, поддерживала Сиам в его борьбе за сохранение независимости.

В июле 1891 г. в Бангкок прибыла канонерская лодка «Сивуч», и ее капитан от имени императора России вручил Чулалонгкорну орден Св. Андрея Первозванного, а также письмо Александра III с благодарностью за дружественный прием в Бангкоке его сына.

В своем письме к Чулалонгкорну Александр III констатировал существование дружеских отношений между Российской империей и Сиамским королевством, выразившееся в приеме, который был оказан его сыну [3. Л. 3]. В Бангкоке визиту капитана А.П. Плаксина пытались придать политическую направленность. Принимая орден, Чулалонгкорн в своей речи обращал внимание русского офицера на политический характер дружбы между двумя государствами: «...это счастливое событие будет только первым среди многих, в которых наши страны будут иметь возможность показать их взаимную выгоду» [3. Л. 15]. Король Сиам вручил представителю царского двора письма на имя цесаревича и Александра III. Чулалонгкорн писал: «Я расцениваю эту высокую честь как свидетельство того, что намерением Его Высочества, равно как моим и моего правительства, является стремление скрепить узы дружбы, которая столь счастливо была начата визитом моего друга Его Императорского Высочества великого князя цесаревича к моему двору. [...] Королевство Сиам с гордостью смотрит на дружбу с могущественной Российской империей...» [20. С. 34]. Летом 1891 г. Чулалонгкорн направил принца Дамронга в Европу. В течение полугода Дамронг посетил Россию, Германию, Францию, Данию, Египет, Турцию и Индию. В начале ноября 1891 г. Дамронг прибыл в Крым и в Ливадии был принят Александром III. В письме Александру III Чулалонгкорн просил императора принять орден «Маха Чакри» в знак дружбы между Сиамом и Россией: «Мы не имеем другого более высокого знака нашей дружбы, чем то, что мы просим Ваше Императорское Величество принять и носить орден нашего королевского дома как знак наших взаимных чувств любви и, таким образом, оказывая честь мне и нашему королевскому дому» [20. С. 30].

Хотя никаких государственных соглашений в Ливадии заключено не было, визит принца Дамронга стал новым шагом в развитии дружеских отношений между Романовыми и Чакри. Сам Дамронг в письме принцу Девавонгу в Бангкок из Ливадии 17 ноября 1892 г. писал: «...было выделено специальное императорское судно, чтобы доставить меня до Ливадии... Цесаревич встречал на пристани, усадил в автомобиль и повез на аудиенцию. Император проводил прямо во дворец, показал все комнаты... Живя здесь, я обещаю и ужинаю вместе с императорской семьей каждый день... Император и императрица выражают желание, чтобы наш король посетил Европу и Россию, будут рады принять короля в России... Со стороны здешней знати нет и намека на неприязнь» [11. С. 24–25]. А вот что говорил Дамронг уже в Бангкоке Генеральному консулу России А.М. Выводцеву в 1893 г., о чем последний изложил в своем донесении для МИД России: «...принц Дамронг, имевший счастье быть принятым в Ливадии, вынес оттуда самое приятное воспоминание и говорит, что счастливейшие дни его жизни были те, когда ему довелось быть гостем российской царственной семьи, которая изволила выказать ему такое радушие, какого он нигде и никогда не встречал и не ожидал, и что в его глазах идеал царя и семьянина воплощается в высочайшей особе государя императора» [20. С. 44].

Визит цесаревича в Сиам и приезд принца Дамронга усилили интерес в России к далекой стране Юго-Восточной Азии. В августе-декабре 1892 г. князь К.А. Вяземский, родственник Дома Романовых, проехал Сиамское королевство от его восточных границ до Бирмы. К.А. Вяземский предпринял в это время грандиозное путешествие по азиатским странам. На лошадях в сопровождении свиты в течение двух лет он проехал по пути из Европейской России через Сибирь и Китай во Вьетнам, Камбоджу, Сиам и Бирму и далее через Индию и Иран вернулся на Кавказ и в Европейскую Россию.

На земли Сиама князь Константин Вяземский приехал из Камбоджи. Он несколько дней находился в городах Убон и Корат, затем направился к берегам Менама, где особое внимание было уделено осмотру древней сиамской столицы Аюттии. Король Чулалонгкорн прислал за Вяземским свой пароход и пригласил русского путешественника осмотреть дворцы и парки летней резиденции сиамских королей — Бангпаин. Затем — Бангкок. Столица Сиама поразила Вяземского. «Положительно теряешься при описании этого прелестнейшего города, — писал он, — не знаешь, с чего начать. Сколько тут оригинальных и удивительных зданий... На каждом шагу приходишь в очарование и только удивляешься, как человек мог все это придумать и создать» [4. Л. 704]. Пробыв в стране около полугода, князь вынес о ней самые прекрасные впечатления. «Нравилась мне ночь тропическая, — писал К.А. Вяземский, — нравился мне Сиам, этот волшебный сад, нравилась мне тихая мирная жизнь здешних незлобивых жителей, и задумался я на несколько минут, и захотелось мне остаться тут, чтобы уже не возвращаться в Европу, не носить больше суконных сюртуков, а ходить вечно в полотняных пиджаках; не пить больше токайского вина, ни бургунского, ни шампанского, а утолять жажду пальмовым соком и кокосовым молоком, да чаем. Не покрываться на ночь шерстяными да шелковыми одеялами, а представлять ветру тропическому покрывать меня своими теплыми волнами» [4. Л. 704 об.–705]. Из Бангкока Вяземский решил подняться на пароходе к верховьям Менама, а затем на слонах переехать в Бирму. В начале декабря князь «перешел» сиамо-бирманскую границу. «Как-то горестно покидать Сиам, — записал К.А. Вяземский в своем путевом дневнике, — свылся я с ним, и хорошо там было, около полугода я по нему странствовал. Воспоминание он мне самое приятное оставил, что за беда, что повальные там лихорадки, тигры, змеи, всевозможные дикие звери; люди-то там добрые, гостеприимные, природа роскошная, солнце теплое, фруктов множество, ни холода, ни мороза и в помине нет» [4а. Л. 830].

25 августа/6 сентября 1892 г. наследный принц сиамского престола Маха Вачирунит был награжден Орденом св. апостола Александра Невского [20. С. 45]. Международное положение Сиамского королевства в эти годы продолжало ухудшаться. Особо опасными для Сиама были агрессивные действия Франции. В июле 1893 г. французские военные корабли прорвались к Бангкоку. Франция предъявила Сиаму жесткий ультиматум. Единственной державой, оказавшей Сиаму поддержку, была Россия. 29 июля/10 августа 1893 г. Чулалонгкорн направил телеграмму Александру III: «Я искренне благодарю Ваше Величество за чрезвычайно сердечную телеграмму. Теперь мирное решение моих разногласий с Францией обеспечено, и дипломатические отношения полностью восстановлены. Я не сомневаюсь в том, что столь добрые пожелания Вашего Величества внесли свой вклад в достижение этого результата...» [20. С. 46].

20 октября 1894 г. Александр III скончался. На похороны императора прибыл младший брат Чулалонгкорна, принц Свасти (Саватдисопхон). От имени короля он возложил венок. Между Николаем II и принцем Свасти «состоялась теплая, дружеская бесе-

да» [20. С. 47]. Принц был награжден орденом Андрея Первозванного I степени. На коронации императора Николая II в мае-июне 1896 г. присутствовала сиамская делегация во главе с сыном Чулалонгкорна принцем Чира [20. С. 48].

Важнейшим событием в отношениях между Россией и Сиамом стала новая встреча главы Дома Романовых императора Николая II и главы Дома Чакри короля Чулалонгкорна во время визита сиамского короля в Россию 1–11 июля 1897 г. Во время своего продолжительного путешествия по Европе король посетил Италию, Швейцарию, Австро-Венгрию, Россию, Швецию, Данию, Великобританию, Германию, Нидерланды, Бельгию, Францию (11–13 сентября и вторично 10–14 октября), Испанию, Португалию и Монте-Карло. Чулалонгкорн проявил блестящие дипломатические способности, глубокое знание международной обстановки и европейских реалий, личное обаяние, великодушное владение английским языком и умение установить дружеские и деловые отношения с самыми разными лидерами европейских государств. Центральной задачей визита являлось урегулирование отношений с Францией. Этот факт был особо отмечен в телеграмме королевы Саовапхи из Бангкока от 3 июня 1897 г. Королева сообщала Чулалонгкорну: «Собрание членов Тайного совета при Регенте убеждено, что в настоящее время французские колониалисты из всех сил стараются распространять слухи, рождающие в народе волнение. Они действуют путем фальсификации с той лишь целью, чтобы ввести в заблуждение сиамцев и препятствовать королевскому визиту во Францию... Особенно важна возможность лично переговорить с Российским Императором для того, чтобы нейтрализовать в максимально возможной степени последствия интриг колониалистов» [13. С. 2].

Однако французские власти первоначально вообще отказывались вести переговоры с сиамским королем. Посольство Франции в Петербурге 19 июня 1897 г. направило ноту в МИД России, в которой сообщало об аресте в Бангкоке «двух камбоджийцев, находящихся под покровительством Франции» и заявило: «Правительство Республики считает, что до урегулирования этого дела... оно не может принять во Франции короля Сиам в духе доверия и дружбы, присущем визитам подобного рода» [15. С. 143].

20 июня в новой ноте отказ принять сиамского короля был подтвержден [15. С. 144].

Становилось ясно, что только позиция России — союзника Франции — могла оказать влияние на решение французского правительства. В том числе поэтому визиту в Россию король Сиам придавал особое значение.

Чулалонгкорн прибыл на территорию России вечером 19 июня/1 июля 1897 г. из Австро-Венгрии. Ровно сутки он находился в Варшаве, нанес визит генерал-губернатору, присутствовал на параде войск, смотрел в Большом театре балеты «Дама червей» и «Волшебная флейта» и вечером 2 июля на специально присланном для него царском поезде выехал в Петербург. Обратимся далее к официальному сообщению. «21 июня в 9 часов вечера прибыл в Петергоф его величество Король Сиамский с Принцами Свасти и Широй. Вокзал станции Новый Петергоф и весь путь от железной дороги до Большого Петергофского Дворца был украшен национальными сиамскими флагами. В десятом часу вечера на платформе вокзала выстроился почетный караул в составе роты со знаменем и хором музыки от 92-го пехотного печерского полка и собрались лица Свиты Государя Императора. Немного времени спустя прибыли на вокзал Их Императорские Высочества Великие Князья Борис Владимирович, Андрей Владимирович, Алексей Александрович, Павел Александрович, Константин Константинович, Дмитрий Константинович,

Петр Николаевич, Михаил Николаевич, Георгий Михайлович, Александр Михайлович и Сергей Михайлович, Князя Евгений Максимилианович и Георгий Максимилианович Романовские, Принц Александр Петрович Ольденбургский и Герцог Михаил Георгиевич Мекленбург-Стрелицкий. К приходу поезда прибыл Его Величество Государь Император с Великим Князем Михаилом Александровичем. Его Величество имел на себе сиамский орден. Когда императорский поезд остановился у платформы, король, выйдя из вагона, поцеловался с Императором и представил Его Величеству Принцев. Затем король прошел вдоль фронта караула, оркестр играл сиамский гимн» [16. С. 2]. Вместе с королем в Петергоф приехали принц Свасти и сын короля принц Чира. Встреча короля Сиама в столице России с самого начала проходила подчеркнута торжественно. Императорская семья, члены дома Романовых, высшие государственные деятели России — все приняли участие в приеме Чулалонгкорна. 4 июля король Сиама нанес визит в Большом Петергофском дворце императрице-матери Марии Федоровне, а позже был принят императрицей Александрой Федоровной в Фермерском дворце в «Александрии» [17. С. 1]. В 7 часов вечера в Петровском зале Большого Петергофского дворца начался парадный обед в честь высокого гостя. 5 июля Чулалонгкорн, принцы Свасти и Чира на императорской яхте «Александрия» прибыли в Петербург. Король осмотрел Петропавловскую крепость, посетил гробницы российских императоров в Петропавловском соборе, домик Петра I. В Зимнем дворце Чулалонгкорну были представлены послы и посланники иностранных держав. С представителями Франции и Турции король побеседовал в «особой аудиенции» [18. С. 3]. В музее король осмотрел Романовскую и Петровскую галереи, залы русской, фламандской, французской и испанской живописи, отдел нумизматики, включавший и сиамские монеты, коллекцию мебели. После посещения Эрмитажа высочайший гость поехал на Марсово поле, где состоялся парад пожарных команд Петербурга. Сводный оркестр пожарных команд исполнил сиамский гимн. Для короля устроили показательное тушение пожара паровыми машинами. Вечером в Петергофском театре Чулалонгкорн смотрел балет «Коппелия» с участием Матильды Кшесинской. В эти два дня имели место и государственные переговоры.

5 июля король телеграфировал принцу Девавонгу, министру иностранных дел Сиама: «Переговорил с Императором, а затем с графом Муравьевым (министр иностранных дел России. — *Б.М.*) о сложностях, возникающих в наших отношениях с Францией... Их видение наших трудностей совпадает с нашим по всем статьям. Они высказали добрую волю по содействию в разъяснении Франции реальных преимуществ и пользы от урегулирования спора... Французский посол будет приглашен на беседу. Будет также составлено письмо монсеньеру Ганото (министр иностранных дел Франции. — *Б.М.*). Они сообщат о результатах по моему возвращению из Москвы... Они заранее до моего прибытия сюда готовили предпосылки улучшения наших отношений с Францией, что, как я понимаю, даст хорошие результаты» [13. С. 20]. И хорошие результаты не замедлили последовать. В день отъезда короля Сиама из Петербурга, 11 июля 1897 г., в МИД России поступила телеграмма, в которой французское правительство соглашалось принять Чулалонгкорна и вести с ним переговоры в духе примирения [2. С. 124–124 об.]. Уже позднее, в разговоре с русским послом во Франции Л.П. Урусовым, представитель Сиама Пья Сурия отмечал: «Король Чулалонгкорн, в бытность свою в Европе, был уже много обязан императорскому величеству, не только облегчившему, но с д е л а в ш е м у в о з м о ж н ы м (разрядка наша. — *Б.М.*) его приезд во Францию, что для него было весьма важно» [5. С. 124; 11. С. 102].

«Государственные дела продвигаются хорошо, — писал Чулалонгкорн королеве Саовапхе 5 июля, — здесь в России все идет не так как в других местах... Мы с императором почти все время вдвоем, всюду вместе, никто за нами не ходит...» [11. С. 29] «Утром 5 июля 1897 г. Николай Второй и Король Чулалонгкорн подписали две фотографии, где они были сняты вместе... Эту фотографию можно считать одной из чрезвычайно важных страниц в истории Таиланда, потому что, получив этот снимок, король приказал опубликовать его в газетах как можно шире. Фотография появилась в газетах во многих странах, четко дав понять мировому сообществу, что Таиланд и Россия скреплены узами тесной дружбы, а их монархи — близкие друзья» [11. С. 31]. Дружеское внимание к высокому гостю в течение всего визита проявляли и руководители России, и ответственность Петербурга и Москвы. «В эти дни половина Петербурга в Петергофе», — писала газета «Московские ведомости», сообщая о введении дополнительных поездов до Ораниенбаума [9. С. 2].

25–27 июня/7–9 июля Чулалонгкорн и четыре принца (в Москву также приехали Ваचाивуд и брат короля принц Малисри) провели в Москве. Они посетили Кремль, храм Христа Спасителя. После обеда во дворце генерал-губернатора, великого князя Сергея Александровича, проехали по московским улицам, посетили магазины, были на Воробьевых горах. Хозяин и высокий гость обменялись ценными подарками. Чулалонгкорн подарил великому князю украшенную бриллиантами походную аптечку, на крышке которой были выгравированы инициалы короля, а великой княгине Елизавете (супруге князя Сергея) — золотой столик. Сергей Александрович преподнес королю золотую коробочку для лекарств, с финифтью, работы русских мастеров, а великая княгиня передала для королевы Сиам два отреза парчи, сотканной русскими мастерицами [11. С. 31; 18. С. 3]. Стремясь укрепить связи с Россией и действуя как искусный политик, король Чулалонгкорн особо подчеркивал свой интерес к истории Дома Романовых. Так, в Архиве МИДа он внимательно рассматривал Грамоту об избрании на царство Михаила Романова, смотрел древние хартии, рукописи, печати, трактаты и договоры России с иностранными государствами. Чулалонгкорн посетил дом бояр Романовых на Варварке и усыпальницу Романовых в Новоспасском монастыре. В книге почетных гостей дома Романовых король Сиам написал: «Здесь в России очень чтут отца и мать, а также всех предков. Это место — одно из самых почитаемых» [11. С. 31].

Из Петербурга 10 июля король Чулалонгкорн писал в телеграмме королеве Саовапхе: «Я не в состоянии описать, какие меня охватили радостные чувства, когда я вернулся сюда вновь. С императором мы поцеловались и обнялись несколько раз, а потом вместе поехали к императрице. Я представил им нашего сына, император и императрица проявили к нему исключительную благосклонность. Императрица дарит тебе брошь в виде российской короны. Такие броши делали на заказ и раздавали Великим князьям и княгиням во время коронации, это очень важная вещь, символ родственных отношений с императорской семьей. При этом императрица сказала, что ты тоже теперь вошла в их семью. Я получил портрет очень почитаемого здесь императора Александра Третьего, и портсигар с надписью: “От друга”. Мне эти две вещи очень пришлись по душе, считаю, что это самые ценные подарки из всех, которые я получил. Я также встретился с императрицей-матерью, она нас принимала тоже. Императрица-мать несколько раз повторила, что скучает без меня. Она подарила мне портсигар с той же надписью что и на портрете императора. Она также очень участливо расспрашивала и о тебе, императрица-мать дарит тебе очень красивый браслет, украшенный бриллиантами и жемчугом.

Она одинаково любит всех престолонаследников. Обедали вместе с императрицей-матерью, и я чувствовал себя так, как будто бы ем у себя дома с родными и близкими, где не нужно никаких церемоний, не нужно никаких особых чиновочитаний. Я, правда, очень хотел бы, чтоб ты была здесь. Ты бы увидела взаимную любовь и счастье в императорской семье. Я никогда не видел семьи, где были бы так счастливы и так горячо любили друг друга. Когда уезжали из Москвы, великая княгиня Елизавета, жена великого князя Сергея, велела передать тебе свою любовь. Великая княгиня — женщина красивая и чрезвычайно добросердечная» [11. С. 32].

Многие российские газеты (Правительственный вестник, Санкт-Петербургские ведомости, Московские ведомости, Новое время и др.) опубликовали в июле 1897 г. статьи, посвященные истории и международному положению Сиама, жизни и культуре сиамцев, королю Чулалонгкорне и проводимым им преобразованиям. Так, газета «Московские ведомости» в день приезда Чулалонгкорна в Москву писала, что «... еще до захвата соседних стран европейскими державами, в Сиаме был предпринят целый ряд реформ в европейском духе, и в Азии, если исключить Японию, нет другого самостоятельного государства, в котором так широко распространилась бы европейская культура как именно в Сиаме... Необыкновенный подъем страны за последние тридцать лет должен быть поставлен в заслугу королю Чулалонгкорну, который в своих мерах успел избежать крайностей... Король Сиамский брал от западной культуры только то, что, по его мнению, могло быть полезно его народу. Народная жизнь, религия и народные обычаи, не идущие в разрез с современной культурой нисколько не изменились, и Сиам до сих пор является для европейцев самой интересной, живописной и симпатичной страной из всех стран Азии. Король Чулалонгкорн безо всякого сравнения самый просвещенный и популярный монарх в Азии и талантливейший из Сиамских королей» [9]. «Нынешний король, уничтоживший многие старые обычаи, совершил еще в молодых годах небывалое до того времени в Сиаме дело — путешествие в Индию и голландские колонии, — писал корреспондент газеты «Петербургский листок», — теперь он сделал еще шаг вперед — решил познакомиться с успехами западной культуры и предпринял путешествие по Европе» [14. С. 5]. «Из всех азиатских дворов, — писала газета «Новое время», — единственный только двор Микадо превосходит сиамский относительно европейской культуры. Зато сиамский король, в смысле западноевропейского образования, знания искусства управления государством превосходит японского» [10].

О внутренних реформах в Сиаме и о продвижении этой страны по пути прогресса говорилось в брошюре Е.К. Апостолиди «Королевство Сиам», которая вышла в свет в Санкт-Петербурге в июле 1897 г., к приезду сиамского короля. «В ноябре 1873 г. Чулалонгкорн I достиг совершеннолетия и взял бразды правления в свои молодые, но как впоследствии оказалось, весьма опытные и искусные руки. Почти за четверть столетия его управления Сиамом, это государство значительно подвинулось вперед по пути прогресса, ввело у себя целый ряд новых государственных учреждений первостепенной важности, обеспечивавших девяти миллионам сиамцев правильное развитие гражданственности и благосостояния» [1. С. 13]. Рассказав далее о Бангкоке, о буддийских святых местах Сиама, о религии и обычаях сиамцев Е.К. Апостолиди подчеркнул, что «...сиамцы народ гордый, но не воинственный: быть среди них безоружным — вполне безопасно...» [1. С. 14].

Визит сиамского короля приветствовали в России и власти, и общественность. Приведем здесь лишь одно, но весьма характерное высказывание. Газета «Санкт-Пе-

тербургские ведомости» писала 23 июня 1897 г. о короле Чулалонгкорне: «В его лице мы приветствуем не только одного из величайших людей нашего времени, истинного благодетеля своего народа, выведшего его из полудикого состояния на путь цивилизации и просвещения, но и истинного друга России. Сила этой дружбы — во взаимном уважении, в одинаково свойственных обоим народам чувствах прямоты и простоты. Никаких захватов и правонарушений, столь свойственных некоторым европейским нациям, у России нет, и наша дружба к Сиаму — честная, нелицемерная, на которую его величество король сиамский может смело положиться...» [22].

Заместитель министра юстиции правительства Таиланда Тонгтонг Чантарнгсу отмечал, что «прием, оказанный Россией королю Чулалонгкорну сопровождался всеми монаршими почестями на самом высоком уровне и был полон выражением личных дружеских симпатий между обоими монархами» [11. С. 28]. «Но самым важным, — писал далее Тонгтонг Чантарнгсу, — было то, что приватные переговоры между царем Николаем Вторым и королем Чулалонгкорном, нужно сказать, дали превосходные результаты. Николай Второй даже промолвил как бы давая гарантию: “Независимость Сиама никогда не будет ни утеряна, ни нарушена”» [11. С. 35]. «И хотя к концу 1897 г. король Чулалонгкорн покинул Европу, за ним уже закрепились слава друга и союзника российского царя Николая Второго, и это реноме явилось одним из факторов, которые помогли Сиаму не попасть в зубы хищников колониализма в критические моменты своей судьбы» [11. С. 35].

Как отмечает современный таиландский автор, «некоторые побочные результаты визита Чулалонгкорна в Россию» выразились также в том, что несколько изменилась позиция Англии [11. С. 45]. «Королевская семья принимала короля Сиама и его свиту со всеми почестями, в то время как правительство выразило минимальный почет», — писал временный поверенный в делах России в Лондоне в МИД России [11. С. 49]. Во время второго визита Чулалонгкорна во Францию в октябре 1897 г. французская проправительственная пресса приняла примирительный тон в отношении решения франко-сиамских спорных проблем [11. С. 54]. «Кроме того, оправдалось и замечание короля о том, что после России другие монархи станут соревноваться в выражении дружеских чувств» [11. С. 60].

На прощальном завтраке 11 июля «с российской стороны присутствовало множество родственников императорского дома, атмосфера была очень непринужденная... Моих детей императрица-мать совсем зацеловала и считает их своими внуками», — писал Чулалонгкорн [11. С. 33]. Король пригласил великую княжну Ксению, младшую сестру Николая Второго, посетить Бангкок вместе с супругом. Сам царь Николай II выразил намерение побывать в Бангкоке еще раз, по пути на церемонию открытия Транссибирской магистрали.

11 июля 1897 г. король Чулалонгкорн на императорской яхте «Полярная звезда» покинул Петербург и направился в Швецию.

Во время визита короля Николай II и Рама V договорились об установлении дипломатических отношений, о подписании договора между Россией и Сиамом и о приезде в Петербург второго сына Чулалонгкорна от королевы Саовапхи принца Чакрабона. Российский дипломат А.Е. Оларовский вручил свои верительные грамоты в Бангкоке в апреле 1898 г. В инструкции МИД России поверенному в делах и генеральному консулу России в Бангкоке А.Е. Оларовскому, в частности, подчеркивалось: «Ваша деятельность во всем ее объеме должна носить на себе отпечаток благожелательного

внимания, которое августейшему монарху нашему благоугодно ныне проявлять как лично в отношении к его величеству королю Сиамскому, так и к ближайшим судьбам управляемого им народа; она должна идти навстречу той искренности и приязни, кои положены Сиамом в основу отношений своих к России...» [20. С. 85; 11. С. 91]. «... Необходимо[...] всемерно стараться поддерживать вполне искреннюю дружбу с этой страной» [20. С. 87]. 11/23 июня 1899 г. в Бангкоке была подписана российско-сиамская Декларация о юрисдикции, торговле и мореплавании, которая предоставила поданным обоих государств взаимно право «наиболее благоприятствующей нации» [20. С. 137–139].

В 1898 г. в Петербург приехал принц Чакрабон (1883–1920). Король Сиам своего старшего сына послал учиться в Англию, среднего — в Россию, младшего — в Германию. Принц Чакрабон учился в России около восьми лет и находился под личным покровительством императора Николая II. «Царь Николай Второй отвел сиамскому принцу роскошные апартаменты прямо в Зимнем дворце в Санкт-Петербурге. Царь радушно принял принца Чакрапонга и простолюдина Пума и определил их в военное училище — Пажеский корпус... Царь лично занимался воспитанием принца Чакрапонга и сиамца Пума...» [11. С. 36; 20. С. 97, 105]. Чакрабон и его сотоварищ Най Пхум получили высшее гуманитарное и военное образование. Они стали первыми сиамцами, великолепно говорившими по-русски, основательно познакомившимися с Россией и русской культурой. Чакрабон и Най Пхум учились успешно. Закончив учебу в 1902 г., оба сиамских курсанта получили царскую грамоту о присвоении офицерского чина и были приписаны служить в императорский гусарский полк в Царском селе. «Время от времени, по воскресеньям царь и царица запросто приглашали их отобедать вместе. Царь и другие члены его семьи были очень близки с принцем Чакрапонгом, вели себя как свойственники и даже называли его домашним именем “Лек”, что означает “маленький”» [11. С. 38]. Летом 1899 г. и в 1903 г. Чакрабон возвращался на Родину, а с осени 1903 г. прошел двухгодичные курсы в Академии Генерального штаба России и с большим успехом сдал экзамены в ноябре 1905 г. Царь Николай II присвоил принцу чин полковника русской армии и наградил его орденом Андрея Первозванного с лентой и Владимирским крестом [11. С. 38].

Принц Чакрабон в 1906 г. женился на Екатерине Ивановне Десницкой (1888–1960), дочери статского советника И.С. Десницкого из Луцка, и увез ее в Сиам. Чакрабон заранее ничего не говорил ни своим родителям, ни своему покровителю Николаю II, ни учителям и приятелям (Катя и ее брат уже потеряли родителей). Старший брат Кати Иван Десницкий дал согласие на брак, но потребовал, чтобы церемония свадьбы была совершена по православному обряду. Пришлось венчаться в пути в Константинополе (Стамбуле) в греческой церкви. Рождение сына (Чула Чакрабон) в 1908 г. примирило королевскую чету с невесткой-иностранкой. История любви сиамского принца и русской девушки, легенды, связанные с их именами, уже давно запечатлены и в художественной, и в популярной литературе [12. С. 65–67; 21; 6. С. 119–121; 24].

Принц Чакрабон играл видную роль в политической жизни Сиам первых двух десятилетий XX века, был начальником генерального штаба, одно время — наследником престола (при бездетном короле, старшем брате Вачиравуде (1910–1925)). К сожалению, Чакрабон скончался рано, в 1920 г.

Когда Чакрабон учился в Петербурге, сюда несколько раз приезжал его старший брат и наследник престола Вачиравуд, проходивший обучение в Англии. Он побывал

в столице России 29 декабря 1899 г. — 10 января 1900 г., в марте 1900 г., 10–26 января 1902 г. [20. С. 153, 156, 160–161, 171–175]. 30 декабря 1899 г. и 30 марта 1900 г. Вачиравуд встречался с Николаем II. 12 января 1902 г. состоялась в Царском селе аудиенция у императора, а 15 января в Зимнем дворце был дан официальный завтрак в честь сиамского наследного принца. «Честь, которой удостоил в этот день император наших принцев (Вачиравуда и Чакрабона. — Б.М.), вознесла их на необычайную высоту в глазах дипломатического корпуса, — сообщал королю Чулалонгкорну поверенный в делах Сиам в России. — Почти у всех присутствовавших на этом завтраке были сиамские ордена, а у императора и великого князя Михаила даже ордена Чакри... По окончании завтрака императрица провела обоих принцев в свои апартаменты, куда пригласила трех своих дочерей, чтобы познакомить их с принцами... Принцы пробыли в гостях у царской семьи до 2-х часов дня» [20. С. 173–175]. Вачиравуд осматривал столицу и ее окрестности. Особый интерес у обоих принцев вызвал водопад Иматра на реке Вуоксе к северу от Выборга.

В том же году посетил Сиам великий князь Борис Владимирович, внук Александра II, сын великого князя Владимира Александровича и великой княгини Марии Павловны. Он находился в Бангкоке с 21 по 29 мая 1902 г. и был принят Чулалонгкорном с возможным радушием и сердечностью, ему был пожалован высший сиамский орден Маха Чакри.

В Петербурге осенью 1905 г. у Чакрабона гостил еще один представитель династии Чакри — принц Асадан [20. С. 188]. В столице России в военных училищах получали образование другие представители Дома Чакри: двоюродный брат Чакрабона принц Тонгти Каму (женился на Людмиле Барсуковой) [20. С. 147], два внука короля Монгута, принцы Суравуд и Члеумси Свасти, а также принц Ниват [20. С. 231] и др.

Как уже отмечалось, торжественный и дружеский прием короля Сиам в России обеспечил ему возможность поездки в Париж, встречу и переговоры с руководителями Франции. Франко-сиамские отношения были выведены из состояния кризиса. Однако сразу достичь договоренности не удалось. Переговоры первоначально велись в Париже, в 1898 г. были перенесены в Бангкок и продолжались до 1904 г. В эти годы король Сиам неоднократно обращался за поддержкой к императору России [20. С. 90, 103, 135, 142, 158, 178, 183]. И необходимая поддержка постоянно оказывалась дипломатическими демаршами в Париже по указанию Николая II и конкретными действиями А.Е. Оларовского в Бангкоке [20. С. 120–121, 123–125, 134–135, 166, 177–179].

Обмен письмами между Чулалонгкорном и Николаем II продолжался и в последующие годы [20. С. 196–197, 206, 213]. Принц Чакрабон также писал императору, выражая желание еще раз «видеть родную Русь» [20. С. 206–207]. Это желание осуществилось в 1911 г., когда Чакрабон с супругой проехали по Сибирской железной дороге от Владивостока до Петербурга. Принц встретился с Николаем II и передал приглашение для представителя царской семьи присутствовать на коронации Рамы VI Вачиравуда. Коронация состоялась в ноябре 1911 г. Официальным представителем царствующего Дома Романовых на коронации был великий князь Борис Владимирович, прибывший в Сиам на крейсере «Аврора». Вместе с ним на коронации присутствовали великая княгиня Мария Павловна с супругом, сыном короля Швеции принцем Вильгельмом; великая княгиня Ольга Константиновна, королева Греческая; великая княгиня Елена Владимировна и ее супруг Николай Георгиевич, греческий наследный принц [19. С. 562].

Король Вачиравуд (1910–1925) продолжал поддерживать дружеские отношения с Россией. В 1914 г. Вачиравуд подарил построенному в Петербурге буддийскому храму медное позолоченное изваяние Сидящего «Будды Шакьямуни». Вторую статую — бронзовое изваяние Стоящего «Будды примиряющего родственников» поднес храму посланник России в Сиаме Г.А. Плансон (из-за определенной путаницы статуя получила название «Будда Майтрея»). 9 июня 1914 г. состоялось торжественное внесение в храм этих двух статуй.

2 июня 1916 г. Чакрабон отправил последнее письмо Николаю II. Принц писал о своей вечной признательности за возможность получить общее и военное образование в России, о «всепреданнейшей любви, постоянно горящей в моей признательной душе» [20. С. 248–249], желал успеха русским войскам на полях сражений. Чакрабон подчеркивал, что покидающий Сиам российский посланник Плансон «за все время своего пребывания среди нас прилагал все старания к тому, чтобы крепче связать узы дружбы, существующие между Великой Россией и нашей страной...» [20. С. 248–249].

Расстрел всей царской семьи произвел весьма тяжелое впечатление в Сиаме. Дипломатические отношения были прерваны на несколько десятилетий и фактически восстановлены лишь в 1946 г.

8 июля 2007 г., во время своего государственного визита в Россию, Ее Величество Сирикит, королева Таиланда, посетила усыпальницу Николая II в Петропавловском соборе в Санкт-Петербурге и возложила венки.

Отношения между Российской Федерацией и Королевством Таиланд развиваются весьма позитивно. И в заключение хочется процитировать вывод из книги, изданной в 2007 г. посольством Таиланда в России: «Король Чулалонгкорн мудро выбрал российскую карту. И, несомненно, что Таиланду больше всего подходит сохранять ее, как это делал его великий король» [11. С. 155].

Литература

1. Апостолиди Е.К. Королевство Сиам (историко-этнографический очерк). СПб., 1897.
2. Архив Внешней политики России. Ф. Канцелярия МИД. 1897 г. Д. 58.
3. Архив Внешней политики России. Ф. Японский стол. 1897 г. Д. 1509.
4. Вяземский К.А. Путешествие вокруг Азии верхом // НИОР РГБ. Ф. М-178. № 8390. Тетрадь 32.
- 4а. Вяземский К.А. Путешествие вокруг Азии верхом // НИОР РГБ. Ф. М-178. № 8390. Тетрадь 38.
5. «Исторический архив». 1957. № 6.
6. Кочетов В.А. Золотой топор Вритвы. М., 1987.
7. Мельниченко Б.Н. Россия и Сиам // Россия и Восток. СПб., 2000.
8. Московские ведомости. 1897. 24 июня (6 июля).
9. Московские ведомости. 1897. 25 июня (7 июля).
10. Новое время. 1897. 25 апреля (8 мая).
11. «От друга»: Стодесятилетие установления таиландско-российских отношений. [Посольство Королевства Таиланд в России, 2007].
12. Паустовский К.Г. Повесть о жизни // Паустовский К.Г. Собр. Соч. Т. 3. М., 1957.
13. Первое посещение королем Чулалонгкорном Европы в 1897 г. Визит в Россию. Бангкок, 2003.
14. Петербургский листок. 1897. № 168.

15. Политика капиталистических держав и национально-освободительное движение в Юго-Восточной Азии (1871–1917). Документы и материалы. Ч. II. М., 1967.
16. Правительственный вестник. 1897. 22 июня (4 июля).
17. Правительственный вестник. 1897. 23 июня (5 июля).
18. Правительственный вестник. 1897. 28 июня (10 июля).
19. Российский Архив. Т. V. М., 1994.
20. Россия — Сиам. 1863–1917. Документы и материалы. М., 1997.
21. *Скворцов В.* Сиамская принцесса Катя Десницкая // Огонек. 1986. № 41–42.
22. Санкт-Петербургские ведомости. 1897. 25 июня (7 июля).
23. *Ухтомский Э.Э.* Путешествие на Восток его императорского высочества государя наследника-цесаревича. 1890–1891. Т. 2. СПб., 1894.
24. *Эйлин Хантер и Нариса Чакрабон.* Катя и принц Сиамы / Пер. с англ. яз. М., 2004.
25. The Journal of the Siam Society. Bangkok, 1968. Vol. LVI. Pt. 1.
26. The twain have met. An eastern prince came west. By H.R.H. Prince Chula of Thailand. L., 1957.

ГЕОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОСТРАНСТВА И КОДЫ КУЛЬТУР АЗИИ И АФРИКИ

УДК 340.14

В.В. Бочаров

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОКАХ «ПРАВОВОГО НИГИЛИЗМА» НА ВОСТОКЕ (И В РОССИИ)*

Оппозиция «Запад-Восток» может рассматриваться не только как символическая характеристика диаметрально противоположных мироотношений на самых различных уровнях (мистицизм — рационализм, аграрное — индустриальное, коллективизм — индивидуализм и т. д.), но, главное, как отражение обратных начал в процессе исторической динамики человеческого общества. Если страны, которые мы отождествляем с Западом, являются субъектами «центрального развития», то все остальные (т. е. относимые к Востоку) — «периферийного». В основе данного различия лежит представление о субъектах развития как о **социокультурных системах**, т. е. конституируемых Обществом и Культурой, как относительно независимыми сущностями, взаимодействие между которыми и определяет историческую динамику данных систем. Так «центральное» развитие характерно для Запада. Оно осуществлялось преимущественно за счет внутренних ресурсов Общества и привело к беспрецедентному росту материальных благ, высокому уровню жизни населения. Оно же породило уникальные культурные формы (Культуру): экономические, политические, социальные, правовые. Весь остальной мир (Восток) развивается обратным образом. Субъекты этого развития заимствуют культурные формы Центра (Культуру), чтобы воздействовать на Общество (традиционное общество), прежде всего, для обретения желанного материального благополучия населения. Словом, здесь развитие осуществляется в первую голову за счет внешнего ресурса, которым выступает Культура Запада, призванная дать импульс к прогрессу Обществу Востока, сделать его адекватным самой себе [6. С. 35]. В большинстве случаев культурная экспансия Запада осуществлялась в насильственной форме, что вело к появлению различного рода зависимых государственных образований (колоний, полукolonий и т. д.). Например, к концу XX в. на долю только бывших

* Работа выполнена при финансовой поддержке проекта «Геокультурные пространства и коды культур Азии и Африки» по аналитической ведомственной целевой программе «Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2010 гг.)» на 2009 г.

© В. В. Бочаров, 2009

зависимых территорий (колоний, полуколония и т. д.) приходилось 80% мирового населения, более 50% проживает в Азии [18. С. 30]. Иногда же имело место добровольное заимствование Востоком западных культурных форм (Россия, Японии), когда инициатором выступала местная политическая (деловая) элита, озабоченная прогрессом своих социумов.

Особый интерес представляет развитие правовой сферы Востока, которое также происходит в соответствии с выделенным нами «периферийным» вариантом исторической динамики [8]. В настоящее время западные правовые системы заимствованы в том или ином виде большинством субъектов международного права. В частности, после освобождения от колониальной зависимости государства «третьего мира», как правило, переняли право бывших метрополий в надежде, что это обеспечит им быстрое преодоление экономической отсталости. Подобное убеждение у представителей новых политических элит сформировалось под влиянием западного образования, которое они все, как правило, получили. Оно же основывается на идеях классической теории, увязывающей экономическое преуспевание государства с демократическим политическим режимом, правом частной собственности, правами человека и т. д. При этом право заимствовалось первоочередным образом, так как именно оно в соответствии с западной традицией устанавливает правила взаимодействия всех субъектов общественного процесса. Действительно, глубокие социально-экономические трансформации в Европе эпохи буржуазных революций вылились в конечном счете в принятие Декларации прав человека, что обыденным сознанием было воспринято, по-видимому, в обратном порядке. А именно: эти трансформации стали увязываться в причинно-следственную связь с принятием юридического документа.

Следует отметить, что и сегодня политики Запада, похоже, искренне продолжают верить в Силу официального законодательства (своего рода правовой фетишизм), способного преобразовать общественные реалии в заданном направлении. Во всяком случае, об этом свидетельствуют их, в том числе неофициальные суждения, которые можно квалифицировать по социологическим критериям как экспертные интервью. Бывший вице-премьер российского правительства 1990-х гг. Б. Немцов на одном из центральных каналов российского ТВ рассказывал о встрече правительственных чиновников России и США, имевшей место в Вашингтоне в те годы. Обсуждалась проблема коррупции в России. На одной из неформальных встреч, тогдашний член экономического блока правительства США, Д. Рамсфельд, который впоследствии, как известно, возглавил оборонное ведомство страны, со слов Б. Немцова, был очень удивлен, что эту проблему россиянам не удастся разрешить. Он высказал суждение, в том смысле, что это совсем не трудно сделать, надо всего лишь на всего принять соответствующие антикоррупционные законы. Как заметил бывший вице-премьер, со стороны российской делегации «раздался дружный смех».

Вера в преобразующую силу права, как главный регулятор, прослеживается не только у представителей западной культуры, чему, как видно, можно найти вполне рациональные основания, но и у представителей элит Востока. Русские историки (Карамзин, Костомаров и др.), как правило, оценивали царствование того или иного нашего самодержца количеством изданных им «хороших законов», не анализируя, насколько они были претворены в жизнь. На «хорошие законы» уповают и современные российские политики в своей реформаторской деятельности. Однако оказывается, что их принятие не оказывает ожидаемого эффекта. Заместитель председателя Государственной думы

РФ пошутила недавно, давая интервью одному из центральных каналов, предложив «принять закон, который бы обязал всех исполнять все предшествующие законы».

Действительно, сегодня правовое бытие большинства людей земного шара, которые, как мы выяснили, проживают в государствах, относимых к Востоку, определяется отнюдь не официальным законодательством, выстроенным по западной модели. Последнее, практически, повсеместно «не работает». Более того, даже в странах Запада, в которых население в целом уважительно, как следует из частных бесед и неформализованных интервью, относится к праву и его институтам, в последнее время наметилась тенденция к возрастанию роли неформальных правил поведения («неписаных законов»). Это объясняется культурным плюрализмом современных Западных социумов, состоящих из множества относительно замкнутых сообществ (этнических, религиозных, молодежных и др. субкультур), регулирующих жизнь своих адептов обычно-правовыми (неписаными) нормами. Словом, общепринятая, прежде всего среди юристов, идея о том, что писаный закон в будущем повсеместно станет универсальным регулятором человеческого поведения, на глазах терпит крах. Причем, пример государств Востока вообще демонстрирует ее полное опровержение. Это, в свою очередь, заставило ученых усомниться в главном постулате позитивистской концепции права, осуществляющей научный диктат в юриспруденции весь XX в., а именно: в правомерности отождествления Права с государственными законами. Действительно, в соответствии с данной концепцией, большинство политико-правовых режимов Востока может быть признано, как минимум, внеправовыми, а то и вовсе криминальными.

Попытки разрешения данной коллизии между теорией и объективной реальностью предпринимаются сегодня в рамках юридической антропологии (антропологии права) [2]. В рамках данной дисциплины в конце XX в. сформировалась концепция правового плюрализма, которая поставила под сомнение моноюридический подход в понимании Права. В частности, были признаны и иные источники Права помимо государства [15. С. 8]. Например, важным источником признается «обычай», а обычное право, в таком случае рассматривается Правом. Данный термин появился в рамках сравнительно-исторической школы права (Г. Мэн, М. Ковалевский и др.), он относился исключительно к традиционным (первобытным) обществам, не имевшим письменности, и Правом в полном смысле слова не являлся. Адепты данной школы жестко увязывали появление Права с возникновением государства, что безусловно разделяется современными позитивистскими и нормативистскими концепциями. Они сводят «обычное право» к «обычаям, санкционированным государством», что лишает его самостоятельного статуса и отождествляет, практически, с государственным законом [23. С. 17].

Современные же антропологи склонны понимать под обычным правом неформальные регуляторы поведения, которые возникают в устойчивых коллективах людей, будь-то традиционное общество или же современные субкультуры (этнические, молодежные, криминальные и др.), поддерживаемые не государством, а общественным мнением, харизматическими лидерами, «теневыми» структурами и т. д. [4]. Представляется, что именно исследование феномена «обычного права», механизмов его возникновения, функционирования и воспроизводства, а также механизмов его взаимодействия с государственным правом, может дать ключ к пониманию современных юридических процессов на Востоке, которые часто определяются «правовым нигилизмом».

Действительно, «обычай» или «обычное право» было безраздельным регулятором поведения людей в традиционном обществе. Оно носило устный характер, так как

там отсутствовала письменность как таковая, как, впрочем, и государство, которое в «цивилизованных» обществах является источником права и гарантом его соблюдения гражданами. Причем, по мере углубления в предмет изучения выяснилось, что те «законы» гораздо эффективнее поддерживали порядок, нежели государственное законодательство в современных государствах. Случаи нарушения обычно-правовых норм были чрезвычайно редкими. Европейцы заговорили о «благородном дикаре», а первобытность и вовсе объявили «золотым веком» человечества, когда люди «добровольно и сознательно» соблюдали нормы, которые отражали интересы общества. Данная идея получила развитие в марксизме, который предвидел возврат в «золотой век» в будущем, на «новом витке» общественного прогресса. Этот «виток» был назван «Коммунизмом», в котором не было места ни государству, ни праву, являющихся, с точки зрения основоположников, главными инструментами осуществления эксплуатации большинства в интересах меньшинства. Отсюда принципиальное положение марксистской теории — неизбежное отмирание государства и права на коммунистической стадии исторического развития общества. Преступность же стала отождествляться с социальной патологией, наличие которой свидетельствует о болезни общественного организма. Эта идея, высказанная еще Э. Дюркгеймом (1858–1917) была воспринята в СССР, где преступность рассматривалась как «пережиток капитализма». Соответственно, предполагалось, что при коммунизме она должна исчезнуть как социальный феномен.

Процессы модернизации, приведшие к заимствованию правовых систем Запада государствами Периферии, привели к конкурентной борьбе между государственным законодательством и обычным правом. Причем, обычное право продемонстрировало чрезвычайную устойчивость, «побеждая с явным преимуществом» в этой борьбе государственный закон.

В России, к примеру, активно ставшей на путь модернизации уже в XVII в., насажденное Петром Великим западное право, по сути, было отвергнуто населением, и в середине XIX в. крестьянам было официально дозволено руководствоваться в процессе жизнедеятельности обычным правом. Да и все последующие реформы в России в области юриспруденции постоянно наталкивались на непреодолимое препятствие со стороны «неписаного закона» (обычного права), определявшего поведение граждан. Это, в частности, привело к провалу столыпинских реформ начала XX в., а также и реформ советско-коммунистического режима, пытавшихся законодательным путем изменить отношения собственности на селе, каждый в соответствии со своими идеологическими приоритетами. По словам Т. Шанина, «неписаный закон остался практически неизменным, пройдя через бури глубоких реформ революций и контрреволюций» [26].

«Неписаный закон» определял жизнь советских людей в самых различных сферах в эпоху «развитого социализма». По мнению Л.М. Тимофеева, изучавшего экономические практики в СССР, «подобного поведенческого опровержения писаного закона в истории человечества не бывало» [22. С. 333]. В экономике «цеховики» создавали подпольные частные предприятия, действовавшие по своим, естественно, законам. Что касается государственных предприятий, то и они, по сути, реально функционировали, как частная собственность чиновников, что поддерживалось не законодательством, а обычным правом, опиравшимся на общественное мнение [4]. Поэтому последующая широкомасштабная приватизация (*номенклатурная приватизация*) представляла собой лишь юридическое оформление реально существовавших отношений собственности

ти (обычно-правовых), а потому, несмотря на беспрецедентный по масштабу передел материальных ресурсов, произошла мирным путем.

В эпоху острого дефицита на многие товары и услуги доступ определялся не рынком, а теми же неписаными законами, в соответствии с которыми происходило его распределение среди советских людей. Это также были распределительные социальные сети, положение в которых во многом зависело от «репутационной этики», являющейся, как увидим позже, универсальным обычно-правовым регулятором в государствах Востока. Например, по мнению известного экономиста В.А. Найшуля, в «перестройку» финансовые операции между агентами рынка стали осуществляться «в пределах хорошо установленных личных связей [...], так как личные связи несут на себе функции поддержания деловой этики и получения достоверной информации». Он выделяет и еще одну функцию личных связей, а именно: «защищать участников сделок от писаного права, противоречащего реальному обычному праву, на котором основаны заключаемые контракты». Этому автору принадлежит одна, с первой точки зрения, парадоксальная идея, которая, на мой взгляд, имеет глубокий смысл. Он, в частности, предлагал в начале 1990-х гг. для ненасильственного (либерального) освобождения экономики от пут бюрократии опираться на обычное право, а значит, выплачивать чиновникам на законных основаниях административную ренту (взятки), за экономическую свободу предприятия, собственниками которых они являлись по обычному праву. Выведение и признание административной ренты как такой же защищенной собственности (несмотря на всеобщую к ней неприязнь), является, с его точки зрения, необходимым условием для борьбы с ней экономическими методами. Это «делает возможной борьбу против зла самым мощным оружием — силой самого рынка» [17. С. 17].

Объем неформальной экономики в современной России, регулируемой «неписаным законом», также впечатляющий. Приведу результаты исследования по данной теме, проведенного группой иркутских ученых в сфере лесопользования. Результаты показали, что неформальные отношения пронизывают «все интеракции в сфере лесных отношений. В них вовлечены все агенты, играющие на этом поле, которые действуют в соответствии не с писаными, а неформальными правилами». Исследователи утверждают, что существует «свод неписанных правил, к которому на практике апеллируют участники отношений вокруг добычи леса». При этом легальное предпринимательство, по их мнению, в этой сфере практически невозможно.

Исследователи приводят выдержки из полевого дневника, которые, на мой взгляд, демонстрируют один из механизмов формирования в правосознании обычно-правовой (неписанной) нормы на базе писаного закона: «Один из лесников в разговоре сообщил, что “нормальный переруб” — в пределах 50%, при этом закрепленное писаным правом ограничение — 15%». Словом, в представлении чиновника существуют две «нормы», но неписаная важнее, т. к. она регламентирует действие официальной нормы. Авторы приходят к выводу, что: «неписанные правила становятся настолько важнее писаных, что последними на практике пренебрегают».

Из текста выявляется механизм легитимации неписаных законов в сознании акторов, который, вероятно, универсален для обычно-правовой ментальности, апеллирующей к прошлому времени [6]. Читаем: «Существует целый свод неписаных правил и набор неформальных практик, которые не являются формальными и законными, но являются легитимными в глазах участников лесных отношений... Неоднократно можно было услышать от наших информантов в контексте обсуждения незаконных рубок

населением: “тут мой прадед рубил, и дед рубил, и отец рубил, и я рубить буду!”. Это же, несомненно, связано с обычно-правовыми представлениями о собственности на землю в русской культуре, где лес считался “божьем даром”, т. е. ничьим» [5].

Любопытен и иной способ легитимации «неписаного закона», который также воспроизводит модель, характерную для русской культуры и выявленную нами. В частности, до революции не считалось не только воровством, но и «грехом», если присвоение вещи осуществлялось не в целях наживы, а для выживания [4]. Авторы отмечают: «Легитимными считаются такие незаконные практики лесодобычи, которые направлены не на обогащение, не на получение прибыли, а на экономическое выживание. “Черные” рубки с целью обогащения не легитимны, в отличие от тех же действий, направленных на выживание».

В итоге делается вывод — неписанный закон воспринимается большинством населения как норма: «Коррупция [...], которая на сегодняшний день присутствует практически на всех этапах лесного бизнеса, [...] воспринимается ее участниками как нормальная, рутинная» [13]. С данным мнением трудно не согласиться. Сегодня обычно-правовые нормы, регулирующие коррупцию, действительно, воспринимаются населением как норма, о которой, правда, не принято говорить вслух. Поэтому коррупционеры не стесняются своих теневых доходов, демонстрируя свое богатство «напоказ». Это и шикарные дома на престижных территориях, дорогостоящие авто, украшения и т. д. и т. п., которые никак не соответствуют официальным доходам их владельцев. В результате, данное явление трудно назвать «коррупцией» в смысле противозаконного деяния, если она принимается общественным мнением, а значит, не считается воровством, так как последнее позорно в любой культуре [4].

Приводится и весьма интересный факт, характеризующий правосознание акторов данного процесса. Из выдержек полевого дневника: «В одном из лесхозов мы назначили встречу с директором заранее — накануне, по телефону. В разговоре он спросил о теме предстоящего разговора, мы назвали в качестве основной интересующей нас темы принятие нового Лесного кодекса (ЛК). Придя на следующий день к директору лесхоза, мы обнаружили, что он подготовился — перед ним на столе лежала (принтерная) распечатка ЛК. Когда речь зашла о новом ЛК, директор, дабы не показаться голословным, указывал конкретные статьи из своей распечатки данного Кодекса и комментировал. В процессе разговора, однако, выяснилось, что перед ним лежала распечатка «старого» — ныне действующего ЛК, хотя он был уверен, что это проект нового Кодекса и пользовался распечаткой именно в таком качестве, критикуя отдельные статьи «нового кодекса» и говоря о невозможности их выполнения на практике» [13].

Словом, как выяснилось, акторы не только не соблюдают государственные законы, но и, попросту, их не знают. При этом, был выявлен «свод неписанных правил, к которому на практике апеллируют участники отношений вокруг добычи леса» [13]. Подобная ситуация сложилась не только в сфере лесопользования, но, практически, повсеместно, что, собственно, и констатировал президент РФ Д.А. Медведев, определив существующее положение дел в стране «правовым нигилизмом», призвав, как известно, соответствующие государственные структуры разработать комплекс мер по его преодолению.

Однако успех в борьбе с данным явлением может быть достигнут только тогда, когда будут правильно определены его истоки. Судя же по мерам, осуществляемым сегодня, основной упор делается на просветительскую деятельность. Так в последние годы в СМИ, в частности, на ТВ появилось множество «правовых программ»: «Суд идет», «Суд

присяжных», «Человек и закон», «Федеральный судья» и др. Действительно, многие специалисты усматривают причину малой эффективности писаного законодательства (не только в России, но и в современном мире вообще), в недостаточной правовой осведомленности населения. Причем, проблема «неосведомленности», как считают, характерна и для Запада. А.И. Ковлер, например, приводит данные о высокой безграмотности населения США (25% населения не может пользоваться письменными текстами), которая, с его точки зрения, существенно снижает роль писаного закона как регулятора поведения, так как он попросту не может быть прочитан гражданами [15].

Однако, как представляется, правовая неосведомленность не является весомым аргументом при объяснении причин «правового нигилизма», а ее преодоление не гарантирует существенного роста законопослушания граждан. Сошлюсь на собственное пилотажное исследование, проведенное мной среди студентов социологического факультета СПбГУ (2005 г.). Читая лекции по антропологии студентам четвертого курса, я задал им вопросы, касающиеся знания ими студенческих прав и обязанностей. Лишь незначительное количество смогло ответить что-то более или менее вразумительное. В то же время они выказали неплохое знание неписаных правил поведения на факультете, от соблюдения которых зависит, по их мнению, получение хороших оценок за научно-квалификационные работы (курсовые, дипломные сочинения, магистерские диссертации), перспективы будущего трудоустройства и т. д. и т. п. При этом, как и подобает студенту-гуманитарию, они хорошо владели базовыми понятиями политологии и юриспруденции, как-то: «правовое государство», «права человека», «демократия», «конституция» и т. д. Однако, как выяснилось, в практической деятельности молодые люди сориентированы не на формальные правовые установления, а на «неписанные законы» (обычное право). Заметим, что данные результаты были получены среди контингента молодежи, из которого по сложившейся в настоящее время практике рекрутируется политическая и государственная элита страны. Опять же огромное количество правонарушений со стороны россиян, служение закону для которых является профессиональным долгом, также убеждает в том, что «просвещение» вряд ли может оказать существенное влияние в борьбе с «правовым нигилизмом».

Ситуация «правового беспредела» характерна практически для всех государств Востока. Субъектом заимствованного западного права в лучшем случае становится сама политическая элита государства. В результате, Право выступает лишь в качестве ширмы, за которой все страты социума живут по «неписанным законам». Словом, можно констатировать, что повседневные политико-правовые практики в странах Азии, Африки или Латинской Америки являются поистине полным опровержением официально действующего законодательства, выстроенного, преимущественно, по европейской модели.

Истоки «правового нигилизма» на Востоке объясняются также «плохими законами», которые де принимают политические элиты данных государств. Знаковой в этом смысле является работа Э. де Сото «Иной путь. Невидимая революция в третьем мире», опубликованная в конце 80-х годов прошлого века. Исповедуя правовой фетишизм, который, как указывалось, отчетливо просматривается у представителей Запада, он убедительно показал, что деятельность перуанцев, социально-политические и правовые практики которых изучает автор, преимущественно лежит за пределами официального закона. В этом Сото видит чисто экономическую подоплеку, т. е. люди «живут более благополучно, когда нарушают закон, чем когда уважают его». Это заставляет их

нарушать законы, и «в этот призрачный мир бегут люди, когда издержки соблюдения закона превышают выгоды от его соблюдения». Причина всему — «плохие законы», которые не обеспечивают важных, с его точки зрения, элементов: права собственности, выполнение контрактов и надконтрактную правовую систему. Причину же отсутствия «хороших законов» он, по сути, усматривает в корыстных устремлениях бюрократии [21. С. 178–189].

В то же время приводимые им факты, на наш взгляд, свидетельствуют о том, что перуанцы, преследуя свои экономические интересы, действуют в рамках традиционной обычно-правовой культуры. В частности, было установлено, что в основе данной правовой (обычно-правовой) модели лежит опять же репутация (об этом упоминалось выше в связи с советским периодом). Хорошая репутация субъекта экономической деятельности облегчает получение нелегальных кредитов, что открывает возможности для расширения коммерческих операций. Она же гарантирует соблюдение нелегальных контрактов, так как в противном случае это скажется на репутации субъекта нелегальной деятельности: «Для наказания партнеров можно сообщить об их недобросовестности третьим сторонам и испортить репутацию. При первых сделках “нелегалы” несут большие издержки, поскольку отсутствие репутации делает их контракты менее привлекательными, проценты и цены — более высокими» [21. С. 130–135]. Обретение же репутации обеспечивается средствами традиционной культуры: «теневики», пострадавшие от недобросовестности партнеров, обращаются к своим *семьям, родственникам или друзьям* в надежде, что групповое давление принудит виновного компенсировать нанесенный ущерб. Иными словами, они апеллируют к обычному праву, субъектом которого является социально-родственный коллектив, который всегда может принудить сородича исполнить свои обязательства перед ними. Поэтому точка зрения де Сото, согласно которой причина такого поведения кроется в ограниченности доступа к эффективному судебному разбирательству, представляется неубедительной. Есть множество материалов, иллюстрирующих это положение, так как носители традиционных культур везде избегают обращений в официальный (государственный) суд, стараясь решить конфликт «полюбовно» на базе обычно-правовых процедур. Иными словами, уход от открытого противостояния, борьбы, состязательности и т. д. — это характерная черта традиционных культур, в которых безраздельно господствует обычное право.

Существование «репутационной этики» зафиксировано и на индийском материале, где она представляет собой «сильную систему, упорядочивающую и защищающую торговую экономику» [24. С. 444]. И здесь, как выяснилось, она зависит от социального статуса актора в традиционной культуре, т. е. от его принадлежности к определенной семье, касте, общине. Хотя в процессе формирования репутации и отмечается сдвиг к надежности и эффективности субъекта коммерческой деятельности, в целом ее содержание остается прежним, зачастую противоречащим экономической целесообразности: «Люди скорее возьмут кредиты на кабальных для себя условиях, чем допустят ситуацию, которая бы отразилась на их репутации, а в дальнейшем на их детях и семье» [24. С. 444]. Словом, обычно-правовая культура, основанная на жестких взаимных обязательствах между членами родственного коллектива, продолжает порождать свойственные ей поведенческие модели: «При более пристальном рассмотрении выявляется, что многие ассоциации представляют собой плотные сети, отвечающие интересам каст, и строятся на принципах родства. Институты родства получают новую экономическую роль» [24. С. 445].

Иными словами, реальность, раскрытая исследователем, не укладывается в рамки избранной им же схемы ее осмысления. Поэтому у него и появляется формула «ложной этики перераспределительной справедливости», которая, будучи «ложной», вообще исключается из научного анализа. Представляется, однако, что данная «этика» зиждется на базе обычно-правовой культуры, отражающей соответствующий общественный контекст. Исходя из этого посыла, истоки «правового нигилизма» следует искать не в «плохих законах», принимаемых бюрократией, а во взаимодействии обычно-правовых культур и правовой культуры Запада.

Рассмотрение процесса взаимодействия культур имеет долгую историю. Еще основатель немецкого романтизма Й. Гердер считал, что «чуждая культура подавляет и уродует или сразу же низвергает в бездну» [10. С. 292]. Французский юрист и писатель Ш. Монтескье (1689–1755) в своих «Персидских письмах» показал, насколько порядки того французского общества казались странными и неестественными представителю Востока. Однако он считал, в отличие от других просветителей, что невозможно вывести из «естественного права» универсальную систему законов общества, ибо у народов разные природные условия существования. По Монтескье, право не универсально, оно видоизменяется в зависимости от общества, места, эпохи. С его точки зрения, «передача права от одного общества другому неосуществима, разве что эти общества мало различаются...». Для него изменения в правовом порядке определяются в основном не сменой исторических эпох на пути к прогрессу, а зависят более «от климатических условий, характера местности, демографии, свойственных каждому обществу» [20. С. 25].

Оказалось также, что и высокий уровень экономического и технологического развития неевропейского государства не является гарантией принятия его гражданами европейской правовой модели — хотя утверждение о корреляции между уровнем данного развития и господством демократических свобод в политико-правовой сфере широко представлено в универсалистской трактовке человеческого прогресса. Пример Японии, в частности, полностью опровергает универсалистскую идею о том, что социально-экономический прогресс автоматически должен привести к торжеству Цивилизации, т. е. господству частной собственности в экономике или демократических институтов в политике, а также верховенству права, основанному на правах личности (человека). Утверждая, что западные институты в Японии практически не работают, крупнейший специалист по сравнительному правоведению Р. Давид определил установившийся там политико-правовой режим как «внешний конституционализм», где даже Верховный суд, осуществляющий Конституционный контроль, действует «крайне осторожно, если не ограниченно» [12]. Он пишет, например: «Казалось, что, отказавшись от традиционных взглядов, эти страны желают отныне строить общественные отношения на праве и присоединиться к романо-германской правовой семье... Однако модификации, имевшие место в прошлом, и те, что происходят сейчас, далеки от того, чтобы привести к отказу от традиции» [12].

Р. Давид, по сути, констатирует, что культура Востока не примет конкуренции — ни на индивидуальном уровне, ни на уровне идеологии и политических партий; конкуренция рассматривается как вредная или даже незаконная. Идеал — сотрудничество и согласие, что обеспечивает гармонию. Поэтому суд в качестве арбитра между конкурирующими сторонами, действующего в соответствии с законом, здесь воспринимается с большим трудом. Люди подобные практики рассматривают скорее как печальную необходимость: «Судебные решения, предусматривающие применение санкции,

кажутся там чем-то не вполне нормальным... Они (преступления. — В.Б.) не требуют вмешательства властей; конфликты надо не разрешать, а “разводить” с помощью примирительных процедур (обычно-правовых процедур. — В.Б.) ...Решение, навязанное сторонам против их воли, хорошим быть не может» [12].

Словом и здесь традиционная культура, в которой обычное право является главным регулятором поведения ее носителей, сохраняет свою идентичность, переформирует принятые западные институты и ценности. Характеризуя ее, Р. Давид констатирует: «Японцы не любят вмешиваться в общественные дела и предпочитают, чтобы ими управляли сильные мира сего». При этом, по его словам, «они пребывают в неведении относительно того, что сегодня они хозяева своей судьбы... Японцы продолжают видеть в праве аппарат принуждения... Идея права в их сознании по-прежнему связана с наказанием и тюрьмой; право — ненавистная вещь; честные люди должны сторониться права. Вызов в суд даже по гражданскому делу считается постыдным, страх позора можно считать главной движущей силой, определяющей поведение японцев... Абстрактный характер норм права, его логический характер по-прежнему чужды в стране... Никто не обращается в суд для осуществления своих прав (за исключением крупных предприятий при выяснении отношений между собой. — В.Б.), как это предусматривается кодексами... Жертва несчастного случая, смирившись со своим несчастьем, откажется от обращения в суд для реализации своего права и с благодарностью примет вместе с извинениями скромное возмещение, которое виновник поспешит предложить пострадавшему. Обращение в суд для удовлетворения претензии, которую право объявляет законной, мало отличается в Японии от вымогательства... Обращение в суд, по мнению японцев, поведение, достойное порицания, и прежде чем пойти на это, для решения возникшего конфликта ищут разного рода посредников... Наилучший вариант — это не судебное решение, удовлетворяющее обе стороны, а отказ от иска и полюбовное соглашение» [11. С. 500].

Автор очень осторожен в своих прогнозах по поводу будущего европейской модели права в Японии. Признавая, что искусственно импортированное право «никак не связано с нравами страны», Давид высказывает мнение, что «прогресс демократических идей и расширение связей с заграницей может, в конце концов, привести Японию к осознанию того, что господство права — это необходимое условие господства справедливости, однако, подчеркивает, что пока «это только гипотеза».

В условиях, когда официальный закон «дремлет», всегда действует «неписанный закон», или обычно-правовая норма. Приведем пример той же Японии. По японскому обычному праву преимущества в наследовании после смерти отца имеет старший сын. Однако, став на пути европеизации права, власти страны решили пересмотреть эту норму. Новая редакция, по которой старший сын лишался преимуществ, была даже внесена в конституцию 1948 г. Между тем, мало что изменилось в реальной жизни. Если же и возникают конфликты на этой почве, то дела рассматриваются посредниками, обращения же в суд чрезвычайно редкое явление [3. С. 134].

Зачастую отношение к западному праву на Востоке, сводится учеными к сугубо идеологическому (религиозному) фактору. Утверждается, к примеру, что конфуцианство, отрицая индивидуализм, тем самым фактически аннулирует в Китае, Вьетнаме и др. преимущественно конфуцианских странах заимствованное западное право. По мнению С. Хантингтона, «конфуцианство... поставило вне закона автономные общественные институты на общегосударственном уровне» [1. Р. 24].

Ф. Фукуяма, также обосновывая решающее влияние конфуцианства на правовое сознание населения данных стран, приводит следующий аргумент. Здесь, по его мнению, отсутствует трансцендентный закон, стоящий над общественными отношениями. Наличие такого закона в культуре, по Фукуяме, делает возможным апелляцию актора «к личной совести как к верховному судье». В христианстве, как он считает, таким законом является Бог, который признается высшим источником истины и права. Уповая на него, индивид может пренебречь всеми формами социального долга, начиная с семьи и кончая государством. Опять же между христианством и современной либеральной идеологией обнаруживается преемственность: «В современном либерализме христианское понятие универсального Бога заменено понятием основополагающей человеческой природы, которая и служит универсальным основанием справедливости. Либеральные права распространяются на всех людей как таковых, точно так же как Божий закон в христианстве перекрывает любые конкретные социальные обязательства — а поэтому даже неверующие европейцы разделяют заикленность своей христианской культуры на универсальных правах, а, следовательно, верят, что индивидуальное сознание является главным судьей и высшей инстанцией». По мнению ученого, отсутствие у носителей конфуцианской культуры категории личной совести как механизма контроля индивидуального поведения вынуждает «государство принимать законы о мерах ответственности за непускание воды в общественных туалетах или надписи на стенах» [25].

Рассуждения Ф. Фукуямы, безусловно, имеют рациональное зерно. Однако думается, что в данном случае он переоценивает влияние идеологии на правовую культуру. Религия, безусловно, важная ее часть, но не должна с ней отождествляться. Возьмем, к примеру, христианскую страну Россию. Этноисторические данные свидетельствуют о том, что до революции крестьяне также с «отвращением» относились к официальному суду, предпочитая решать все спорные вопросы полюбовно, т. е. на базе обычно-правовых процедур. Это в значительной мере относится и к современной России, когда лица, стремящиеся решать спорные вопросы в суде, зачастую выступают в общественном мнении как «сутяги», «склочники» и т. д. и т. п. Очень хорошо знаком нам и пассаж «с непусканьем воды в туалетах» и «надписях на стенах». Иными словами, христианство, заимствованное более тысячелетия назад, не преобразило коренным образом общественный контекст российского социума, в котором традиционная составляющая продолжает занимать существенное место, воспроизводя, соответственно, и элементы обычно-правовой культуры.

В общем, правовая культура Востока состоит из двух ярко выраженных частей: традиционной культуры (обычно-правовой) и правовой культуры Запада. Причем вторая носит официальный характер в виде действующего законодательства. Первая же реально определяет правосознание акторов, моделируя их поведенческие стратегии, которые, зачастую, вступают в конфликт с поведением, предписанным законодательством. Интересно, что в Китае уже в глубокой древности имела место острая борьба между сторонниками писаного законодательства («легистами») как главного регулятора порядка в государстве и приверженцами *ли*, обычно-правового кодекса, который, с их точки зрения, должен был регулировать поведение подданных императора [16]. Порой даже сами политические лидеры государств этого региона, инициировавшие переход к правовой системе западного типа, скептически относятся к законам как средству эффективного управления. Например, бывший китайский вождь Мао Дзэдун так

высказался по данному поводу: «Мы не можем управлять массами посредством права (писаного закона. — В.Б.). Никто не в состоянии помнить всего, что написано в гражданском или уголовном праве. Я участвовал в составлении Конституции, но с трудом вспоминаю ее положения (курсив мой. — В.Б.)... В конце концов, мы не должны ломать голову над актами и инструкциями, 90 % которых являются порождением различных ведомств». А.И. Ковлер, приведший эту цитату Мао в своей книге, делает справедливый вывод: «слова “великого кормчего” как нельзя лучше отражают недоверие китайцев к “формальному” праву» [14. С. 212].

В результате подобного взаимодействия возникает уникальная правовая реальность, в которой целые государства попадают в разряд «криминальных». По сути, «неписанные законы» становятся нормами всего социума. Это отчетливо фиксируется в городском фольклоре носителей подобного рода правовых культур. Так, Харрисс-Уайт приводит современные поговорки, широко бытующие среди индийцев, как-то: «Избави нас Бог от справедливости» или: «Честный человек — это тот, кто не умеет жить» [24. С. 455]. Кстати, еще в России XIX в. говорили: «Кто нынче не крадет, почитается дураком», а в советский период, как многие, наверное, помнят, бытовало выражение: «Тащи с завода всякий гвоздь, ты здесь хозяин, а не гость». Да и произведения искусства, прежде всего, кинематограф, много сделали в последние годы для героизации преступности [4].

Причина подобного положения дел, исходя из выше сказанного, в том, что истоки «криминала» лежат в обычно-правовой культуре: «Беспорядки» в форме организованной преступности кажутся их организаторам и участникам законными только в том случае, если нормы, которые определяют поведение на рынке, предполагают лояльность и выгоду для тесной группы старших в семье» [24. С. 445–446].

Подводя итоги, следует отметить, что «правовой нигилизм», характерный в первую очередь для государств Востока, уходит своими корнями в традиционное общество — объект модернизационного процесса («периферийного» развития). Это, по сути, реакция традиционных правовых культур на воздействия правовой культуры Запада. Ее изучение требует новых теоретических подходов и, прежде всего, ухода от моноюридической парадигмы, отождествляющей Право и Закон. Право также определяется Культурой, где оно мыслится укоренившимся в «народном духе», в обычаях, фольклоре, ритуалах, т. е., практически, отождествляется с обычным правом. Такая позиция в известной мере противостоит, условно говоря, юридическому подходу, который остается в значительной степени привязанным к методологии позитивизма. В этом же, по мнению Н. Рулана, проявляется «европейский юридический этноцентризм, корни которого в наследии римского права, рассматриваемого долгое время как писанный Разум». Именно поэтому, как считает автор, для юридических антропологов, ориентированных на культурную вариативность, «эта мысль воспринимается с большим трудом», именно поэтому они выступают, в частности, с критикой современных идей «Всеобщей декларации прав человека» [20. С. 21–22].

Литература

1. *Huntington S. P. Democracy's Third Wave // Journal of Democracy. 1991. N 2.*
2. *Бочаров В.В. Антропология права: юридические и антропологические аспекты // Человек и право. Книга о летней школе по юридической антропологии. М., 1999. С. 23–30.*
3. *Бочаров В.В. Антропология возраста. СПб., 2000. С.193.*

4. Бочаров В.В. Обычное право собственности и «криминальное государство» в России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. № 4. С. 173–199.
5. Бочаров В.В., Рябикин А.И. Обычное право собственности в российском политическом дискурсе в периоды реформирования отношений собственности на землю // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. № 1. С. 149–170.
6. Бочаров В.В. Власть и время в культуре общества // Антропология власти. Власть в антропологическом дискурсе / Хрестоматия по политической антропологии (составитель и отв. редактор). СПб., 2006. С. 225–238.
7. Бочаров В.В. Востоковедение в антропологическом дискурсе // Концепции современного востоковедения. СПб., 2008. С. 27–38.
8. Бочаров В.В. Размышления о неписаном законе // Петербургская африканистика. Памяти Андрея Алексеевича Жукова. СПб., 2008. С. 73–87.
9. Вудман Г. Оценочные и стратегические перспективы правового плюрализма // Летняя школа по юридической антропологии. М.; Звенигород, 1999. С. 112–117.
10. Гердер И. Г. Избранные сочинения. М.; Л., 1959.
11. Дэвид Р. Основные правовые системы современности, М., 1999. [Электронный ресурс:] biblioteka.org.ua/book.
12. Дэвид Р. Различные концепции общественного порядка и права // Отечественные записки. 2003. № 2. [Электронный ресурс:] www.strana-oz.ru.
13. Карнаухов С., Малькевич Т., Олимпиаева И., Паченков О., Соловьева З., Титаев К., Титов В., Черемных Н. Неформальная экономика лесопользования в Иркутской области: социологический ракурс // Лесной бюллетень. 2005. № 28. [Электронный ресурс:] www.forest.ru/rus/bulletin.
14. Ковлер А.И. Антропология права. М.: Норма, 2002.
15. Ковлер А.И. Антропология права и правовой плюрализм // Олень всегда прав. Исследования по юридической антропологии. М., 2003. С. 25–36.
16. Кычанов Е.И. Ли и право // Этика и ритуал в современном Китае. М., 1988. С. 299–308.
17. Найшуль В.А. Либерализм, обычные права и экономические реформы // http://www.com-muniware.ru/libertarium/1_libnaul_cright
18. Найшуль В.А.. Обычное право и судебная либертализация // http://www.libertarium.ru/libertarium/1_libnaul_judlib
19. Нуреев Р.М. Периферия мирового хозяйства: проблемы догоняющего развития // Вестник Ростовского университета. 2004. № 4. Т. 2. С. 30–35.
20. Рулан Н. Юридическая Антропология. М., 1999.
21. Сото Э. де. Иной путь. Невидимая революция в третьем мире. М., 1995. 320 с.
22. Тимофеев Л. Теневое владение: доктрина и реальные экономические практики советского общества // Куда идет Россия? Общее и особенное в современном развитии. М., 1997.
23. Туманов В. Вступительная статья // Ж. Карбонье. Юридическая социология. М., 1986.
24. Харрис-Уайт Б. Государственное регулирование и неформальный экономический порядок в Южной Азии // Неформальная экономика. Россия и мир. М., 1999.
25. Фукуяма Ф. Конфуцианство и демократия // Journal of Devocracy. 1995. Vol. 6. N 2. [Электронный ресурс:] www.politnauka.org/library.
26. Шанин Т. Русское крестьянское право и наследование имущества // Отечественные записки. 2003. № 2. [Электронный ресурс:] <http://www.strana-oz.ru/?article=476&numid=11>.

УДК 327

Е.И. Зелнев

ОБРАЗ МИРА: ГЕОКУЛЬТУРНОЕ МИРОВИДЕНИЕ*

*Человек познает сам себя только
в той мере, в какой он познает мир.*

Иоганн Вольфганг Гете

Когда мы хотим что-либо объяснить, то говорим фразу «таким образом», подразумевая наше «знание» предмета обсуждения. А когда возмущаемся чем-либо, то восклицаем «Безобразия!», то есть сетуем на отсутствие привычного и понятного нам «образа». От этого же корня возникли слова «образование», «образованный», «образец», «образцовый», «сообразительный», и глагольные формы от того же корня — «образовывать», «преобразовывать», «изображать» и «преображать» с широчайшим семантическим веером смыслов.

Современный энциклопедический словарь определяет «образ» прежде всего как «картину восприятия человеком явлений или мира в целом». Наряду с этим основным, понятие «образа» может иметь и другие значения (чувственное представление, художественное отображение и т. д.). Вместе с понятием образ в справочной литературе фигурирует термин «гештальт» (нем. Gestalt — форма, структура) — основное понятие гештальтпсихологии (М. Вертхаймер, В. Келер, К. Коффка, Ф. Перлз и др.), которое обозначает целостные, т. е. не сводимые к сумме своих частей, структуры образов. [17. С. 288, 766].

Разновидностью образной памяти считается также эйдетизм (др. греч. «эйдос» — «образ», а также «вид», «облик») — способность сохранять и воспроизводить яркие и детальные образы чего-либо даже сравнительно долгое время спустя после его исчезновения из поля зрения. Эйдетические образы обладают почти фотографической точностью и четкостью, так что человек не вспоминает их, а как бы продолжает видеть. Физиологической основой подобных образов считается остаточное возбуждение зрительного анализатора. Эйдетизм обычно встречается у детей (примерно у 5%), а с возрастом, как правило, ослабевает и даже совсем исчезает. Обычно, говоря об эйдетизме, подразумевают зрительные образы, но предполагается, что возможны столь же яркие образы и любой другой модальности. [15. С. 489–490].

Гениальный В.И. Даль, описывая смысловое многообразие понятия «образ» и его производных, приводит такое значение, как «образ», мн. «образа́» — портрет, икона; фразу «Бог создал человека по образу и подобию своему»; весьма **образную** поговорку «По образу как я, а по уму — свинья»; наконец, «обра́за» — позор, стыд. [5. С. 613–614].

---

*Работа выполнена при финансовой поддержке проекта «Геокультурные пространства и коды культур Азии и Африки» по аналитической ведомственной целевой программе «Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2010 гг.)» на 2009 г.

© Е. И. Зелнев, 2009

От себя добавим еще слово «дикобраз», зверька, имя которого имеет дивную способность недружелюбно обозначать любую сущность.

Такое семантическое и смысловое «изобилие» для русского языка не редкость, странно другое: образ как психологическое понятие известен более чем две с половиной тысячи лет, но его научное гуманитарное обоснование и сегодня находится «на стадии правдоподобных гипотез». Не существует и завершенной теории, объясняющей механизм человеческого мировосприятия, которое без образного мышления едва ли осуществимо.

Это тем более удивительно, что образное мышление обеспечивает непрерывность («целостность») нашего восприятия реальности во времени и пространстве, несмотря на неполноту и фрагментарность имеющихся сенсорных данных. Общеизвестно, например, что четко человек видит лишь примерно 0,5% окружающего его пространства или 2° из 360°, т. е. пространство, перекрываемое двухрублевой монетой, удерживаемой на вытянутой руке. [16. С. 4–5]. Невидимую или плохо видимую часть внешнего мира человек компенсирует с помощью образного «домысливания», поворачивая для этого голову, запоминая увиденное и составляя единый, целостный, комфортный образ окружающего. На этом принципе основана психотехника визуальной медитации, когда медиум стремится удержать в поле зрения максимально четкое изображение всего видимого пространства, активируя тем самым левое полушарие головного мозга, отвечающее за образное мышление. Незрячий или лишенный возможности видеть человек компенсирует отсутствие визуальной информации другими органами чувств, но преимущественно образностью мировосприятия. Нередко образ возникает вне или без того, чтобы видеть: мы сначала определяем нечто, а потом видим это и соотносим с имеющимся в нашем сознании образом этого. Кому не известны египетские пирамиды? Существенно меньше людей видели их сами или хотели бы видеть, но имеют о них представление и хранят в сознании их образ.

Как правило, то же самое происходит не только со зрением, но и с другими органами чувств, поскольку именно «преконцепции» и «следы памяти» преимущественно управляют процессами восприятия. Непрерывность восприятия, по мнению Марвина Минского, объясняется тем, что наши ожидания гладко взаимодействуют с нашим восприятием. Представьте, как бы вы были поражены, если бы вам пришлось выйти из комнаты, закрыть за собой дверь, затем вернуться за чем-либо и обнаружить за дверью совершенно другую комнату или вообще не комнату. Другой пример, связанный со слуховым восприятием: глядя на человека, мы ожидаем, что он заговорит, а, например, не залает по-собачьи, а от собаки ждем лай, а ни как не речь. Непрерывность восприятия зависит от быстроты доступа к запомненным знаниям об окружающем нас мире, скорости поиска стереотипных образных моделей и просто их наличия в памяти. [13. С. 50; 1. Р. 19; 11. С. 22–23]. Внешние стимулы благодаря восприятию помогают пройти путь от объективного мира к ощущению и далее к картине, образу, модели мира, словом, к формам осознанного мировосприятия. Как понимать «объективный мир»? Видеть ли его как «мир до и без человека» либо, следуя логике С.Л. Рубинштейна и А.Н. Леонтьева, признать, что «с возникновением нового уровня сущего (человека) во всех ниже лежащих уровнях мироздания появляются новые свойства», наиболее общее из которых — предпосылка явлений мира «полагать себя», «являться» человеку в ощущениях? [14. С. 330; 8. С. 4]. Выдающийся французский религиозный мыслитель, геолог, палеонтолог, антрополог Пьер Тейяр де Шарден отмечал, что психогенез (эволюция челове-

ческого поведения от инстинктивных действий к рефлекслирующему сознанию) привел нас к человеку.

«Под геохимическими, геотектоническими, геобиологическими пульсациями всегда можно узнать один и тот же глубинный процесс — тот, который, материализовавшись в первых клетках, продолжается в созидании нервных систем. Геогенез переходит в биогенез, который в конечном счете не что иное, как психогенез... Теперь психогенез ступеньвается, он сменяется и поглощается более высокой функцией — в начале зарождением, затем последующим развитием духа — ноогенезом. Когда в живом существе инстинкт впервые увидел себя в зеркале, весь мир поднялся на одну ступень... Только одно истолкование, только одно название в состоянии выразить этот великий феномен — ноосфера. Человек вошел в мир бесшумно». [20. С. 148–151].

«Человек вошел в мир бесшумно», но, самоотверженно отстояв свое право на земное существование, создал такой тип культуры, который произвел «взрыв» научной мысли XX столетия, подготовленный всем прошлым биосферы. Владимир Иванович Вернадский, кажется, не без грусти отмечал, что человек уже «не может остановиться и пойти назад», поскольку «процессы, подготовлявшиеся миллиарды лет, не могут быть переходящими, не могут остановиться». Ноосфера — это биосфера, переработанная научной мыслью. В таком формате культура — это «природа, которую пересоздает человек, утверждая себя посредством этого в качестве человека». [4; 6. С. 24].

Человеческая деятельность как бы достраивает субстанцию самой природы, пробуждая в ее объектах такие сущностные свойства, которые без человека никогда бы себя не обнаружили. По существу, человеческая мысль открывает, говоря словами В.И. Вернадского, «**другие**» области реальности, чем та, в которой идет человеческая жизнь». «Другие» лишь в том смысле, что человек биосферы даже не подозревал о их существовании, тогда как человек ноосферы объективно стремится и субъективно нуждается в многоуровневом миропонимании: в масштабе «пространство-времени» предельно малого и «пространство-времени» предельно большого, не упуская из вида аутентичное человеку реальное «пространство-время», которое мы склонны именовать геокультурной пространственно-временной парадигмой. Эту же мысль о новом качестве современного этапа человеческой эволюции высказывает и Рут Нанда Аншен, жена Эриха Фромма, написавшая заключительный раздел к его работе «Революция надежды...».

«Человек вошел в новую эпоху эволюционной истории, а главное следствие этого — быстрое изменение. Он борется за фундаментальные перемены, поскольку вовлечен в эволюционный процесс... В результате борьбы с препятствиями, создаваемыми окружающей средой, он замечает целенаправленный эволюционный процесс медленной, но эффективной биологической эволюцией, которая продуцирует современного человека через мутацию и естественный отбор».

Аншен делает вывод о том, что путем интеллектуальной интервенции в эволюционный процесс человек в большой мере увеличил диапазон своих возможностей, но оказался на пути, чреватом опасностями и ошибками. Один из возможных путей развития ведет к «пустоте ума и сердца, моральной апатии и интеллектуальной инерции, даже к производству социальных динозавров, не годящихся для жизни в развивающемся мире». Другой путь, который, видимо, Аншен полагает разумным, состоит в том, чтобы пока еще незначительное духовное совпадение человека с миром, стало «священной для каждой человеческой личности основой множественности культур» [2. С. 178–179]. По сути, речь идет об объявлении индивидуальной «охоты» на Образ мира, способной

объединить людей, ответственно относящихся к себе и окружающим и способных видеть мир как целостный образ.

Очевидно, индивидуальный опыт мировосприятия несравненно более фрагментарен и эклектичен по сравнению с коллективным или общечеловеческим в формате оппозиции «человек/мир». Эрих Фромм, анализируя фрейдизм, отмечает, что большая часть из того, что является реальным внутри нас, является бессознательным, а большая часть сознательного не является реальным. Центральным пунктом в учении Фрейда было то, что «субъективность человека на самом деле детерминирована объективными факторами [...], которые скрыты от человека, как определяющие его мысли и чувства, и косвенно его действия».

«Человек, гордый свободой мысли и выбора, на деле является марионеткой, управляемой находящимися сзади и сверху него веревочками, за которые дергают неведомые его сознанию силы. Но Фрейд не останавливается на фаталистической ноте, подтверждающей внутреннюю беспомощность человека перед лицом детерминирующих его поступки сил. Он постулирует, что человек может осознать те самые силы, которые действуют за его спиной, и в процессе их осознания он расширяет царство свободы и превращается из беспомощной куклы, которой двигают бессознательные силы, в осознающего себя свободного человека, определяющего свою судьбу» [18. С. 271]. Ссылаясь на Бенедикта Спинозу, как первого мыслителя, который представил четкую концепцию бессознательного, на Адама Смита, писавшего о «невидимой руке», которая ведет человека к цели, не входящей в его намерения, на знаменитое изречение Фридриха Ницше: «Моя память говорит, что я сделал это; моя гордость говорит, что я этого не делал; моя память сдается», на Георга Вильгельма Фридриха Гегеля, утверждавшего, что человек служит целям истории, не зная этого, и «уловки рассудка» делают человека марионеткой, которую Идея (Бог) дергает за веревочку, наконец, на Карла Маркса, который в отличие от Фрейда, полагавшего, что человек может преодолеть подавление бессознательного без социальных перемен, постулирует необходимость социальных перемен для реформы сознания, которая «состоит единственно в том, что мир становится осознаваемым своим сознанием», Эрих Фромм высказывает главную идею своей концепции «социального бессознательного». «Бессознательное есть человек, минус та его часть, которая соответствует нормам его общества». Поэтому, если «осознать бессознательное — значит войти в полный контакт с человечеством и убрать прочь барьеры, которые общество воздвигает внутри каждого человека и, следовательно, между каждым человеком и его ближними». Заслуживает внимания оценка Э. Фроммом различия между собственной концепцией «социального бессознательного» и концепцией «коллективного бессознательного» Карла Густава Юнга: «коллективное бессознательное» прямо означает универсальную душу, большую часть которой вряд ли когда-нибудь удастся осознать, тогда как концепция «социального бессознательного» начинается с замечания о репрессивном характере общества и относится к той особой части человеческого переживания, которое данное общество не разрешает осознать. «Социальное бессознательное — это социально подавляемая часть универсальной души» [18. С. 282, 294–295]. Установка на социальное моделирование, которую дает Фромм своим последователям, приводит его к замечательному выводу, что «идеология не отличается от рационального обоснования», но при этом имеет и собственную жизнь, которая далеко не всегда совпадает с жизненными ритмами аутентичного идеологии общества. Вызов идеологии на дуэль во имя попранных идеалов — есть, таким образом, цель критического мировосприятия.

Именно таким образом исходящее извне ощущение, пройдя фильтр бессознательного, достигает сознания, преобразуется в образ-идею и оказывается в состоянии «вернуть долг» объективной реальности, из которой вышли породившие ее ощущения.

Согласно этой логике образ одновременно принадлежит и субъекту (человеку), в чьем сознании он возникает, и, с другой стороны, является одним из проявлений сущности оригинала, образ которого формируется. Субъектно-объектная характеристика образа — чрезвычайно важный момент нашего мировосприятия, непосредственно подводящий к мировоззренческой проблеме об «индивидуальном и коллективном бессознательном», «пресознании», «протосознании», «врожденном припоминании», о первичных существующих до опыта категориях, наличие которых Джером Брунер предлагает условно считать уже доказанным [3. С. 17]. Субъектно-объектная характеристика образа позволяет увидеть предпосылки восприятия некоторых явлений жизни исключительно в образной форме, например, существует принципиальная возможность исключительно образного восприятия Бога.

Понятие «Образ мира», который мы будем писать с заглавной буквы, чтобы отличать его от иных менее масштабных образов, подразумевает комплексное мировосприятие, мироощущение, миропонимание в контексте субъектно-объектной оппозиции, где мир одновременно и объект восприятия и субъект, говоря словами Аристотеля, позволяющий «соразмерное человеку» знание о себе. Способность материального мира **отражать** самое себя в сознании человека — важнейшая предпосылка будущего раздвоения материи на бытие и сознание. Отражение, будучи родственным (но не тождественным) ощущению, сознанию, воплощает в себе единство материального мира и сознания человека — важнейший принцип многих этнокультурных картин мира. В исламе, например, этот принцип выражен понятием «таухид» («единобожие»), лежащим в основе теологического обоснования преобладания сакрального над мирским, профанным.

Отражение тесно связано, но, опять-таки, не тождественно таким атрибутам материального мира как движение, взаимодействие, взаимосвязь. Отражение — это дивная способность увидеть себя со стороны. А почему, собственно, только себя, и что же в моем отражении «моего»? Анализ различных точек зрения на понятие «отражение» в широком смысле, усматривая его в любом акте взаимодействия, позволяет приблизиться к гносеологическому пониманию оппозиций «действие/образ» и «образ/действие» и производной от нее троичности «действие/образ/действие». Психический образ как непосредственный результат процесса отражения может усматриваться везде, где оставленный отражением след или метка могут интерпретироваться даже при сильной натяжке как подобные оригиналу, внешне сходные с ним. Следуя логике С.Д. Смирнова, отражение обуславливает такое свойство любого психического образа как его активность. Со ссылкой на И. Канта, он подчеркивает, что «субъект включается в преобразование самого объекта». Еще Леонардо да Винчи утверждал, что творчество самого человека должно быть включено в процесс познания. И. Кант придал этой мысли полную определенность, заключив, что знание не только черпает законы из природы, но и диктует их ей, творит новые. Так мы приходим к категориям Homo sapiens — человек мыслящий и Homo agens — человек действующий. Эти две ипостаси личности отражаются в природе психических образов. Неверно полагать, будто мир познается в ощущениях. В ощущениях внешний мир нам лишь дан, точно так же, как он дан собаке или кошке. Познается же он не в ощущениях, а в деятельности мышления [16. С. 17, 47,

65]. Главные выводы из сказанного состоят в следующем: психический образ, являясь отражением внешнего мира в сознании человека, принадлежит и материи, и сознанию одновременно. Он преобразует структуру личности и опосредованно влияет на внешний мир, пробуждая своей активностью энергию человеческой деятельности. Анализ оппозиции «образ/действие» приводит к тезису о наличии «инобытия» одной вещи в другой, о реальном присутствии одного в **другом** (ниже мы еще не раз вернемся к этому тезису и к категории «другой»), что проявляется в тех изменениях, которые происходят в этих вещах [10. С. 179]. Не пытаясь усложнить сказанное, добавим лишь один гипотетический тезис. Преобладающее в образе обусловлено внешним миром, что-то привнесено человеческой мыслью, но есть, видимо, нечто такое, что возникло на уровне пресознания, инстинкта, генотипично, априорно. Осознанное мышление имеет тенденцию быть логичным, структурировано согласно причинно-следственной парадигме, сознательная обработка информации помогает исключить нереалистичное и нереализуемое, но... Неосознанное мышление, интуитивно быстро «схватывающее» связи между частями информации, эффективно управляющее спонтанными реакциями, делает «многофункциональность», «многозадачность», «хроноскопическую молниеносность» разума более эффективной, чем осознанный разум. Эффективное осознанное и разблокированное неосознанное мышление людей с хорошими нервными связями по всему мозгу открывают простор для самой эффективной мыслительной деятельности. Образное мировосприятие позволяет проходить границу осознанного и неосознанного мышления в обоих направлениях, пробуждая скрытые «подводные» массы этого гигантского мыслительного айсберга.

Насколько важно решать эти проблемы, используя максимальный потенциал разума, говорит тот факт, что примитивный человек подобно животным изначально умел находить естественные убежища от стихийных сил природы, но понадобилось свыше 10 тыс. лет, чтобы человек додумался создать первые примитивные рукотворные хижины [19. С. 151]. Стоит ли так долго ждать, пока потребность в Образе мира станет для человека в один ряд с потребностью иметь жилье, достойную работу, качественный отдых?

Теперь попробуем увидеть природу образа такой, какова она на самом деле, а не такой, которую бы нам хотелось видеть. Любые, самые фантастические образы, имеют в основе «деятельную парадигму» функциональной структуры познавательных процессов, суть которой в следующем: «деятельное отношение субъекта к объекту (сначала практическое, а затем и познавательное) является начальным звеном любого психического процесса, а чувственные впечатления приобретают статус психического образа или его элемента, лишь начав выполнять роль регулятора этой деятельности; наличие стимуляции как правило является только условием, а не причиной возникновения чувственного образа». Согласно этому подходу процессы построения образа, релевантного окружению в целом или отдельному объекту, происходят по схеме: C1–O1–P1–C2–O2–P2....–O, где C1 — внешний стимул, повлекший обработку чувственных данных; O1 — образ; P1 — реакция, ответное действие, и далее новый цикл, который приближает человека к пониманию объективного мира — «O» [16. С. 136–142]. Дж. Брунер предлагает следующую схему основных этапов процесса принятия решений на основе перцепирования (восприятия): первичная категоризация; поиск признаков; подтверждающая проверка; окончательное подтверждение [3. С. 26–31]. Первичная категоризация, согласно Дж. Брунеру, происходит на основе имеющихся представлений о мире, зако-

дированных в образы-смыслы. Иными словами, явление внешнего мира перцептивно выделяется из окружающего мира и ему приписываются определенные пространственно-временные и качественные характеристики, такие, например, как «предмет», «звук» или «движение». Совместив эти две схемы, мы можем вывести формулу мировосприятия, в которой Образ мира играет роль исходного пункта и результата любой познавательной деятельности: «O.C1» (внешний стимул, т. е. объективное явление, исходящее из внешнего мира) — «O.C1.O1.P1» (первичная категоризация явления на основе имеющегося Образа мира) — «O.C1.O1.P1.P2» (поиск главных признаков соответствия объекта доступным категориям имеющегося Образа мира как первичная реакция) — «O.C1.O1.P1.P2.O2.O» (подтверждающая проверка — окончательное подтверждение с корректировкой имеющегося Образа мира по отношению реального мира). В данной формуле понятия «O» — объективный мир, «O1» — имеющийся до перцепции Образ мира, «O2» — скорректированный в ходе перцепции «измененный» Образ мира, отражающий объективный мир. Эти понятия могут быть адекватно поняты благодаря субъектно-объектной парадигме анализа с применением категории «другой». Речь идет о том, что объективный мир («O») содержит в себе предпосылки Образа мира («O1» и «O2»), которые, в свою очередь, отражают в той или иной степени реальный мир. Следующий цикл образного мировосприятия может быть представлен формулой: «O.C2.O2.P.2.P.3.O3.O» и т. д.

Данная формула важна именно как схема, дающая нам право приступить к рассмотрению вопроса о формировании Образа мира как исходного пункта и результата любой познавательной деятельности. Стимулом для такого рассмотрения будет не более чем субъективная интенция, поскольку еще в данный момент не поздно остановиться и прекратить анализ. Такова реальность и с ней необходимо считаться.

Современная психология понимает под Образом мира *«некую совокупность или упорядоченную систему знаний человека о мире, о себе и других людях и т. д., которая опосредует, преломляет через себя любое внешнее воздействие»*. Построение образа внешней реальности есть процесс актуализации компонентов уже имеющегося Образа мира и одновременно процесс его уточнения, корректировки и даже радикальной перестройки. При этом управление действием осуществляет не образ сам по себе, а модифицированная этим образом картина мира. Дж. Брунер, в частности, утверждает, что соответствие действительности достигается не столько за счет функции «представления или восприятия мира», сколько за счет построения картины мира (Дж. Брунер именуется ее моделью). Обучаясь восприятию, мы усваиваем отношения, существующие между наблюдаемыми свойствами объектов и событиями, усваиваем соответствующие категории и системы категорий, научаемся предсказывать взаимосвязи событий и проверять эти предсказания, основываясь на уже имеющейся целостной картине мира. «Восприятие при этом действует иногда как приветственная делегация, иногда как отборочная комиссия».

Приведем несколько примеров, характеризующих процесс перцепцирования (восприятия). **Регулярность, повторяемость** какого-либо явления воспринимается человеком как закономерность, даже тогда, когда между явлениями такая закономерная связь не наблюдается. Такой тип предвосхищающей установки называется «иллюзией игры» или «эффектом отрицательной новизны». На этом основании строится механизм **последовательной интеграции вероятностей**, который окрашен эмоциональностью: человек с большей готовностью верит в повторяемость субъективно желательных со-

бытий, нежели тех, который внушают ему опасения. На этом основывается психологическая зависимость азартных игроков, фанатично ожидающих выигрыша. Другой пример, связан с доступностью кодирующих категорий. **Готовность к восприятию** «нового» тем выше, чем более развита у человека способность к **категоризации** и отмобилизирована на уровне клеточных ансамблей головного мозга способность к селекции и адаптации впечатлений. Безальтернативность, **монополизация выбора** одной гипотезой, как правило, воспринимается менее критично и легче находит подтверждение, что существенно **снижает порог несовпадения**. При этом количество альтернатив, укладываемых в т. н. «объем внимания», не превышает 7–8. При таком количестве альтернатив констатация в пределах бинарности «совпадение-несовпадение» вполне достижима. Свыше этого выбор, как правило, утрачивает рациональный характер, приобретая оттенок «угадывания». Порог времени распознавания элементов несоответствия тем ниже, чем выше **готовность** субъекта воспринимать те или иные явления, т. е. временной порог снижается благодаря **научению и инструктированию**, что показывают эксперименты с узнаванием табуированных слов или буквы «В» в искаженном написании как «І З». Так, даже при минимальном инструктаже фраза «Я І З ПАЛЬТО» воспринимается адекватно, как «Я В ПАЛЬТО». При бинокулярном соперничестве недоминантный глаз обнаруживает меньшую чувствительность зрачкового рефлекса, чем доминантный, что, например, указывает на важность такой «мелочи» как местоположение книги справа или слева от зрительной оси. **Порог восприятия** звукового раздражителя может быть существенно снижен при многократном его повторении, более того, со временем, благодаря «привыканию» исчезнуть вовсе. Все эти и многие другие примеры особенностей перцепционного процесса указывают на комплексный характер формирования мыслительных образов в сознании человека и сложном сочетании объектно-субъектной взаимозависимости образа и оригинала.

Применительно к предмету нашего рассмотрения особое значение имеет феномен **«неадекватных категорий»**. Например, приехавшие в Лондон африканцы в 20-е годы XX в. определяли полицейских-регулирующих как наиболее дружелюбно расположенных людей, поскольку они часто поднимали правую руку ладонью вперед навстречу приближающемуся транспорту: африканцы принимали жест «Остановиться!» за приветствие. Другой пример — акцент при изучении иностранного языка, который многие годы сохраняется у говорящего, даже если он владеет языком удовлетворительно. Возможное объяснение — посткатегоризационная сенсорная фильтрация: коль скоро высказывание понятно, декодирование звуковых символов в соответствующих категориях достигнуто, прочие признаки ассимилируются или вовсе пропускаются. Неадекватность категоризации — это не всегда ошибочная категоризация, она может быть просто недостаточно определенной. Так «предметом из прозрачного материала» может именоваться бесформенный осколок стеклянной банки и кубок из горного хрусталя работы саксонского мастера XVII в. Неадекватность категоризации может быть вызвана сенсорным обманом (мираж, принимаемое за реальность отражение в зеркале, тень или манипуляции иллюзиониста, слуховые галлюцинации или иммитации и т. д.). Именно эту неадекватность категориальной системы образов описал Платон в «Государстве», где аллегорически изобразил людей, живущих в пещере невежества и, как пленных, заключенных в мир образов, рожденных тенями на стене пещеры, которых люди до поры, до времени воспринимали как реальность.

Наиболее очевидные примеры неадекватных систем категорий встречаются в вос-

приятии социальной сферы, поскольку системы категорий в социальной сфере лишены универсальности и формируются соответственно месту и роли субъекта в социальном процессе. При переходе человека из одной социальной страты в другую система категориально-образного мировосприятия меняется с большим трудом. Выделяются две группы причин неадекватной установки к восприятию: во-первых, неумение усвоить подходящие категории для классификации событий окружения и их последовательности; во-вторых, искажения, в результате которых категории с широкими пределами маскируют менее доступные категории, как это имело место с «предметом из прозрачного материала» [3. С. 18, 34, 38, 41, 45, 49–51, 59–60]. В качестве примера неадекватного восприятия систем социальных категорий, обычно приводят стереотипность социальных восприятий, которая длительное время сохраняется у человека, поднявшегося из нижних социальных слоев в элитарные. Этот феномен отражен в образе Полиграфа Шарикова в повести М. Булгакова «Собачье сердце».

Внешние стимулы, вызывающие чувственное впечатление, могут повлиять на картину мира и, следовательно, внести свой вклад в формирование Образа мира, только если от Образа мира в целом навстречу стимуляции извне идет ферментирующая энергия, которая и определяет, какие стимулы ассимилируются Образом мира, а какие игнорируются. Эта ферментирующая энергия представляет собой многоплановый и полиформный процесс познания, который прекращается только с потерей сознания или в результате глубоких патологий функций головного мозга. Этот встречный процесс ассимиляций и апробаций существующего Образа мира осуществляется путем непрерывного «сопоставления ожидаемых, экстраполируемых характеристик реального мира с тем, что мы получаем на сенсорном “входе” в результате воздействия стимуляции на наши органы чувств».

«В случаях нарушения такой апробации, например, в результате сенсорной депривации и перцептивной изоляции, наступает и нарушение более глубоких, ядерных структур Образа мира, имеющих амодальный характер. Происходит нарушение ориентации во времени и пространстве, нарушается восприятие ситуации в целом, возникают галлюцинации и т. п.»

Иными словами, Образ мира вносит главный вклад в построение образа предмета или ситуации. Движение Образа мира навстречу стимуляции извне является модусом его существования и носит, условно говоря, спонтанный характер. Этот процесс обеспечивает постоянное апробирование Образа мира чувственными данными, подтверждение его адекватности. При нарушении возможности такого апробирования Образ мира начинает нарушаться. Движение от «субъекта к миру» носит процессуальный характер и прерывается только лишь на фоне мозговых нарушений.

На уровне чувственного отражения Образ мира формируется на языке самих чувственных впечатлений, а на ядерных уровнях имеет схематическую или символическую форму, выраженную с помощью языка.

«Воспринимаемый мир есть форма существования схемы мира в той или иной модальности. Образ мира не складывается из образов отдельных явлений, а с самого начала развивается и функционирует как некоторое целое, т. е. любой образ есть не что иное, как элемент Образа мира, и сущность его не в нем самом, а в том месте, в той функции, которую он выполняет в целостном отражении реальности» [16. С. 142–145].

Активность образов в форме их непосредственного взаимодействия теоретически неприемлема, но образы, особенно образы-цели, могут оказывать регулирующее и ини-

цирующее влияние на деятельность, в процессе которой они опосредованно взаимодействуют и подвергаются раздельной или взаимной корректировке. Взаимодействие психики и деятельности нельзя описать с позиции классической логики. В теории перцептивных действий деятельность рассматривается как механизм самого построения образов, входит в саму плоть образа. Причем бездействие — это тоже форма действия, психологическая санкция на осуществление которого часто является очень ответственным решением и предъявляет едва ли больше требований к внутренней деятельности в плане образа [16. С. 166–167]. Из сказанного следует, что важнейшей характеристикой Образа мира, обеспечивающей ему возможность функционирования в качестве активного начала отражательного процесса, является его деятельностная и социальная природа [16. С. 146].

Исходные формы Образа мира формируются прижизненно, и начало их формирования «связано с торможением врожденных сенсомоторных автоматических координаций, которые хорошо проявляются в первые минуты, часы и дни жизни ребенка и постепенно исчезают». Первые действия ребенка представляют собой «синкретическое единство моторных, сенсорных и аффективных компонентов, из которых выделяется потом Образ мира, деятельность и личность, исчерпывающие в сумме предмет психологии». Благодаря действиям ребенка в его сознании происходит встреча чувственных впечатлений, имеющих внутреннее происхождение, и чувственных впечатлений, продуцируемых внешними воздействиями, в результате этой встречи рождаются первые образы. Целостность Образа мира в сознании ребенка сомнения не вызывает. Этот образ формируется спонтанно и носит генетически запрограммированный характер. Это универсальный уровень образного восприятия мира. Другой, более высокий, уровень образуют ядерные структуры Образа мира. Это уровень (или уровни) символической знаковой репрезентации мира. Он формируется в индивидуальной психике субъекта на основе усвоения системы общественно выработанных значений, закрепленных в языке, предметах культуры, нормах и эталонах деятельности. Именно на уровне ядерных структур осуществляется генерация познавательных гипотез, которые позволяют гомогенизировать мыслительный Образ мира, сохранить его структурную целостность вопреки объективному процессу вееризации Образа мира под влиянием отдельных областей человеческой деятельности (наука, искусство, политика, экономика, социальная сфера и т. д.).

Переход от генетически запрограммированных уровней мировосприятия к ядерным уровнями образного мировидения во многом напоминает путь, который проходит человек, чтобы стать ученым-лингвистом. Как известно владение языком не является врожденным свойством, хотя и имеет природную «предначертанность». Ю.С. Маслов пишет, что владение языком «создается постепенно, начиная с раннего детства, и создается в принципе тем же путем, каким идет и ученый лингвист: каждый человек познает свой родной язык, добывая его из речи». Только процесс этого добывания у ребенка носит не вполне осознанный, в основном спонтанный характер, лишь отчасти дополняясь целенаправленными сведениями, сообщаемыми взрослым ребенку. Так постепенно в процессе переработки данных речевого опыта «из всей массы услышанного, а затем и прочитанного, неуклонно и постепенно отбирается, обобщается и складывается в систему все повторяющееся, все более или менее устойчивое, и все это тут же проверяется на практике, “пускается в ход” в новых и новых высказываниях». Постепенно создается в сознании индивида почти автоматический механизм владения родным языком. При

изучении же языка в зрелом возрасте роль непосредственного прямого усвоения грамматической теории возрастает [9. С. 9]. Возьмем на себя смелость сопоставить и даже объединить два процесса: спонтанное и осознанное изучения языка и спонтанное же и осознанное постижение мира с целью сформировать его Образ. Подобно усвоению языка происходит естественное освоение человеком его жизненного пространства, образ которого, пусть и не вполне осознанно, присутствует в сознании любого здорового индивида в форме комбинации зрительных и иных чувственных впечатлений и их по началу скромной категориальной идентификации. Неосознанный образ мира формируется у детей в возрасте от 4 до 5 лет, поскольку около четырех лет дети усваивают, что другие могут иметь отличные от них взгляды, а к пяти годам большинство детей приобретают полностью развитое чувство собственного «Я», начиная взаимодействовать с другими людьми [19. С. 151]. Осознанное формирование Образа мира происходит позднее, на этапе вторичной социализации личности (в процессе получения образования и в ходе общественно полезной деятельности) и имеет примерно такое же значение для миропонимания, какое имеет знание грамматической теории для человека, владеющего языком или его изучающего.

В соответствии с теорией отражения Образ мира формируется в процессе восприятия субъектом соответствующих объектов внешнего мира. На это восприятие «он отвечает путем отнесения воспринимаемого раздражителя к тому или иному классу вещей или событий» посредством выделения т. н. признаков (cues) или ключевых признаков (clues). Таков в общем виде механизм категоризации, который обеспечивает два взаимосвязанных процесса — восприятия и принятия решений. Адекватные установки к восприятию внешних форм основываются, во-первых, на умении усвоить подходящие категории для классификации событий окружения и установления их последовательности; во-вторых, на минимизации искажения при восприятии внешнего, когда более доступные категории с широкими пределами маскируют категории менее доступные, мешая использованию их для кодирования доходящих до субъекта раздражителей [3. С. 13, 29–31, 60]. Адекватная категоризация при восприятии позволяет выработать адекватные суждения и принять адекватные обстоятельствам решения.

Важной разновидностью образа выступает «фрейм» — структура данных для представления стереотипной ситуации или минимально необходимая структурированная информация, которая однозначно определяет данный класс объектов, позволяя представить его в памяти ЭВМ. [11. С. 3, 7, 122]. Предложенная Марвином Минским, американским исследователем искусственного интеллекта, эта теория получила высокую оценку мировой научной общественности. Структура фреймов Минского включает «верхние» и «нижние» уровни, терминалы, субфреймы, маркеры и т. д. Отдельные фреймы объединяются в системы, внутри которых происходят трансформации между фреймами системы. Системы фреймов связаны сетью поиска информации, которая и дает возможность структурировать понятие «образа», приступить к его распознаванию. Фрейм, по Минскому, это аналоговое логизированное знание, формализованное под потребности «искусственного интеллекта», но фрейм — это не реальное знание, по крайней мере, на современном этапе существующего понимания процесса мышления.

Система фреймов позволяют видеть обобщенный образ реального мира и отображать его в памяти компьютера. Фреймы по природе фрактальны, поскольку в малой форме отражают свойства большого. В нашей интерпретации Образ мира тоже фрактален, поскольку даже частные подобразы мира имеют свойство фрактальности, т. е. раз-

деленны на сегменты — фракталы, обладающие свойством самоподобия (масштабной инвариантности), проявляющегося в том, что меньший фрагмент структуры такого объекта подобен большему, а большой фрагмент структуры подобен структуре объекта, взятого в целом.

Осознание того, что мы реально знаем больше, чем понимаем, что мы знаем на самом деле, приходит с опытом, увы, не жизненным, а мыслительным. Вот пример того, как наше знание о нашем знании заводит нас в тупик. Человеку привычно свойство транзитивности мышления — перенос определенной информации об одном объекте на другой, сходный или находящийся в сходном положении. Скажем: А около В; В около С следовательно А около С, но неограниченное применение такого правила приведет к тому, что все объекты окажутся расположенными по соседству друг с другом, а понятие «около» утратит практический смысл. Допустим, что мы введем ограничения на употребление понятия «около», т. е. разрешим применение правила транзитивности не более трех раз подряд. Таким образом, мы «спасем» «около», но бесосновательно урежем нашу мыслительную способность. В реальности наш мозг легко справляется с этой задачей, но вне логического подхода.

«Логические рассуждения недостаточно гибки и не могут служить основой мышления... Я сомневаюсь в возможности эффективного представления обычных знаний в виде совокупности простых, независимых, "истинных" утверждений... Мышление всегда начинается с наводящих на мысль, но несовершенных планов и образов, которые (если это вообще имеет место) постепенно совершенствуются и заменяются лучшими вариантами» [11. С. 119–120]. Формирование Образа мира с точки зрения психологического подхода — это постоянный процесс мировосприятия, который рассматривается как необходимое и достаточное условие существования человека в гармонии с внешним миром и самим собой, как частью этого мира. Без способности к формированию психических образов, считает нью-йоркский психолог Пауль Куглер, были бы невозможны самосознание, речь, письмо, запоминание, сны, искусство, культура — все то главное, что присуще только человеку. Психология как область знания вообще развивалась из стремления понять процесс создания образов, то есть снов, ассоциативных способностей, памяти и фантазий и той роли, которую этот процесс играет в формировании личности и развитии психопатологии. Особенно преуспели в объяснении формирования психических образов Зигмунд Фрейд (1856–1939) и Карл Густав Юнг (1875–1961). Оба избрали для этого форму «универсалий» — универсальных принципов построения современной теории человеческой природы, но коренным образом различно трактуя их. У Фрейда в качестве таких универсалий были избраны филогенетические «схемы» (термин «филогенез» введен еще в 1866 г. немецким биологом Э. Геккелем), Эдипов комплекс, и связанный с ним мир желаний, а Юнг опирался на принцип «архетипов», впервые сформулированный им в 1919 г. Фрейд основывал свои теоретические изыскания на постулате о существовании мира желаний (эроса), который предшествует любому переживанию. Юнг же строил свою теорию «исходя из реальности мира образов».

«Образ — это мир, в котором разворачивается опыт. Образ составляет опыт. Образ — это душа. Для Юнга мир психической реальности не является ни миром вещей, ни миром бытия. Это мир "образа как такового"» [7. С. 121–122]. Если верить Юнгу, то психика вообще по большей части состоит из образов, а психическая сущность может стать содержанием сознания, т. е. обрести представление только тогда, когда она имеет свойства образа. Если подход к образному мышлению Фрейда имеет мощную объяс-

нительную силу постфактумного анализа, то теория Юнга близка нашей теме именно своей устремленностью в будущее, эвристическим комплексом, на который мы будем в дальнейшем опираться [12. С. 72–94].

Поскольку образное мышление обеспечивает непрерывность восприятия реальности во времени и пространстве, то конкретно Образ мира придает этой непрерывности позитивность, устойчивость, целостность мировосприятия. Образ мира — это постоянно корректирующаяся и саморазвивающаяся субъектно-объектная форма отражения реальности, способная одновременно влиять и на создавшее образ сознание, и на отраженную в образе внешнюю реальность. Образ мира лишь отчасти подвластен логическому построению. Значительная часть этого Образа имеет иррациональное (моральное, эстетическое, этическое и иное эмоциональное) содержание, поскольку мир открывается лишь как «соразмерное человеку» знание, и, добавим, — «разумно достаточное». Всего несколько десятилетий назад Образ мира имел значение в пределах однородной этнокультурной или цивилизационной среды. Сегодня мы присоединяемся к Эриху Фромму и его супруге Рут Нанде Аншен, которые признают, «что центробежную силу, разбросавшую и атомизировавшую человечество, нужно заменить интегрирующей структурой и процессом, способным дать существованию смысл и цель» [18. С. 179]. Вывод двойственен. Либо, вторя остроумию Пьера Симона Лапласа, признать, что истина находится вне субъекта, а человеческая психология — только «вредный балласт на слабых крыльях несовершенного разума». Либо ответить на вызов современного мультикультурного и мультицивилизационного мира на этапе глобальной интеграции наций, этносов, народов, стран и попытаться понять: «Какой мир предпочтительнее?». Универсальный Образ мира, могущий служить концептом глобальной интеграции, очевидно должен возникнуть как непротиворечивая альтернатива локальным образам мировосприятия, включив в себя не только знания и опыт отдельных стран, но и психо-эмоциональную установку на позитивное мировосприятие.

Литература

1. *Lippman W.* Public Opinion. N.Y., 1965.
2. *Аншен Р.Н.* Мировые перспективы // Фромм Э. Революция надежды. О гуманизации технического общества. Избавление от иллюзий. Сопоставление взглядов Маркса и Фрейда. М., 2005.
3. *Брунер Дж.* Психология познания. М., 1977.
4. *Вернадский В.И.* Научная мысль как планетарное явление. М., 1991.
5. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 2006. Т. 2.
6. *Зинченко В.Г., Зуман В.Г., Кирнозе З.И.* Межкультурная коммуникация. От системного подхода к синергетической парадигме. М., 2008.
7. *Кюглер П.* Психические образы как мост между субъектом и объектом // Кембриджское руководство по аналитической психологии. М., 2007.
8. *Леонтьев А.Н.* Психология образа // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 1979. № 2.
9. *Маслов Ю.С.* Введение в языкознание. Учебное пособие для филологических специальностей университетов. М., 1975.
10. *Мегрелидзе К.Р.* Основные проблемы социологии мышления. Тбилиси, 1965.
11. *Минский М.* Фреймы для представления знаний. М., 1979.
12. О различиях научных позиций Юнга и Фрейда см.: Дэвис Дуглас. Фрейд, Юнг и психоанализ // Кембриджское руководство по аналитической психологии. М., 2007.

13. Рок И. Введение в зрительное восприятие. М., 1980. Т. 2.
14. Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М., 1973.
15. Свенцицкий А.Л. Краткий психологический словарь. М., 2008.
16. Смирнов С.Д. Психология образа: проблема активности психического отображения. М., 1985.
17. Современный иллюстрированный энциклопедический словарь. М., 2008.
18. Фромм Э. Революция надежды. О гуманизации технического общества. Избавление от иллюзий. Сопоставление взглядов Маркса и Фрейда. М., 2005.
19. Человек / Пер. с англ.; под ред. Р. Уинстона. М., 2005.
20. Шарден П. Т. де. Феномен человека. М., 1987.

УДК 94

*Н.А. Самойлов***ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ГЕОКУЛЬТУРНЫХ ПРОСТРАНСТВ РОССИИ И КИТАЯ И ИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В XVIII — НАЧАЛЕ XX вв.***

Российско-китайские отношения XVII — начала XX вв. на протяжении длительного времени являются предметом изучения как ученых-востоковедов, так и историков самых различных профилей. Следует отметить, что в разработке данной проблематики к настоящему времени достигнуты достаточно серьезные результаты. В первую очередь и наиболее основательно изучена история официальных межгосударственных отношений. Особенно пристальное внимание здесь уделено заключению важнейших соглашений между Россией и Цинской империей и установлению линии границы между двумя соседними государствами. Среди исследований последнего времени прежде всего следует выделить труды отечественных ученых-китаеведов: В.С. Мясникова [23; 24] и А.Д. Воскресенского [10; 11]. Российско-китайские торгово-экономические отношения XVII — начала XX вв. исследовались как до 1917 г. [18; 39], так и в советский период [38]. Продолжается их изучение и в самое последнее время.

Относительно же истории развития связей России и Китая в сфере культуры можно констатировать, что изучены они явно недостаточно. Среди работ по данной проблематике доминируют исследования эмпирического характера, не претендующие на широкие обобщения и не предлагающие (в отличие от работ по истории межгосударственных отношений) новых научных концепций и методологических подходов к изучению проблемы в целом.

Вместе с тем, по нашему мнению, на сегодняшний день сложилась благоприятная ситуация для начала комплексного изучения не только российско-китайских культурных связей, но и более широкого комплекса вопросов социокультурного взаимодействия России и Китая в историческом континууме. К настоящему времени накоплен фактический материал, существует ряд общетеоретических подходов, которые при известной доли адаптации, могли бы быть использованы при разработке теоретической базы подобных исследований. Таким образом, взаимоотношения России и Китая могут изучаться не только в плане истории межгосударственных отношений или взаимодействия двух субъектов экономических связей, но и как отношения двух социумов и культур, представляющих собой разные цивилизационные типы, формирующие в различных исторических обстоятельствах аутентичные и полифонические геокультурные пространства.

При проведении подобных комплексных исследований, включающих в себя обобщение накопленного эмпирического материала и разработку теоретико-методологических

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке проекта «Геокультурные пространства и коды культур Азии и Африки» по аналитической ведомственной целевой программе «Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2010 гг.)» на 2009 г.

© Н. А. Самойлов, 2009

подходов, всегда встает проблема использования соответствующей научной терминологии, как уже освоенной гуманитарными науками, так и привносимой вновь, в том числе заимствуемой из точных наук. И здесь весьма уместно будет вспомнить слова одного из крупнейших историков XX в. Фернана Броделя, который в своем хрестоматийном труде «Грамматика цивилизаций» отмечал: «К сожалению, терминологический словарь наук о человеке не позволяет использовать слишком категоричные определения. Это не значит, что все понятия здесь неопределенны или находятся в процессе становления. Просто большинство терминов оказываются не определенными изначально, они меняются в зависимости от использующих их авторов и не перестают эволюционировать на наших глазах» [8. С. 33]. В этой связи Ф. Бродель также вспоминал высказывание Леви-Стросса: «Слова — это те инструменты, которые каждый из нас волен использовать по своему усмотрению с тем, однако, условием, что он объясняет свои намерения».

Между тем следует отметить, что к настоящему времени так и не выработано четкого определения понятия «социокультурное взаимодействие». Многие современные авторы используют данный термин в качестве синонима или аналога другого имеющего широкое хождение в научной литературе понятия — «межкультурное взаимодействие». В качестве примера можно привести определение, предлагаемое доктором социологических наук Н.А. Селиверстовой, которая занимается разработкой концепции социокультурного взаимодействия посредством книги: «Социокультурное взаимодействие — это процесс, в котором действия субъектов определяются целью и регулируются ценностями, формальными и неформальными нормами представляемой культуры. Это есть процесс межкультурного взаимодействия, в той или иной мере способствующий изменению культур» [34]. Иные авторы сводят «социокультурное взаимодействие» к взаимоотношениям между индивидами, объединенными для коллективной трудовой деятельности.

Однако нам представляется, что процесс социокультурного взаимодействия представляет собой прежде всего взаимодействие социумов и культур в пространственно-временном континууме, т. е. процесс, развивающийся прежде всего на макроуровне, хотя его частные проявления, безусловно имеют свое отражение в явлениях микроуровня порядка.

При изучении процессов политического и социокультурного характера, протекающих в историческом континууме, некоторые современные исследователи предлагают использовать системный подход, применяемый в самых различных отраслях научного знания. В качестве характерного примера можно привести результаты масштабных исследований, проведенных на базе Института экономических стратегий. Основываясь на этих результатах, Б.Н. Кузык и Т.Л. Шаумян в фундаментальной монографии «Индия — Россия: стратегия партнерства в XXI веке», излагая теоретические основы своего исследования, отмечают, что ими «была разработана многофакторная модель исторической динамики, в основу которой положен следующий постулат: развитие государства, рассматриваемого как система, происходит под влиянием набора факторов, оказывающих на нее разноплановое воздействие... В модели, называемой нами также стратегической матрицей, каждый такой фактор отражает совокупное влияние на развитие системы всех факторов, относимых к данной группе» [21. С. 21]. В качестве детерминирующих факторов эти авторы выделяют: управление, территорию, природные ресурсы, население, экономику, культуру и религию, науку и образование, армию, внешнюю политику (геополитическую среду). Аналогичный подход был применен и в

книге Б.Н. Кузыка и М.Л. Титаренко, посвященной динамике развития российско-китайских отношений [20. С. 6–7].

Принимая в целом данный подход, предлагаемый вышеназванными авторами, заметим, что помимо геополитической среды к числу таких детерминирующих факторов можно отнести и геокультурную среду, формирующуюся в контексте социокультурного взаимодействия обществ и государств.

В таком случае, исходя из возможности рассмотрения и описания каждого конкретного государства (социума, культуры и т. д.) как своего рода социокультурной системы, развивающейся в пространственно-временном континууме, мы полагаем возможным применить при изучении как исторического развития в целом, так и процессов социокультурного взаимодействия, понятия и дефиниции, используемые для описания поведения сложных многофакторных систем с переменными параметрами: в частности, такое понятие как *динамическая система*, предназначенное изначально в естественных науках для обозначения и изучения систем, эволюционирующих с течением времени.

С понятием «динамическая система» связана и еще одна важная категория — *фазовое пространство*. Фазовое пространство в теории динамических систем представляет собой пространство, ассоциированное с конкретной динамической системой, точки в котором однозначно характеризуют все возможные состояния данной системы [38. С. 267]. Помимо этого, фазовое пространство представляет собой множество всех состояний системы в фиксированный момент времени. Каждому возможному состоянию системы соответствует точка фазового пространства. Сущность понятия фазового пространства заключается в том, что состояние сколь угодно сложной системы представляется в нем одной единственной точкой, а эволюция данной системы — перемещением этой точки.

Исходя из сказанного выше, можно формулировать и развивать не только представление о социуме, государстве или культуре как о своеобразных динамических системах, эволюционирующих во временном континууме с присущими им свойствами, обусловленными внутренними характеристиками системы в конкретной точке пространства, но и высказать предположение о том, что в случае взаимодействия двух фазовых пространств образуется зона их взаимного перекрывания, в рамках которой происходит процесс образования нового по своей сути фазового пространства. При этом каждая точка нового пространства будет содержать в себе информацию как об одной, так и о другой предшествующих динамических системах (социумах, культурах и т. д.) одновременно.

Следовательно, при эффективном взаимодействии различных социумов и культур, можно называть возникающую в ходе указанного процесса зону перекрывания фазовых пространств, очерченных в данном случае как культурно-историческими, так и географическими рамками, «геокультурным пространством» (или полем), каждая точка которого, неся в себе информацию о прежних системах, будет в то же время обладать и новыми качествами и характеристиками. Таким образом, в условиях социокультурного взаимодействия двух государств (при рассмотрении проблемы в иной плоскости — двух культур), представляющих собой ничто иное, как две динамические системы, свойства которых обусловлены факторами внутреннего социокультурного развития, в геокультурном пространстве, каковым, как было сказано, может являться область взаимодействия двух фазовых пространств, в каждый фиксированный исторический отрезок возможно наблюдать процесс эволюции системы. Другими словами, любые элементы и

формы взаимодействия социумов или культур, с одной стороны, обусловлены множеством факторов внутреннего развития каждой системы в отдельности, а с другой стороны, сами являясь характеристиками возможных состояний своей системы, они в разной степени оказывают воздействие на вновь возникшую динамическую систему («геокультурное поле»), складывающуюся в процессе перекрывания двух фазовых пространств.

Не следует забывать, что взаимодействие — это процесс, в котором действие одного участника безусловно требует ответной реакции другого. Ответное действие может предопределить развитие процесса, стать основой для появления новых тенденций или, напротив, затормозить процесс. В итоге, возникает цепь новых действий, которые вызывают ответную реакцию, что предопределяет продолжение процесса в пространственно-временном континууме.

В случае социокультурного взаимодействия мы имеем дело с взаимодействием социокультурных суперсистем (являющихся в то же самое время частным случаем динамической системы) как на макроуровнях, так и на микроуровнях. Субъектами данного взаимодействия оказываются как социумы (в эпоху Нового времени в лице государств), так и культуры. Социокультурное взаимодействие включает целый комплекс процессов: взаимодействие социальных и политических институтов и их влияние друг на друга, взаимопроникновение компонентов культуры, взаимодействие в сфере общественной мысли, определенные аспекты торгово-экономических связей, влияющие на социальные и культурные процессы, формирование взаимных образов и стереотипов.

Большая часть макроуровневых социокультурных взаимодействий происходит в пределах геокультурного пространства, созданного предыдущими этапами этого взаимодействия. С развитием сложных социальных, политических, экономических и культурных изменений могут возникать совершенно новые структуры, влияющие на содержание новых этапов социокультурного взаимодействия.

Пионерами серьезного изучения процессов социокультурного взаимодействия наций и государств, представляющих «восточную» и «западную» цивилизации, выступили японские ученые и западные японоведы. Работы Инамото Нобору «Японцы и американцы», Масудзоэ Ёити «Японцы и французы», вышедшие в начале 1980-х гг., знаменовали появление методологически нового подхода к изучению не только взаимных образов, но взаимодействия социумов и культур в условиях модернизации и глобализационных процессов [Подробнее см.: 41]. А ставшая своего рода бестселлером и выдержавшая несколько изданий монография английского ученого Эндимиона Уилкинсона «Взаимное непонимание: Европа и Япония» поставила перед исследователями ряд существенных вопросов, касающихся взаимодействия принципиально различных социокультурных типов, формирующихся на основе собственной цивилизационной уникальности [2].

Начиная с 1990-х гг., ученые КНР также обратили внимание на изучение вопросов социокультурного взаимодействия и истории формирования образа Китая в мире. Своего рода прорывом в этом направлении стала монография Синь Цзянфэя «Образ Китая в мире — исторический очерк 2000-летнего знакомства мира с Китаем» [42].

* * *

Соприкосновение геополитических и геокультурных пространств России и Китая произошло в XVII в. и активно продолжалось в XVIII–XX вв. Периодизация их социокультурного взаимодействия была предложена в предшествующих публикациях [33].

В настоящей статье, помимо рассмотренных выше теоретических подходов, предполагается остановиться на ряде характеристик основных историко-культурных доминант, лежавших в основе геокультурных образов России и Китая на определенных этапах их исторического развития.

Авторы, обращаясь к изучению исторической эволюции геополитического и геокультурного пространств Византии и России (как ее духовной правопреемницы), обращают внимание на то, что «геокультурное могущество Византии возросло в противофазе геополитическому могуществу», и долговременность ее геокультурного пространства оказалась значительно больше [15. С. 114]. Основными трансляторами культурного кода и проводниками геокультурного влияния Византии становились представители ее религиозных кругов и, прежде всего, церковные иерархи, направлявшиеся из Константинополя на периферию. Сосредоточив в себе всю совокупность византийского культурного кода, Константинополь длительное время выступал в роли духовного, идейно-политического центра всего православного мира. Византийский писатель Феодор Метохит в начале XIV в. дал исчерпывающее определение его социокультурной роли: «Ни с чем не сравнимое прекраснейшее средоточие всей обитаемой земли» [3. С. 212]. Константинополь оставался вселенским геокультурным образом и после захвата его турками-османами, превратившись на рубеже XIX–XX вв. на определенное время в ключевой геополитический образ внешней политики России

Геокультурные образы, характерные для византийского геополитического и геокультурного пространств, естественным образом вместе со всем культурным наследием Византии переместились на Русь и оказали структурообразующее воздействие на формировавшиеся в России собственные геокультурные представления.

Формирование в российской историко-культурной традиции представления об уникальной роли своей страны в мировом сообществе и ее особом месте в ряду других стран и народов некоторые современные исследователи, считающие противостояние России Западу «одной из устойчивых характеристик русской истории», объясняют тем, что «в течение длительного времени Россия, хотя бы неосознанно, ощущала свою чуждость по отношению к Европе» [27. С. 3.]. Отсюда происходило стремление представить себя если не центром Ойкумены, то, во всяком случае, — центром значительной общности народов («православного мира», «славянского мира» и т. д.). В процессе объективизации противостояния Западу возникла активная мифологизация многих явлений общественной жизни, как России, так и зарубежных стран, а также их взаимоотношений с Россией и русскими. Представления значительной части населения России о Западе неизбежно принимали форму более или менее устойчивых стереотипов.

Сходные явления имели место при формировании отношения России к Востоку (нехристианскому). Культурные, социальные и исторические различия обуславливали объективный характер оппозиции «Православная Россия» (иногда вместе с другими православными или шире — христианскими народами) — «Восток» (мусульманский, «степной», буддийский, буддийско-конфуцианский или же неконкретно-абстрактный), приобретающей на определенных этапах форму скрытой или открытой конфронтации. Однако нам представляется вполне очевидным, что уровень и масштабы противостояния России Западу и Востоку на протяжении всего исторического континуума были различными и далеко не всегда представляли собой доминанту, давившую над всем обществом, как это стараются представить некоторые авторы. В определенные периоды степень взаимного притяжения культур оказывалась весьма значительной. В осо-

бенности это характерно для эпохи Петра Великого и, отчасти, для постпетровского времени.

В отдельные периоды русской истории возникало стремление противопоставить Западу геополитический (а иногда — и идеологический, и даже духовный) союз с восточными соседями. В качестве примеров можно привести геостратегическую линию, претворявшуюся в жизнь Александром Невским, и направленную на союз с Золотой Ордой в целях более эффективного противостояния экспансии Запада, или советско-китайское партнерство в 50-х годах XX в., направленное своим острием против «мирового империализма», т. е. опять-таки, против Западного («католическо-протестантского» — выражаясь в старых терминах или следуя современной терминологии, предлагаемой С. Хантингтоном) мира.

В русской средневековой геокультурной традиции (и в этом проявляется ее сходство с китайской традицией) отчетливо присутствуют универсалистские мотивы. Как отмечал академик Д.С. Лихачев, Русская земля представлялась древнерусским авторам «не только во всей ее широте, но и как часть вселенной, во всяком случае, — как часть христианского мира» [22. С. 14]. Отождествлению православной Руси со Вселенной или, по крайней мере, со значительной ее частью способствовал и служил жанр «Хождений» в Святую землю и Царьград (Константинополь), воспринимавшиеся православными как два центра мира и мировой истории. Духовное приобщение русских к этим центрам и включение их, наряду с самой Русью, в осознаваемую часть Вселенной рассматривалось русской средневековой мыслью как приобщение к мировому единству.

Подобный геокультурный образ, укреплявшийся по мере распространения указанных представлений, не мог не повлиять на формирование уничижительного отношения к католическому и шире — не-православному миру, существование которого во Вселенной если и подразумевалось, то виделось явно периферийным. В эсхатологических произведениях, распространенных в средневековой Руси, рай обязательно располагался на востоке, а ад — на западе [13]. Следует отметить, что под Востоком в это время на Руси подразумевали мир Православия, для остального «Востока» места в принятой схеме просто не находилось.

В конце концов, в массовом сознании населения средневековой России постепенно сформировалось своеобразное разделение мира на свою, праведную страну, и все остальные — неправедные. «Неправедность» становится обобщенным свойством всего нерусского. При этом даже путешествия в другие страны и контакты с чужеземцами оказывались делом весьма сомнительным, почти греховным. Можно вспомнить, что Афанасий Никитин, начиная описание своего «Хожения за три моря», назвал его «грешным» [39. С. 5].

Наиболее рельефно представление о Московском государстве как средоточии всего христианского мира было изложено в послании старца псковского Спасо-Елиазарова Великопустынного монастыря Филофея Великому князю Московскому Василию III (1514–1521). Автор послания сформулировал его так: «Вси царства православные христианские снисдошася в твое едино царство, един ты во всей *поднебесной* (курсив мой. — Н.С.) христианом царь». Развивая эту идею, старец подкрепил свои рассуждения фразой, ставшей в дальнейшем теоретической основой и символом российского универсализма: «Два Рима падоша, а третей стоит, а четвертому не бывать» [35. С. 145].

Н.А. Бердяев в своей известной работе «Русская идея» отмечал особую значимость концепции «Москва — Третий Рим» для русского народа. С ее появлением и теорети-

ческим оформлением люди Московского царства начали ощущать себя избранным народом, полагая, что миссия России состоит в том, чтобы быть носителем и хранительницей истинного христианства. Россия стала осознаваться ее представителями не просто как православное государство, а как вселенское царство, подобное первому и второму Риму. «В духовных стихах Русь — вселенная, русский царь — царь над царями, Иерусалим та же Русь, Русь там, где истина веры» [6. С. 49–50].

В геокультурном образе «Москва — Третий Рим» Русь представлялась как единственное и последнее из сменявших друг друга благочестивых царств. Ведь не только первый Рим погиб, перейдя в «латинскую ересь», но и благочестивый Константинополь был наказан за прегрешения. «Мысль, что Россия есть прообраз царства Христа или даже само это царство... очевидно вытекала из этого общего смысла теории “Москва — Третий Рим”» [7. С. 187.] Согласно представлениям, сформировавшимся в московский период истории России, все истинно христианские ценности концентрировались в пределах одного государства (вначале это была Византия, в дальнейшем — Русь). За его пределами располагался мир иноверный («неверный»), инокультурный («варварский»), быть может, вовсе не мир, а хаос.

Архимандрит Игнатий (в миру Иван Степанович Римский-Корсаков), стольник царя Алексея Михайловича (с 1685 г. — архимандрит Московского Новоспасского монастыря, а с 1692 г. — митрополит Сибирский), в своих писаниях обосновывал право православных русских царей наследовать «всю Вселенную», царствовать над всеми без исключения народами, народившимися после Потопа и «рассеянными» Господом «по лицу всея земли» при Столпотворении [7. С. 188]. Православие в итоге согласно концепции архимандрита Игнатия, представлялось определяющим свойством царства.

Основные положения, выдвинутые этим духовным автором, в последующие столетия становятся очень популярными в русской общественной мысли и государственной идеологии. Согласно данным постулатам, постепенно закреплявшимся в общественном сознании, Русское государство, благодаря своему избранному положению, с Божьей помощью неуклонно растет и ведет присоединяемые к нему народы не к порабощению, а к свободе и просвещению. В силу этого, расширение земного царства Христова до пределов Вселенной становилось духовным основанием державной идеи Российского православного самодержавного государства и его царственной мироустроительной функции. Таким образом, ключевой геокультурный образ в России слился с образом геополитическим.

Будучи официальной по своему происхождению, идеологема «Москва — Третий Рим» постепенно сливалась в массовом народном сознании с идеей Святой Руси — идеей, по большей степени, эсхатологической. В официально-государственной трактовке концепция «Москва — Третий Рим», в отличие от православного понимания, лишаясь своего эсхатологического акцента, приобретала ярко выраженную привязку к имевшимся государственным формам и превращалась в основу внешнеполитической доктрины. Последняя подразумевала естественное расширение пределов русского государства — «Третьего Рима», при сакрализации процесса расширения территории. Концепция «мы есть Третий Рим», сформированная в качестве генеральной идеи Московского государства, естественным образом предполагала и расширение собственно культурного пространства, включение в свою орбиту всех тех сфер потенциального Православия, которые лежали на периферии собственного социума [25. С. 145]. Исходя из этого, как отмечается в современных исследованиях, «завоевание чужих земель

представляется как санкционированный свыше и, следовательно, вполне закономерный с точки зрения “божественного права” акт» [14. С. 272].

С.С. Аверинцев обратил внимание на то, что идея Святой Руси не могла быть локализована ни географически, ни в историческом континууме. Святая Русь не имела каких-либо локальных признаков: «У нее только два признака: первый — быть в некотором смысле всем миром, воплощающим даже рай; второй — быть миром под знаком истинной веры» [3. С. 217]. Русский (по принятой в ряде источников того времени — «Белый») царь — это царь христианский, при том, что других истинно христианских государей в мире просто не может быть.

Идея Святой Руси в народных представлениях, подобно официальной идеологии «Третьего Рима», подразумевала наличие в мире лишь одного единственного подлинно христианского царства истинного благочестия. Однако народное толкование не имело столь жесткой привязки к конкретному государству, обладая более отчетливой этнической окраской.

Таким образом, укрепление в официальной идеологии и распространение в массовом народном сознании парадигмы «Москва — Третий Рим» способствовали утверждению представлений о мессианских функциях Русского государства по отношению как к Западу, так и к Востоку.

Высшим геокультурным образом Китая становится понятие «тянься» («Поднебесная»), ассоциировавшееся одновременно и с Китаем, и со всем миром. Будучи «Сыном Неба», китайский император априори становился правителем Поднебесной, т. е. всего мира, где «Срединное государство» (в равной степени геополитический и геокультурный образ) выступало в роли «цивилизующего» начала.

В основе многовековой культурно-исторической традиции Китая лежало конфуцианское учение, оказывавшее воздействие на внутривосточное развитие страны и ее внешнеполитическую доктрину и, что особенно существенно, ставшее структурообразующим фактором всей *синосферы* (геокультурного пространства Китая). *Синосфера* (*sinosphere*), или «китайский мир», включает в себя совокупность стран Восточной и Юго-Восточной Азии, чья культурная традиция сформировалась под сильным влиянием Китая. У истоков этого понятия в западном китаеведении стоял один из ведущих специалистов в области сино-тибетских языков, профессор Калифорнийского университета (Беркли) Джеймс Мэтисофф.

Закрепив еще в древности в сознании китайцев представление о своей стране как о культурном и политическом центре Поднебесной, конфуцианство, несмотря на постоянную эволюцию, продолжало культивировать мессианские идеи в качестве основы восприятия отношений с окружающим миром. В средневековом Китае сформировалась иерархическая модель отношений с другими государствами и народами, по сути своей сводившаяся к вертикальной связи «сюзерен — вассал».

В Китае еще в глубокой древности оформилась концепция Мандата Неба, которая прочно вошла в традицию китайской общественно-политической мысли. Согласно представлениям, в дальнейшем закрепленным официальной конфуцианской доктриной, Небо — это самая высшая сила, которая определяет и направляет развитие человеческого общества. Правитель (Сын Неба), обладая дарованной Небом «благой силой дэ», руководит народом и обустроивает страну. В то же время его прямая обязанность состоит в сохранении и культивировании этой «силы дэ» как в государстве, так и в самом себе. Утрата нравственного начала способна повлечь за собой потерю самой «силы

дэ», что, в свою очередь, может привести к лишению всей династии Мандата Неба и замене ее на другую.

В соответствии со сложившимися в императорском Китае представлениями, вся внешнеполитическая деятельность государства должна была подчиняться логике внутреннего развития страны. Благотворное влияние присущей китайскому императору «силы дэ», переполнявшей территорию «Срединного государства», должно было распространяться и за его пределы, т. е. на всю Поднебесную, преобразуя «варваров четырех сторон света». Отношение к другим народам как к «варварам», не обладавшим абсолютно никакой культурой и являвшимся лишь по своему внешнему облику людьми, а по внутренней сущности представлявшими собой диких зверей, было введено в китайскую политическую традицию еще ранними конфуцианцами [19. С. 255–257] и закрепилось в виде устойчивого внешнеполитического стереотипа, ставшего на долгое время существенным геокультурным образом.

В значительной степени подобные представления были обусловлены тем, что на протяжении многих столетий китайцам — крупнейшему земледельческому народу Восточной Азии — приходилось, в основном, сталкиваться с кочевниками, находившимися на более низкой стадии общественного развития. Что же касается некоевых народов, то корейцы и японцы активно заимствовали достижения китайской цивилизации и тем самым включались в геокультурное пространство Китая, а от другого древнейшего историко-культурного очага — Индии, Китай отделяли высочайшие в мире горные массивы (Гималаи, Тибет, Куньлунь).

По сложившимся в императорском Китае представлениям, «варвары» делились на «покорившихся» и «непокорных». «Покорившиеся варвары» признавали сюзеренитет Китая и были обязаны направлять в столицу «Срединного государства» посольства с данью (чаще всего — символической), что должно было символизировать их покорность Сыну Неба и служить доказательством результативности мироустроительной деятельности китайского императора. В целях укрепления престижа монарха среди населения империи, факты прибытия иностранных посольств усиленно афишировались внутри страны. В качестве ответных даров посланцы «варварских» государств обычно получали такие подарки от китайского императора, ценность которых подчас во много раз превосходила стоимость привезенной «дани», что опять-таки должно было убедить и подданных Сына Неба, и покорных «варваров» в величии и щедрости того, кто по воле Неба обустроивает Землю. Поднесение «дани» всегда обставлялось специальными церемониями, призванными продемонстрировать покорность «варваров». Так, например, в те времена, когда были установлены отношения между Россией и Китаем, китайские сановники требовали от иноземных посланников совершения церемонии «*коу тоу*». Во время аудиенции у императора иноземный посланник должен был трижды опуститься на колени, при этом отвешивая каждый раз три земных поклона.

Важно отметить, что далеко не все государства и народы, посылавшие в столицу Китая своих представителей, на самом деле находились в вассальной зависимости от него. Часто вассалитет был чисто номинальным, но исходя из доктрины «мироустроительной монархии», посольств иного характера просто не могло быть.

Согласно той же доктрине, некоторых выходивших из повиновения «варваров» следовало карать всей своей мощью, тем самым опять-таки приводя мир в гармоничный порядок. Установление равноправных отношений Китая с «варварскими» государствами или племенами было исключено, хотя на самом деле, в различные исторические пе-

риоды, реальное развитие событий вносило свои коррективы в подобную идеальную модель. В тех случаях, когда китайскому государству приходилось иметь дело с государствами или народами, над которыми невозможно было установить достаточно эффективный контроль, но которые в то же время серьезно не угрожали «Срединному государству», к ним применялся принцип «*цзими бу цзе*» («держат в узде, не прерывая сношения»). В этих случаях послы принимались, привезенные ими подарки рассматривались в качестве «дани», но не предпринималось попыток установить над этим государством непосредственный контроль. В иных ситуациях, когда со стороны «варваров» могла возникнуть реальная угроза китайскому государству, существующая доктрина предписывала руководствоваться принципом «*и и чжи и*» («с помощью варваров усмирять варваров»). Во всех случаях было удобнее иметь дело с «дальними варварами» с тем, чтобы с их помощью можно было держать в узде «ближних варваров», поступая согласно традиционной стратегической установке: «*юань цзяо цзинь гун*» («привлекать дальних, нападать на ближних»). Этот традиционный подход к другим народам, характерный для культивировавшегося столетиями «китайского миропорядка», постоянно ощущался и на ранних этапах российско-китайского взаимодействия.

В XVIII — начале XX вв. происходит взаимодействие двух геокультурных пространств: синосферы и русского православного мира. На *стадии активации* процесса социокультурного взаимодействия в условиях развития активной приграничной торговли формируется особое геокультурное пространство, аттрактором которого стали пограничные торговые города: российская Кяхта и китайский Маймайчэн. Здесь формируются абсолютно новое поле взаимодействия и особый язык общения (кяхтинский пиджин, или «маймачинское наречие»). Понятие «кяхтинский» применительно не только к чаю, но и к особому языку присутствует даже в словаре Даля [12]. Распространение китайских товаров и произведений искусства в России и деятельность Российской Духовной Миссии в Китае способствовали началу взаимопроникновения двух геокультурных пространств.

Вторая половина XIX в. стала временем усиления адаптивных функций и перехода социокультурного взаимодействия России и Китая из *стадии активации* в *стадию адаптации*. Помимо уже сложившихся коммуникационных каналов появились новые. Все больше русских стало появляться в Китае, а в Россию устремился поток китайских эмигрантов — носителей культуры государства-соседа. В роли аттрактора начинает выступать приграничная зона — *фронтир*. Особую роль в этом процессе играл сформировавшийся в то время «маньчжурский клин» на территории российского Приамурья [Подробнее см.: 4].

Начало XX в. стало временем активного социокультурного проникновения России в Китай. Аттрактором, в котором происходил процесс формирования коммуникационного кода данного периода и в то же время основой нового геокультурного пространства, становятся Китайско-Восточная железная дорога и основанный в 1898 г. в целях ее дальнейшего развития город Харбин, ставший местом сосредоточения большого числа выходцев из России, выступавших в роли трансляторов русской культуры. Аналогичную функцию расширения геополитического и геокультурного пространства России были призваны выполнить Порт-Артур и Дальний, для которых разрабатывались особые правила управления и застройки по русским образцам [Подробнее см.: 31]. Однако поражение России в русско-японской войне 1904–1905 гг. не дало этому случиться.

Поскольку вышеперечисленные вопросы были нами рассмотрены в предшеству-

ющих публикациях [28–33], остановимся на проблеме роли и места находившихся на российской службе иностранцев (как носителей западной социокультурной традиции) в развитии отношений с Китаем.

Хорошо известно, что в дореволюционной России иностранцы активно привлекались на государственную службу, в том числе в сфере внешней политики и дипломатии. Во времена царствования первых Романовых отчетливо обнаружилось, что в стране катастрофически не хватает людей, способных к ведению переговоров с другими государствами. Для подобного рода деятельности требовалось владение иностранными языками, знание иноземных реалий, умение вступать в культурное взаимодействие с представителями иных народов. Начиная с Алексея Михайловича, русские цари с большой охотой стали принимать на эту деликатную и столь важную для государства службу иностранцев — тех, кто имел опыт дипломатической деятельности и межкультурного общения, свободно владел иностранными языками и был готов с достоинством представлять интересы русского государства.

Цинские власти в аналогичный период также активно пользовались знаниями и услугами носителей западной социокультурной традиции — католических миссионеров, в том числе и в области дипломатии, прежде всего, когда речь шла о переговорах с носителями иной социокультурной традиции. Достаточно вспомнить участие французского миссионера-иезуита Жана Франсуа Жербилона (1631–1707) и его португальского собрата Томаша Перейры (1645–1708) в переговорах 1689 г. в Нерчинске с русским посольством, возглавлявшимся боярином и наместником брянским Федором Головиным. Это говорит о сходстве подходов в данной сфере в обоих государствах.

Профессор Т.С. Иларионова высказывает суждение о том, что императоры и российская знать на первом этапе развития межгосударственных отношений видели Китай глазами иностранцев (точнее сказать, европейцев): «шведа Ланга, оказавшегося в русском плену, грека Николая Спафария, униженного молдавским господарем, датчанина-голландца Избранта Идеса, который стал самым первым переговорщиком с китайцами после русского неудачного похода, объединяло то, что они были деятельными, неутомимыми, жадными до нового, умевшими брать на себя ответственность и выполнять порученное. Это были люди дела — вот что привлекало в них русских императоров. Они были другими, не такими, как свои» [17]. В другой своей работе она развивает данную мысль: «На первом этапе этого освоения — во второй половине XVII — начале XVIII веков — Николай Спафарий, Избрант Идес, Адам Брандт, Лоренц Ланг, Савва Владиславич сыграли ключевую роль в становлении отношений с Китаем, были самыми первыми посланцами из числа иностранцев в дальний неизведанный чужой край. Глазами этих иностранцев — грека, датчанина, немца, шведа, серба — Россия увидела Китай [16].

Вряд ли подобное мнение можно принять полностью. Ни в коей мере не умаляя заслуги иностранцев, выполнявших ответственные дипломатические поручения в Китае и сыгравших огромную роль на ранних этапах становления российско-китайских отношений, необходимо указать на следующие моменты. Во-первых, большинство первых российских посланцев в Цинскую империю: Иван Петлин, Федор Байков, Иван Перфильев, Иван Милованов, Федор Головин, Лев Измайлов, а также руководители первых торговых караванов были все-таки русскими людьми и в более широком смысле — носителями русской православной социокультурной традиции. Сеиткул Аблин именуется в документах «тобольским бухарцем» (скорее всего, он был татарин). К тому

же, выходец из Молдавии и грек по крови Николай Спафарий и уроженец Дубровника (Рагузы) Савва Владиславич-Рагузинский, как показывает знакомство с соответствующими источниками, также достаточно глубоко восприняли российскую православную традицию и выступали в процессе взаимодействия России и Цинской империи как ее носители и даже апологеты. Интересно, что в последнее время этот вопрос занимает и ученых КНР [43; 44]. Таким образом, по нашему мнению, не следует столь прямолинейно воспринимать роль и значение иноземного фактора в процессе социокультурного взаимодействия России и Китая, а также восприятия в России Китая и его культуры.

Роль европейцев в процессе этого взаимодействия проявлялась скорее опосредованно. В.П. Таранович в своем исследовании (не увидевшем свет при его жизни) сумел показать, что находившаяся в процессе своего становления Санкт-Петербургская Академия наук в XVIII в. в целях получения новых научных знаний вступила в продолжавшуюся около 50 лет переписку с находившимися в Пекине иезуитами [26]. Естественно, что из Пекина от иезуитов приходили не только данные естественных наук, но и сведения о Китае, преломленные сквозь призму их восприятия. Научные круги России, так же, как и представители западной науки, во многом оказались зависимы от миссионерского взгляда на Китай. Но в том-то и состояла специфика России и ее отличие от Западной Европы, что помимо этого Россия могла полагаться на описания и дневники российских представителей, в большом количестве посещавших Китай в указанное время.

Возвращаясь к исследованиям Т.С. Иларионовой, сосредоточившей свое основное внимание на роли немцев и российских подданных немецкого происхождения в деле изучения и освоения Дальнего Востока и в развитии отношений с Китаем, следует заметить, что при этом вне поля ее зрения оказались некоторые другие иностранцы, сыгравшие существенную роль в процессе социокультурного взаимодействия России и Китая. Можно напомнить имена английского врача и натуралиста Джона Белла, участника посольства Л. Измайлова и автора интересных записок, активно публиковавшихся на европейских языках [5], его соотечественника и тоже врача — хирурга больницы Санкт-Петербурга Томаса Гарвина, направленного в 1715–1716 гг. в Китай вместе с Л. Лангом по личному указанию Петра Великого для лечения императора Канси, а также хорвата Франца Елачича, трижды посещавшего Китай в качестве лекаря и представителя Академии наук и сыгравшего огромную роль в деле пополнения китайских коллекций Кунсткамеры [40. С. 126–131].

Большое влияние на формирование в России интереса к Китаю в петровское и постпетровское время оказали работы немецких и французских «китаефилов» и, прежде всего, труды и взгляды Готфрида Вильгельма Лейбница (1646–1716) [1]. Выдающийся немецкий ученый, познакомившийся с Петром Великим во время пребывания русского царя в Западной Европе, в дальнейшем часто давал ему ценные советы и оказывал поддержку в деле организации в Санкт-Петербурге Академии наук. Лейбниц предложил проекты развертывания научных исследований в России, связанных с ее уникальным географическим положением, обращая серьезное внимание на развитие связей со странами Востока. От Петра I Лейбниц получил титул тайного юстиции советника и пенсию в 2000 гульденов.

К настоящему времени в научной литературе сложилось достаточно устойчивое убеждение в том, что «Китай пришел в Россию с Запада». Это верно, но лишь отчасти. Действительно, к XVIII в. в Западной Европе формируется устойчивое увлечение Китаем и его удивительной культурой, охватившее самые широкие сферы — от литературы

и прикладного искусства до общественно-политических теорий. Утвердившаяся мода «на все китайское» создала основу для появления целого периода в европейском искусстве — эпоху рококо. Однако вряд ли можно согласиться с категоричными суждениями некоторых авторов о том, что «в России никогда не было такой моды. Если она и была, то только в той степени, чтобы поспеть, не отстать от Запада. Если Китай присутствовал в переводах, то это были переводы с французского или немецкого трудов Вольтера и Лейбница» [16]. На этом основании профессор Т.С. Иларионова в своем исследовании «Немцы на дипломатической службе России и их вклад в освоение Дальнего Востока в XVIII — начале XX веков» приходит к выводу о том, что именно потому, что «Китай в Россию пришел с Запада... так много имен иностранцев мы находим среди тех, кто осваивал для России Дальний Восток, шел по русскому повелению в Китай» [16].

Надо отметить, что при этом не учитывается целый ряд факторов российско-китайского социокультурного взаимодействия. Во-первых, это деятельность сотрудников Российской Духовной Миссии в Пекине по распространению в России знаний о Китае, что позволяет говорить о становлении научного китаеведения в нашей стране уже в XVIII в. (начиная с работ Иллариона Россохина). Во-вторых, караванная и приграничная (кяхтинская) торговля, которая создала условия для распространения китайских товаров и изделий и роста их популярности и привлекательности не только у придворной знати, но и в массовой среде. В-третьих, более критичный подход, сложившийся в России в отношении тогдашних китайских реалий, что проявлялось даже в переписке Екатерины II с Вольтером, который вошел в историю не только как выдающийся французский просветитель, но и как большой синофил. Располагая сведениями, полученными непосредственно из Пекина, российская императрица активно полемизировала с французским философом, ставя под сомнение многие из его суждений, проистекавшие из очевидной идеализации тогдашнего Китая [9. С. 102]. И, наконец, в-четвертых, возникновение в приграничной полосе особого геокультурного пространства, в рамках которого происходил активный процесс социокультурного взаимодействия.

Однако самым главным следует признать то, что те иностранцы, которые были вовлечены в процесс социокультурного взаимодействия России и Китая в XVII–XVIII вв., действовали уже в рамках геокультурного поля России, играя роль не только интерпретаторов российской культуры, но и становясь ее непосредственными трансляторами в геокультурное пространство Китая, чем активно способствовали процессу формирования нового коммуникационного кода социокультурного взаимодействия двух империй. Безусловно, петровские реформы формировали совершенно новую социокультурную среду и вовлекали Россию (точнее, ее определенную часть) в европейское геокультурное пространство, что позволяло иностранцам, начиная с петровского, а отчасти и с допетровского времени, занимать достойное место трансляторов элементов западной культуры в рамках принципиально нового геокультурного пространства.

Благодаря российским посольствам (в том числе и с участием носителей западной культуры) в столицу Цинской империи, российско-китайской сухопутной торговле и деятельности Российской Духовной Миссии в Пекине происходил процесс оформления принципиально новой геокультурной пространственной системы, которая была гораздо более масштабной и цельной, чем та, что возникала посредством контактов между Китаем и Западом, благодаря кантонской торговле и деятельности иезуитов в Китае.

Литература

1. Leibniz, Gottfried Wilhelm. Das Neueste von China: (1697). Köln, 1979.
2. Wilkinson E. Misunderstanding: Europe versus Japan. Tokyo, 1982. 307 p.
3. Аверинцев С.С. Византия и Русь: два типа духовности // Новый мир. 1988. № 7. С. 210–220; № 9. С. 227–239.
4. Аниховский С.Э., Болотин Д.П., Забияко А.П., Пан Т.А. «Маньчжурский клин»: история, народы, религии. Благовещенск, 2005. 263 с.
5. [Белл Д.] Белевы путешествия чрез Россию в разные азиатския земли, а именно в Испагань, в Пекин, в Дербент и Константинополь. Перевел с французского Михайло Попов. Ч. 1–3. СПб., 1776. 250+244+246 с.
6. Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М., 1990. С. 43–271.
7. Богданов А.П. Русь и Вселенная в период формирования имперской концепции (последняя четверть XVII в.) // Россия и внешний мир: диалог культур. М., 1997. С. 185–206.
8. Бродель Ф. Грамматика цивилизаций. М., 2008. 552 с.
9. Вольтер и Екатерина II. СПб., 1882. 242 с.
10. Воскресенский А.Д. Китай и Россия в Евразии: Историческая динамика политических взаимодействий. М., 2004. 600 с.
11. Воскресенский А.Д. Россия и Китай: теория и история межгосударственных отношений. М., 1999. 405 с.
12. Даль В.И. Толковый словарь живого великоросского языка. [Электронный ресурс:] www.kansallisbiographia.fi/pdf/kb_ru.pdf (дата обращения: 18.09.2009).
13. Демин А.С. Путешествие души по загробному миру (В древнерусской литературе) // Российский литературоведческий журнал. 1994. № 5–6. С. 355–376.
14. Ерофеева И.В. Русская имперская идея в истории // Россия и Восток: Проблемы взаимодействия. М., 1993.
15. Замятин Д.Н. Стратегии интерпретации историко-географических образов России // Мир России. 2002. № 2. С.105–138.
16. Иларионова Т.С. Немцы на дипломатической службе России и их вклад в освоение Дальнего Востока в XVIII — начале XX веков. [Электронный ресурс:] <http://www.avh.phys.msu.ru/rus/membership/personal/ilarionova/publications/Germas-Ferst-West.pdf> (дата обращения: 12.09.2009).
17. Иларионова Т.С. Русские и немецкие источники о немцах-дипломатах царя в освоении Дальнего Востока в XVII — начале XVIII веков. [Электронный ресурс:] <http://www.rags.ru/files/docil.doc> (дата обращения: 12.09.2009).
18. Корсак А. Историко-статистическое обозрение торговых сношений России с Китаем. Казань, 1857. 445 с.
19. Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В. Китайский этнос на пороге средних веков. М., 1979. 327 с.
20. Кузык Б.Н., Титаренко М.Л. Китай — Россия 2050: Стратегия соразвития. М., 2006. 656 с.
21. Кузык Б.Н., Шаумян Т.Л. Индия — Россия: Стратегия партнерства в XXI веке. М., 2009. 1224 с.
22. Лихачев Д.С. Литература эпохи «Слова о полку Игореве» // Памятники литературы Древней Руси: XII век. М., 1980. С. 5–22.
23. Мясников В.С. Империя Цин и Русское государство в XVII веке. М., 1980. 312 с.
24. Мясников В.С. Квадратура китайского круга: избранные статьи. Кн. 1. М., 2006. 550 с.
25. Очирова Т.Н. Присоединение Сибири как евразийский социокультурный вектор внешней политики Московского государства // Цивилизации и культуры. Вып. 1. Россия и Восток: цивилизационные отношения. М., 1994. С. 131–153.
26. Пан Т.А., Шталов О.В. Архивные материалы по истории западноевропейского и русского китаеведения. СПб.; Воронеж, 2004. 140 с.

27. Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века. М., 1998. 335 с.
28. *Самойлов Н.А.* Изучение истории социокультурного взаимодействия России и Китая: традиционные подходы и новые парадигмы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. Филология, востоковедение, журналистика. 2006. Вып. 4. С. 114–121.
29. *Самойлов Н.А.* К вопросу о теоретических основах изучения социокультурного взаимодействия // Востоковедение и африканистика в университетах Санкт-Петербурга, России и Европы. Актуальные проблемы и перспективы. Международная научная конференция. Санкт-Петербург, 4–6 апреля 2006 г.: Доклады и материалы. СПб., 2007. С. 116–128.
30. *Самойлов Н.А.* Роль цинских дипломатов в политическом и культурном взаимодействии Китая с Европой и Россией (2-я половина XIX века) // Вестник Новосибирского государственного университета. 2008. Т. 7. Вып. 4: Востоковедение. С. 32–37.
31. *Самойлов Н.А.* Российские планы организации управления городом Дальний на рубеже XIX и XX вв. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История. 2008. Вып. 4. Ч. 1. С. 144–150.
32. *Самойлов Н.А.* Социокультурное взаимодействие России и Китая: историография вопроса // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. Филология, востоковедение, журналистика. 2008. Вып. 4. Ч. 1. С. 135–142.
33. *Самойлов Н.А.* Периодизация истории социокультурного взаимодействия России и Китая до 1917 г.: методологические подходы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. Филология, востоковедение, журналистика. 2009. Вып. 1. Ч. 2. С. 209–214.
34. *Селиверстова Н.А.* Концепция социокультурного взаимодействия посредством книги. [Электронный ресурс:] <http://www.mosgu.ru/nauchnaya/publications/professor.ru/Seliverstova> (дата обращения: 12.09.2009).
35. *Скрынников Р.Г.* Святители и власти. Л., 1990. 349 с.
36. *Сладковский М.И.* История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.). М., 1974. 439 с.
37. *Трусевич Х.* Посольские и торговые сношения России с Китаем (до XIX века). М., 1882. 304 с.
38. Физическая энциклопедия. Т. 5. М., 1998. 760 с.
39. Хожение за три моря Афанасия Никитина. Л., 1986. 213 с.
40. *Шафрановская Т.К.* Поездка лекаря Франца Елачича в 1753–1756 гг. в Пекин для пополнения коллекций Кунсткамеры // Из истории науки и техники в странах Востока. Вып. 2. М., 1961. С. 126–131.
41. Япония в сравнительных социокультурных исследованиях. М., 1989.
42. *Синь Цзяньфэй.* Шицзе дэ Чжунго гуань — цзинь эр цянью нянь лай шицзе дуй Чжунго жэньши ши ган = Образ Китая в мире — исторический очерк 2000-летнего знакомства мира с Китаем. Шанхай, 1991.
43. Цзиньдай лай Хуа вайгожэнь мин цыдянь = Словарь имен иностранцев, посещавших Китай в Новое время. Пекин, 1984. 642 с.
44. *Янь Годун.* Это ханьсюэ ши ци юй 1917 нянь = История российского китаеведения до 1917 г. Пекин, 2006.

ИСТОРИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК 94

А.К. Алексеев

**РОССИЯ НА «КРЫШЕ МИРА»:
ПАМИРСКИЙ ОТРЯД В ПОЛИТИЧЕСКОЙ
И КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ БАДАХШАНА.
К 115-ЛЕТИЮ ПОХОДА ГЕНЕРАЛА М.Е. ИОНОВА
В ЗАПАДНЫЙ ПАМИР (1894 г.)**

Российско-британское соперничество за доминирование в Центральной Азии с легкой руки одного из непосредственных участников этого процесса капитана Артура Конолли (Arthur Conolly, 1807–1842) вошло в историю под названием «*Большая Игра*» (The Great Game). *Большая игра* оказала влияние на политическое, социально-экономическое и культурное развитие многих народов региона, но в первую очередь затронула те из них, которые оказались в зоне непосредственного противостояния двух самых крупных империй XIX в. Значение этого многолетнего процесса сложно переоценить, равно как и место в истории его участников: ученых-исследователей и простых солдат и офицеров, внесших вклад не только в военно-политический аспект этой проблемы, но и создавших базу для межкультурного и межцивилизационного обмена. Их усилия по настоящее время воздействуют на геополитическую и культурную картину в регионе.

Историография и источниковедение вопроса. В последнее время, в силу политической обстановки, складывающейся в Центральной Азии, вопросы истории этого противостояния и его значения вновь обрели большую актуальность в контексте переосмысления исторического опыта и возможности его использования для разрешения нынешних внутренних и внешних региональных противоречий. К изучению этого вопроса обращались как отечественные, так и зарубежные ученые, благодаря чему существует довольно обширный ряд исследований, посвященных рассматриваемой проблематике. В некотором смысле, изучение Памирского отряда благодатный для историка сюжет вследствие большого числа доступных архивных материалов, которые каждый год вводятся в научный оборот. Как нам представляется, необходимо кратко остановиться на наиболее значимых источниках и исследованиях.

Значительный пласт источников составляют данные фондов РГВИА, в которых представлена как военная документация (приказы, распоряжения, донесения, отчеты, сводки), так и труды офицеров Памирского отряда [33 и др.]. Данные материалы стали появляться с самого начала существования отряда. Огромный интерес представляют также и сведения архива востоковедов Института Восточных рукописей РАН (АВ ИВР РАН). К их числу принадлежит фонд начальника отряда в 1902–1903 гг., известного военного востоковеда А.Е. Снесарева (1865–1937), хранящийся ныне в архиве востоковедов ИВР РАН [18]. Помимо сведений самого Снесарева, данный архив содержит ряд работ начальника Лангарского и Ишкошимского постов штабс-капитана О.Б. Тумановича [28. С. 204–206].

Важные сведения содержатся в документах Государственного архива Горно-Бадахшанской автономной области (ГА ГБАО), а также документы, изданные в различных сборниках и приложениях к исследованиям [8]. Весьма обширен круг работ российских исследователей, как дореволюционного, так и советского периода, а также современных историков [2. С. 248–250; 3. С. 277–279; 4. С. 117–118; 5; 7; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 15; 16; 17. С. 209–252; 19. С. 125–154; 20. С. 84–103; 21. С. 165–355; 22. С. 27–71; 23. С. 5–12; 24. С. 35–53; 26; 27; 28; 29; 30. С. 80–104; 31. С. 172–206; 32. С. 36–66; 34; 37; 38. Ч. 1. С. 338–342, Ч. 2. 11–12; Ч. 3. 25–30; 39; 40; 41; 42; 43; 44; 45; 46. С. 197–208].

Из зарубежных работ следует отметить получившие широкую известность монографию П. Хопкирка (P. Hopkirk), работу М.Е. Ахрари (M.E. Ahrari) и др. [47; 48].

Присоединение Центральной Азии к России. Пограничные линии. Решительное наступление на центрально-азиатские ханства Россия начала с 1864 г. Еще раньше российские власти приступили к формированию пограничных систем (линий), на которые возлагались не только сугубо оборонительные, но и разведывательные, а также административные задачи. Система устройства границы в виде линейных укреплений (крепостей, фортов, редутов, постов и т. д.) имеет в российской истории давнюю традицию. Она проходит стержнем через всю систему политических и военных отношений «оседлой» Русской равнины и «кочевой» Великой Степи, причем, по мере усиления «оседлых» государственных образований (формирования Московского государства, Российской империи), пограничные линии все далее продвигались в степные районы, выступая в роли оплотов государственной власти и вынуждая кочевников либо подчиняться, либо отступать дальше. Однако со временем отходить стало уже некуда, и Российская империя прочно утвердила свою власть над приграничными степными районами. Первыми, кто столкнулся с линиями в новой истории, оказались кочевые народы Поволжья, Южного Урала и Западной Сибири (татары, башкиры, ногайцы, калмыки и казахи). Положительный для империи опыт в отношении кочевых народов решено было применить и не только для оседлого земледельческого населения центрально-азиатского региона, но и горцев, т. к. на Кавказе подобный опыт также был скорее положительным, чем негативным, и привел к покорению этого края. Постепенное продвижение при помощи редутов и постов позволило создать мощный плацдарм для окончательного удара по Бухарскому эмирату и Кокандскому ханству. Всего российскими властями было возведено 4 линии (Оренбургская, Уральская, Ишимская, Иртышская), которые состояли из 46 крепостей и 96 редутов [25. С. 301–302]. Всестороннее превосходство русской регулярной армии над воинскими формированиями этих государственных образований сказалось сразу после первых подготовленных кампаний: в 1864 г. были взяты Туркестан, Аулие-Ата. Прилегающие к ним районы были включены в состав Оренбургского генерал-губернаторства.

Весной 1865 г. генерал М.Г. Черняев (1828–1898) штурмом взял Ташкент. В 1866 г. русскими войсками были заняты Ходжент, Ура-Тюбе, Джизак. В 1868 г. Кокандское ханство признало свою зависимость от Российской империи. Покончив с самым мощным государственным образованием в Центральной Азии, царская Россия приступила к захвату земель Бухарского *амирата*. После поражения бухарских войск на Зерабулакских высотах между Россией и Бухарой был заключен мирный договор: Бухара признала свою вассальную зависимость от Российской империи, а вся территория, захваченная русскими войсками (Ходжент, Ура-Тюбе, Панджикент, Самарканд, Ургут, Катта-Курган) отходили России. В 1870 г. русскую власть признали беки: Фальгар, Ягноб, Матча, Фан, Кштут и др. [33. С. 3–4].

Восстание 1875 г. в Коканде позволило русским войскам взять это, уже подчиненное России, ханство под жесткий контроль и ликвидировать его, упразднив там ханскую власть [46. С. 123–124]. Военное поражение Бухары и стремительное продвижение русских войск открыло России дорогу к рубежам Памира. Перед Российской империей встала задача по оформлению, охране и удержанию новых территорий.

Положение на Памире накануне его вхождения в состав России. Еще в 1876 г., после покорения Кокандского ханства, отряд ген. М.Д. Скобелева (1843–1882) вышел на Памир и Припамирье, которые до гиндукушского хребта формально являлись территорией, подчиненной Коканду. В соответствии с русско-британскими соглашениями 1873 г. Памир признавался российской территорией, и отряд М.Д. Скобелева покинул Припамирье, не сочтя необходимым еще раз раздражать британские власти и афганцев [10; подробнее о соглашении 1872–1873 гг. см.: 20. С. 84–103; 46. Р. 229–230].

Однако Великобритания отнеслась к появлению русских войск со всей серьезностью. Собственно, британские власти всегда пристально следили за тем, что происходит рядом с их владениями, т. к. попытка продвижения в центр Азии с целью выйти в Индию для российской политики была далеко не первой. Широко известен факт организации похода в Индию Павлом I (1796–1801), который отправил в поход атамана М.И. Платова (1753–1818) с донскими казаками. Только гибель императора в ходе дворцового заговора остановила это предприятие [11]. Еще ранее Петр I (1689–1725) планировал завоевание Бухарского *амирата* и Хивинского ханства с целью найти «золотые россыпи» и восстановить путь в Индию [25. С. 295].

Великобритания, уже потерпевшая два военных поражения в Афганистане, но добившаяся от афганского *амира* права контролировать его внешнюю политику и вытеснившая русских из этой страны, избегала прямого военного столкновения с русскими войсками, но всячески подталкивала тогдашнего правителя 'Абд ар-Рахман-хана к завоеванию Памира (Бадахшана). Осенью 1883 г. отряды 'Абд ар-Рахмана-хана захватили области Западного Памира: Шугнан, Рушан, Вахан [26. С. 8–9]¹. Для памирцев наступила эпоха, которая в их народной памяти живет до настоящего времени — страшные годы «афганского сапога». Поскольку официальным толком *амирата* был *ханафитский мазхаб*, бадахшанцы-*исма'илиты* мусульманами не считались, и в их отношении можно было предпринимать любые действия, вплоть до убийства [1. С. 41]². Любой афганец имел право делать с памирцами все, что ему угодно: в знак того, что дом или селение объявлялось его вотчиной, он ставил свои сапоги (*кафи*) перед входом в селение или дом. Этот знак запрещал мужчинам-памирцам появляться в кишлаке до тех пор, пока владелец обуви не покидал пределы селения. Положение бадахшанцев стало крайне тяжелым, их правящие круги начали искать пути к освобождению.

Не менее тяжелым было положение в восточных областях Памира, которые с 1884 г. были заняты войсками китайской династии Цин (1644–1911). Китайские пикеты доходили до центральных областей Памира [10]. В этих условиях англичане были близки к своей цели: руками афганцев и китайцев закрыть России дорогу в Бадахшан и Индию [11]. На Памире все чаще стали появляться британские разведчики и эмиссары, которые вели активную работу по сбору информации о крае, движении русских войск. Кроме того, в 1890 г. британские власти начали строительство дороги Шринагар—Гильгит, которая могла служить для переброски британских войск к Памиру с южного направления.

Экспедиции М.Е. Ионова и вхождение Памира в состав Российской империи.

Дабы не допустить вытеснения России из Восточного Туркестана и обозначить свое присутствие, туркестанский ген.-губернатор барон А.Б. Вревский (1834–1910) приказал командиру 2-го линейного туркестанского батальона подполковнику М.Е. Ионову (1846–1919?) произвести рекогносцировку Памира (или Памиров, как тогда именовался этот край в русских официальных документах). Отряд Ионова состоял из 122 охотников нескольких туркестанских линейных батальонов (2-го, 7-го, 15-го, 16-го и 18-го) и 6-го Оренбургского казачьего полка. 10 июля 1891 г. полковник Ионов достиг Памира. Пограничную линию и свой маршрут Ионов обозначал надписями на камнях: «полковник Ионов. 1891». Далее Ионов, без согласования со своим начальством, перешел через Гиндукуш и примерно на 100 км углубился во владения Британской Индии. Худшие опасения британских властей подтвердились: русское командование теперь не только в теории, но и на практике знало кратчайший маршрут к жемчужине Британской короны. Пройдя по британским владениям, Ионов вышел на Памир с юга, по мере следования выдвояря за российские пределы британских разведчиков и китайские пикеты [10].

К более активным действиям русские власти перешли в следующем году. После возвращения из Петербурга, полковнику Ионову было поручено сформировать пограничный отряд и, установив серию постов, окончательно закрепить за Россией Памир. Поход 1892 г. детально описан одним из его участников — подпоручиком Б.Л. Тагеевым (Рустам-беком) [38. С. 338–342; 39. С. 78–123; 40. С. 287 и далее]. Дорог не было, движение было крайне сложным, вследствие большого падежа вьючных животных была утрачена значительная часть боеприпасов и продовольствия. Однако, несмотря на все сложности, цели похода были достигнуты: около оз. Яшилькуль был разгромлен обосновавшийся там афганский пост. Отряд капитана А.Г. Скерского дошел до крайнего предела Памира — урочища Ак-таш, откуда выдворил обосновавшийся там китайский пикет. Таким образом, была установлена русская граница по Восточному Памиру. Она доходила до Сарыкольского хребта, т. е. до пределов бывших Кокандских владений. В 1893 г. под руководством капитана А.Г. Серебрянникова на месте впадения р. Акбатар в р. Мургаб было возведено стационарное пограничное укрепление — Шаджанский пост, ставший на время штабом Памирского отряда [39. С. 304–306]. С окончания строительства поста (01.10.1893 г.) можно вести отчет регулярной русской пограничной охране этого региона.

Несмотря на очевидные успехи в восточном Памире, западные области края еще страдали от периодических набегов из Афганистана. Необходимы были решительные действия, однако единой позиции по т. н. «Памирскому вопросу» не было даже на самом высоком уровне. Так, министр иностранных дел востоковед Н.К. Гирс (1820–1895), сторонник осторожной линии в отношениях с западными державами, выступал против

Фото 1. Портрет Азиз-хана минг-баши из архива семьи Азизхоновых. К. Синдиф.

движения в Западный Памир, опасаясь ухудшения отношений с европейскими странами. Однако жесткая позиция А.Б. Вревского сделала поход русских войск на запад края возможным. В 1893 г. штабс-капитан С.П. Ванновский с небольшим отрядом произвел разведку в Рушане и Бартанге, где вынудил отступить численно превосходящий отряд афганцев, а уже в следующем году был подготовлен поход основных сил. Продвижение осуществлялось тремя отрядами, во главе которых стояли ген.-майор М.Е. Ионов, подполковник Н.Н. Юденич и капитан А.Г. Скерский. 28 июля 1894 г. отряд Скерского, двигаясь по Шах-даре, столкнулся с отрядом афганцев. Сопротивление встретил и Юденич, отряд которого шел по Гунту. Все атаки афганцев обоими отрядами были отбиты, а когда противник получил известие о подходе основных сил, то поспешил отойти на свою сторону. Более на всем протяжении существования имперской границы афганцы не переходили через Пяндж. 23 августа 1894 г. отряды ИONOва, Юденича и Скерского соединились в к. Хорог, который впоследствии стал главным городом края и резиденцией пограничного начальника.

Прибытие Памирского отряда, которое для местного населения означало избавление от афганского владычества, было встречено с большой радостью. Надо сказать, что памирцы оказывали русским самую разнообразную помощь, причем как простолюдины, так и знать. Минг-баши (тысяцкий) Шах-дары Азиз-хан (фото 1) лично встретил отряд генерала М.Е. ИONOва и провел его в обход афганских постов. Он же помог отряду ИONOва с продовольствием и фуражом. Прибытие русских было столь ярким событием, что до настоящего времени народная память хранит некоторые сюжеты этого времени. Русский отряд крайне нуждался в продуктах питания, поскольку обоз был фактически утрачен за время похода, тогда Азиз-хан приказал на летовке (*аол*), поблизости от своей резиденции в селении Синдиф, собрать весь имевшийся в его распоряжении скот. Приказав двум своим нукерам растянуть веревку посередине стада, он предоставил русским офицерам выбирать, какую половину они заберут себе, а какую оставят хозяину. В резиденции (*тупхона*) Азиз-хана (фото 2–3) было объявлено и о переходе жителей Западного Памира в российское подданство. Встал вопрос об уточнении границы, для чего была сформирована совместная русско-британская комиссия. Дипломаты закончили свою работу 27 февраля 1895 г., когда был подписан договор о размежевании. Необходимо было произвести демаркацию на месте, что и сделала команда под руководством генерала Повало-Швейковского³ [19. С. 125–148].

Первоначально управление новым краем было возложено на начальника Памирского отряда, он, в свою очередь, подчинялся начальнику войск Ферганской области. В 1896 г. в рамках выполнения русско-британских соглашений Николай II (1894–1917) передал Памир под управление Бухарского *амирата*. Данный шаг негативно сказался на развитии края, вследствие чего, по многочисленным просьбам местного населения, а также в силу обострения международной обстановки, на Памире снова было введено прямое правление начальника Памирского отряда. Еще до этого важного шага, окончательно утвердившего присутствие России на Памире, начальники пограничного отряда и пограничных постов (Ишкашимского, Лангарского, Шаджанского и др.) иг-

Фото 2. Сохранившиеся стены резиденции-крепости *туп-хана* Азиз-хана минг-баши, построенной в сер. XIX в., в которой принимал генерала М.Е. Ионова в 1894 г. Разрушена органами ОГПУ в сер. 1920-х гг. Фото автора.

Фото 3. Вид из *туп-хана* Азиз-хана на к. Синдиф и верхнюю Шах-дару. Рошткалинский район. Фото автора.

рали важную роль в жизни местного населения. Начальник Памирского отряда капитан Э.К. Кивикэс перенес штаб отряда в г. Хорог, сделав его столицей края. Будучи человеком энергичным и весьма расположенным к местному населению, он предпринял ряд важных мероприятий по устройству ирригации, организации врачебной службы, закупки продовольствия и фуража у местного населения по повышенным ценам, разве-

дения новых сельскохозяйственных культур: именно с его легкой руки картофель занял свое место в рационе памирцев. Кивикэс связал в своем лице разные уголки обширной Российской империи: он был этническим шведом из юго-западной Финляндии, в Гельсинфорсе (Хельсинки) получил военное образование, потом служил в линейных частях Туркестанского округа. Местное население его боготворило за заступничество перед постоянными поборами чиновников бухарского наместника (*бек*). Проникшись сочувствием к судьбе местной девушки Гулбегим, Кивикэс и его супруга усыновили ее, дав ей имя Ольга, а когда в 1902 г. его на посту начальника отряда сменил капитан А.Е. Снесарев (1865–1937), он забрал дочь с собой в Финляндию, где она прожила долгую и счастливую жизнь [7. С. 94, 96, 98]. Ее потомки (они носят фамилию Лойкканен) по настоящее время живут в окрестностях Хельсинки. В семье сохранился обширный архив документов, посвященных Памирскому отряду.

С именем следующего начальника отряда — А.Е. Снесаревым — связана целая отрасль российской востоковедческой науки. А.Е. Снесарева считают отцом русской геополитической школы. С отличием закончив физико-математический факультет Московского университета, он пытается стать музыкантом, но в силу обстоятельств оставляет музыкальную карьеру и поступает в военное училище. В 1899 г. заканчивает Академию Генерального штаба — самое престижное высшее военное заведение царской России — и получает назначение в Туркестанский военный округ офицером по особым поручениям. Военную службу А.Е. Снесарев прекрасным образом сочетал с исследовательской работой. В 1899–1900 гг. ему удается провести несколько сложных экспедиций по неисследованным районам Гималаев, Тибета и Гиндукуша, пройти в Британскую Индию. Из под его пера вышла целая серия работ, посвященных Центральной Азии и, особенно, народам Памира [7. С. 98–106]. После октябрьской революции А.Е. Снесарев возглавил Северо-Кавказский окружной комиссариат по военным делам, принимал участие в формировании регулярных частей Красной Армии. В 1920-е гг. он возглавлял Академию РККА, а по увольнению в запас — Институт востоковедения.

А.Е. Снесарева на посту начальника отряда сменил подполковник И. Муханов, с именем которого связаны постройка мостов через р. Гунт в районе Хорога и активное освоение заброшенных и невозделанных земель, чему новый начальник всячески способствовал. Кроме того, он разрабатывал проекты подъездных путей, с тем, чтобы активизировать сообщение между различными долинами края, заменяя традиционные проходы и *авринги* на более или менее проходимые тропы.

После подполковника Муханова начальником отряда стал подполковник Г.А. Шпилько, чей фотоархив является ценным источником по истории Памира начала XX в. С его именем связана первая экспедиция к Сарезскому озеру, образовавшемуся в долине Бартанга в ходе сильного землетрясения 1911 г. Шпилько и его солдаты были первыми, кто обследовал озеро и провел геологическую и географическую разведку этой части Памира. Другим важным его начинанием была постройка и организация преподавания в школе для «туземных детей». В школе преподавались чтение и письмо на русском языке, география, история России, гигиена, анатомия и первая медицинская помощь. Школа существовала на частные пожертвования и суммы, которые Шпилько отпускал из «экстраординарных средств» отряда. Таким образом, отряд не только защищал местное население, но еще и способствовал его образованию, причем делал это из собственных средств [7. С. 100–120].

В 1914–1917 гг. начальником отряда был другой известный военный востоковед-фи-

олог И.Д. Ягелло (1865–1942), автор знаменитого русско-персидско-английского словаря [подробнее о нем см.: 3. С. 277–279]. Его командование пришлось на сложные годы Первой мировой войны (1914–1918) и революции. Снабжение отряда, ухудшавшееся с каждым годом, после неудач на фронте совсем прекратилось. Пограничникам и жителям Хорога пришлось перейти на самообеспечение. Встал вопрос о ремонте главного почтового пути, связывавшего отряд с Ферганой. Поскольку в русской армии, в особенности в тыловых частях, ощущалась острая нехватка боеприпасов и взрывчатых веществ, пограничниками были разведаны запасы серы и селитры, которые были необходимы для изготовления пороха кустарным образом. Чтобы обеспечить население продовольствием и какими-то материальными средствами, по распоряжению начальника отряда местным жителям стали выдаваться грены тутового шелкопряда [7. С. 119].

Обстановка на Памире в годы Гражданской войны была сложной. На жизни отряда сказывались все перипетии политической борьбы в стране. На отряд действовала пропаганда большевиков, которые, сразу осознав всю важность этой пограничной области, пытались поставить отряд под свой контроль. В одном из постановлений СНК Туркестана говорилось: «Советом народных комиссаров края (Туркестанского. — А.А.) 10 июня 1918 года признано было необходимым удержать за нами пограничный Памирский район ввиду особенного значения его как в политическом, так и в военном отношении» [Цит. по: 7. С. 127].

Большевикам и их союзникам противостояли части отряда, верные начальнику Лангарского поста полковнику Тимофееву. Одно время отряд возглавлял даже пленный чех социал-демократ доктор Вичич.

Обстановка была сложной и в силу событий, происходивших в сопредельном Афганистане. 19 февраля 1919 г. неизвестным лицом был убит *амир* Афганистана Хабибалах-хан. Убийство произошло в ситуации, когда шла Парижская мирная конференция, а страна требовала предоставить ей полную независимость. Брат убитого амира — Насраллах — пытался захватить власть. Его признавал законным наследником вице-король Индии лорд Чемсфорд (1916–1921). Однако сын убитого амира Аманналах-хан, контролировавший столицу, арсеналы и армию, категорически не согласился с таким решением. Он предпринял энергичные действия и захватил власть в стране. Добиваясь независимости, Аманналах-хан в мае 1919 г. начал вооруженное противостояние с английскими войсками, которое вошло в историю как восстание 1919 г. В результате восстания Афганистан в обмен на ряд уступок колониальным властям Индии получил полную независимость. 13 сентября 1920 г. РСФСР и Афганистан заключили Договор о дружбе [26. С. 55–73]. Этот договор связал Памирский отряд красных с РСФСР через советскую миссию в Кабуле. Кроме того, по негласному соглашению частям РККА для преследования отрядов басмачей и поимки их предводителей-*курбаши* дозволялось проникать на афганскую территорию. Это решение серьезно облегчило действия органов ВЧК-ОГПУ, которым впоследствии были подчинены пограничные части. В отношении разведки и борьбы с басмачами сотрудники этих ведомств использовали опыт, накопленный русскими офицерами, которые под видом торговцев, паломников, переодетых в традиционную для местных жителей одежду, проникали в Кашгар, Турфан, Яркенд, Урумчи и т. д. для сбора информации и устранения противников Советской власти [11].

В 1920–1930-е гг. функции отряда были восстановлены. Однако некогда единое подразделение было расформировано на несколько отрядов: Пянджский, Калай-Хумбский, Хорогский, Мургабский. В этот период пограничники продолжали традиции, заложен-

ные военными царской армии. Помимо охраны государственной границы, они активно участвовали в общественной жизни Памира, занимаясь вместе с местными жителями уборкой урожая, строительством Хорога и т. д. В годы Великой Отечественной войны более 400 пограничников были откомандированы на фронт.

Пристальное внимание к памирским погранотрядам стало проявляться в годы Афганской войны (1979–1989). На отряды были возложены функции не только охраны границы СССР, но и оказания гуманитарной помощи жителям Афганского Бадахшана. Пограничниками доставлялись продовольствие, медикаменты, керосин, бензин и другие товары первой необходимости. В ряде кишлаков были построены медпункты и школы.

Все же, состояние русского берега Пянджа и афганского сильно отличается. Русские военные и пограничники сделали невозможное — превратили некогда дикий и суровый край в уголок европейской цивилизации (разумеется, с определенными исключениями) в центре Азии, на «Крыше мира». В советское время Гоно-Бадахшанская автономная область занимала первое место во всей Средней Азии по числу людей, имеющих высшее образование, а начиналось все со школы, построенной Памирским отрядом в Хороге. Военные вертолетчики доставляли грузы в самые труднодоступные долины, где даже сейчас в XXI в. отсутствуют дороги (фото 4. Памирская дорога).

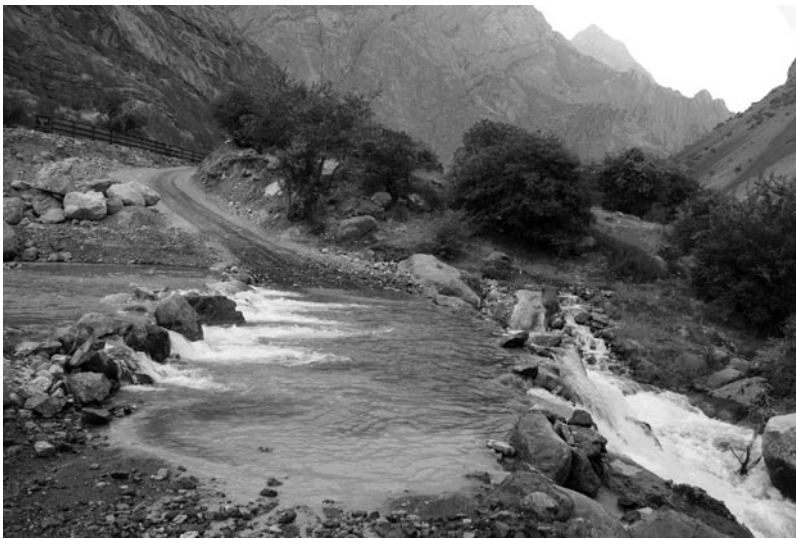

Фото 4. Участок приграничной дороги в Дарвазе. Фото автора.

Некоторые памятники помнят всю историю пребывания русских пограничников на Памире. Одним из таких монументов является крепость Вомар (Калаи Вомар). Она прожила четыре жизни: строилась для правителя Рушана (мир), как главный оборонительный пункт и резиденция, служила гарнизоном для частей Памирского отряда, при советской власти была заставой Хорогского погранотряда, ныне — застава ПВ Республики Таджикистан (фото 5–6).

Значение Памира как стратегического региона понималось всеми участниками непрекращающейся «Большой игры», на каком бы уровне она не проходила. Значение Памира прекрасно понимали и «кулябцы», которые пытались восстановить над памир-

Фото 5. Крепость Вомар (Вомар-кала). Рушанский р-н ГБАО.
Фото автора.

Фото 6. Наблюдательный пост заставы «Вомар» на северной башне крепости. На одном из деревянных элементов бруствера многочисленные надписи с именами пограничников и годами их службы. Фото автора.

цами свой «сюзеренитет» в годы Гражданской войны в Таджикистане (1992–1996), однако попытки прорыва как через Тавил-дару, так и по Кулябскому направлению были остановлены. Следы этих боев еще до прошлого года можно было видеть на горных склонах⁴. Фронт остановился, но началась блокада ГБАО, которая привела к голоду и

массовой гибели населения. В этой ситуации пограничники пришли на помощь местному населению, защищая его как от банд с сопредельной стороны, которые дедовским способом на плотках из накаченных воздухом мехов-шкур пытались переправляться через Пяндж, так и от резни, сопровождавшей братоубийственную войну. Спасали они Памир и от голода в годы блокады. О роли русских и наиболее благодатного для Бадахшана времени, пришедшегося на советскую эпоху, очень ярко высказался старейший житель кишлака Рин (Рынд) Гарибшо Холдоров (1912 г.р.), словами которого хотелось бы завершить этот раздел: «То, что мы (памирцы. — А.А.) живем, а не существуем, это заслуга русских и Советской власти, которая очень много сделала для нас. Она принесла нам европейскую цивилизацию и действительно была для нас наиболее демократичной формой правления» [1. С. 45].

Вместо заключения. Русские пограничники ушли из Бадахшана в соответствии с двусторонними соглашениями о постепенной передаче охраны государственной границы ПС Таджикистана (Кушунхой сархади Таджикистон) в 2003 г. С ними ушли те немногие русские люди, которые пережили на Памире разрушительную Гражданскую войну 1990-х гг. и блокаду⁵. Таджикские власти, к огромному сожалению, не смогли остановить отток русскоязычного населения, из-за чего всем сферам жизни страны (промышленности, образованию, здравоохранению и т. д.) был нанесен огромный ущерб. Особенно это чувствуется в Бадахшане, чье население с тоской провожало колонну пограничников. Один пожилой памирец, приютивший наш экспедиционный отряд на ночь в своем доме, благодарил нас за то, что русские еще приезжают на Памир, и с грустью сказал: «Жаль, что вы ушли. Нам без русских как-то плохо и непривычно. Эх, был бы снова Памир в составе России».

Сейчас русские на Памире — редкость. Куда чаще можно видеть многочисленные группы туристов (или маскирующихся под туристов сотрудников соответствующих ведомств) из Франции, Китая, Японии или США. Не только простые граждане этих стран, но и их правительственные структуры давно оценили значение Памира для своих геостратегических целей: возможность закрепиться в этом горном крае дает огромные перспективы для контроля над транспортными артериями, что очень важно в условиях нынешнего кризиса, создание пунктов слежения, сопровождения и логистики для сил ISAF и т. д. Это не всегда делается открыто, а маскируется под гуманитарную помощь или деятельность неправительственных организаций. Действительно, история имеет тенденцию повторяться: «Большая Игра» продолжается, изменились только некоторые из ее участников.

В то же время военные городки и заставы, некоторые из которых были построены еще в самом начале существования Памирского поста, а потом укреплены и модернизированы в советское время, заброшены. Афганцы после ухода русских пограничников время от времени переправляются на таджикский берег и грабят население. Таджикские пограничники не могут эффективно им противостоять. В этих условиях мины и естественные препятствия — единственная их надежда (фото 7. Осторожно мины). В этом отношении ситуация тоже вернулась к состоянию вековой давности.

Молодежь, которая не бывала в России, не владеет русским языком, так как его преподавание, в соответствии с новым законом Республики Таджикистан «О государственном языке», сокращено до 2 часов в неделю [14]. Таким, казалось бы, совсем печальным, выглядит конец великого прошлого русского присутствия. Однако есть одно важное «но»: памирцы, где бы автору этих строк не доводилось побывать, с огромной призна-

Фото 7. Минное поле на таджико-афганской границе. Надпись на плакате: «Будьте осторожны, мины!» Дарвазский район. Фото автора.

тельностью и искренним восхищением говорят о русском народе, который стал для них подлинным спасителем и учителем, восторгаются русской культурой, в их сердцах по-прежнему жива любовь к России. До тех пор, пока такое положение будет сохраняться, будет и Россия на «Крыше мира». Тем не менее, нельзя оставлять ситуацию в ее нынешнем положении, иначе, когда уйдет среднее и старшее поколение жителей Памира, а молодежь будет воспринимать Россию только как страну, где можно заработать деньги, Памир будет потерян, на этот раз — окончательно. Чтобы этого не произошло, необходимы действенные шаги российского внешнеполитического ведомства, формирование четкого и жесткого политического курса на обеспечение и защиту российских стратегических интересов. Начинать можно и с малого: открытие курсов русского языка, русских культурных центров, поддержка наших туроператоров, организация научных исследований. Россию на Памире ждут, но работать нужно уже сейчас, в противном случае, в считанные годы то, что создавалось русскими военными и исследователями, будет безвозвратно утрачено.

Примечания

¹ Тагеев (Рустам-бек) пишет, что эти территории были оккупированы после 1888 г.: «Китайцы и афганцы, однако, пользуясь отсутствием русской администрации на Памире, стали хозяйничать, подчиняя себе местное население (киргизов), делая разные насилия, и даже ставя укрепления и посты. В 1888 году, когда в Афганистане совершились события, известные под названием афганской смуты, когда брат афганского эмира Исхан-Хана — Абдурахман отложился, и сам Исхан-хан принужден был бежать в пределы России, самостоятельные же ханства: Шугнанское, Рошанское, Бадахшанское и Ваханское, были покорены афганцами, а правители

этих провинций были или истреблены, или бежали, — афганцы, прогнав китайцев, появились на русской территории (*Коргун В.Г. История Афганистана. XX век. М., 2004. С. 8–9*).

² Такое положение сохраняется до настоящего времени. Сунниты Таджикистана и, особенно, Афганистана убеждены, что исмаилиты — не-мусульмане, которые не соблюдают никаких установлений ислама и употребляют в пищу свиное мясо (*Полевой дневник центрально-азиатской этнографической экспедиции*). 2008. С. 41.

³ В словаре Брокгауза и Эфрона приведены основные положения этого договора: «Границей русских и афганских владений принята снова р. Памир. Пограничная черта, направляясь на восток от оз. Сары-куль и отрезывая к Афганистану верховья р. Ак-су, примыкает к русско-китайской границе у пер. Беик, в восточной оконечности Гиндукуша. Линия эта, а затем р. Памир и далее Пяндж, по договору разграничивают сферы влияния России и Англии, причем Вахан и часть Дарваза, лежащего на левом берегу Пянджа подчиняются Афганистану, а Шугнан и Рушан передаются России (Бухаре)». *Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. Т. XXII. СПб., 1897.*

⁴ В настоящее время таджикские власти, прежде всего, аппарат Президента, прекрасно понимают всю шаткость своего положения, восстановление мощи кланов, рост исламской оппозиции, которая периодически предпринимает вооруженные выступления (последнее из которых произошло в июле этого года), всячески пытаются пропагандировать идею национального единства. В каждом кишлаке можно увидеть постеры или просто надписи на стенах домов, прославляющие единство нации (например, *Вахдат-и миллат муроми мост, Вахдат пояи-миллат, Бадахшон ошинаи вахдат* и т. д.). В этой связи, правительство старается скрыть следы Гражданской войны и уничтожает подбитую технику.

⁵ Пик миграции пришелся на 1992 г. — разгар Гражданской войны и антирусской кампании. В итоге, русское население республики сократилось до 70–75 тыс. чел. (ок. 1%).

Литература

1. *Алексеев А.К. Полевой дневник центрально-азиатской этнографической экспедиции. 2008. № 1–2. 2009. № 1.*
2. *Андреев А. Из воспоминаний туркестанского солдата // Вокруг света. 1904. № 15. С. 248–250.*
3. *Басханов М.К. Русские военные востоковеды. Библиографический словарь. М., 2005. 295 с.*
4. *Бокиев О.Б. Вопросы присоединения территории Таджикистана к России в русской дореволюционной исторической литературе // ТГУ им. В.И. Ленина. Программа и тезисы докладов. Душанбе, 1970. С. 117–118.*
5. *Бокиев О.Б. Завоевание и присоединение Северного Таджикистана, Памира и Горного Бадахшана к России. Душанбе, 1994. С. 157–266.*
6. *Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. Т. XXII. СПб., 1897. С. 396.*
7. *Гаврилюк А., Ярошенко В. Памир / Под общ. ред. чл.-корр. АН СССР М.С. Асимова; послесловие д.и.н. Р.М. Масова. М., 1987. 480 с.*
8. ГА ГБАО. Ф. 1, 25.
9. *Гедин С.В. В сердце Азии. СПб., 1899. Т. 1. Вып. 1. 132 с.*
10. *Германов В.А., Тутова А.В. Российский форпост на «Крыше мира». Геополитический феномен Памирского поста в обеспечении имперских интересов и безопасности в Туркестане и сопредельных странах (втор. пол. XIX — нач. XX вв.) // <http://www.predistoria.org/index.php?name=News&file=article&sid=596>.*
11. *Григорьев С.Е., Собянин А.Д. Большая игра продолжается. Место и роль Памира в геополитической схватке России и США // <http://www.centrasia.ru/news>*
12. *Громбчевский Б.Л. Современное политическое положение Памирских ханств и пограничной линии с Кашмиром. Военно-политический очерк. Нов. Маргелан, 1891. 58 с.*

13. *Громбчевский Б.Л.* Наши интересы на Памире. Военно-политический очерк. СПб., 1891. 29 с.
14. *Гордеев И.* Таджикистан отказывается от русского языка // *Время новостей*. 2009. 24 июля.
15. *Зайферт А., Наумкин В. и др.* Годы, которые изменили Центральную Азию. М., 2009. 332 с.
16. *Иванов Д.Л.* Шугнан. Афганские очерки // *Вестник Европы*. СПб., 1885. Т. 3. № 6. С. 612–658; Т. 4. № 7. С. 48–97.
17. *Иванов Д.Л.* Путешествие на Памир, читано в общем собр. ИРГО — 11 апреля 1884. С. 209–252.
18. Архив ИВР РАН. Ф. 115. Оп. I.
19. *Искандаров Б.И.* Англо-русское соглашение 1895 г. о Памире // *Труды ТГУ им. В.И. Ленина*. Серия историч. наук. Сталинабад, 1960. Т. 27. С. 125–154.
20. *Искандаров Б.И.* Англо-русское разграничение 1872–1873 г.г. // *Учен. зап. Душанбин. госпед. ин-та им. Т. Г. Шевченко / Сер. обществ. наук*. Сталинабад, 1961. Т. 26. Вып. 4. С. 84–103.
21. *Искандаров Б.И.* Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в. Душанбе, 1962. Ч. 1. С. 165–355.
22. *Искандаров Б.И.* Из истории дореволюционного Таджикистана. Душанбе, 1974. С. 27–71.
23. *Искандаров Б.И.* Из истории присоединения Памира к России // *Крыша Мира*. Душанбе, 1965. С. 5–12.
24. *Искандаров Б.И.* Присоединения Памира к России и его прогрессивное значение // *Очерки по истории Советского Бадахшана*. Душанбе, 1981. С. 35–53.
25. *Кляшторный С.Г., Султанов Т.И.* Государства и народы евразийских степей. Древность и средневековье. СПб., 2004. 368 с.
26. *Коргун В.Г.* История Афганистана. XX век. М., 2004. 527 с.
27. *Костенко Л.Ф.* Туркестанский край. Опыт военно-статистического обозрения. СПб., 1880. Т. 1.
28. *Лу жецкая Н.Л.* Материалы штабс-капитана Тумановича в Архиве востоковедов ИВР РАН // *Рахмат-наме*. Сб. статей к 70-летию Р.Р. Рахимова / Отв. ред М.Е. Резван. СПб., 2008. С. 203–212.
29. *Масов Р.М.* Таджики: история национальной трагедии. Душанбе, 2008. 535 с.
30. *Набиев А.* Присоединение Памира к России и его социально-политическое положение до победы Великой Октябрьской Социалистической революции (1895–1917 гг.) // *Учен. зап. Тадж. с/х ин-та*. Серия обществ. наук. Душанбе, 1964. Т. 9. Вып. 2. С. 80–104.
31. *Назаршоев М.Н.* Социальное экономическое положение дореволюционного Памира. Душанбе, 1975. С. 172–206.
32. *Назаршоев М.Н.* Добровольное вхождение Памира в состав России и его прогрессивное значение // *Очерки по истории Советского Бадахшана*. Душанбе, 1985. С. 36–66.
33. *Перепелицына Л.А.* Роль русской культуры в развитии культур народов Средней Азии. М., 1966. 124 с.
34. *Постников А.В.* Схватка на «Крыше мира». Политики, разведчики и географы в борьбе за Памир в XIX веке. (Монография в документах). М., 2001. 412 с.
35. *Путята Д.В.* Очерк экспедиции в Памир, Сарыкол, Вахан и Шугнан, 1883 г. // *СГТСМА*. СПб., 1884. Вып. 10. С. 1–88.
36. РГВИА. Ф. 400, 483, 846, 1396, 1438, 2000. ВУА. С. № 588.
37. *Савельев А.А.* Русские на Памире // <http://www.netda.ru/sborniki>
38. *Тагеев Б.Л. (Рустам-бек)* Через Алай и Памир. Очерк // *Всемирная иллюстрация*. 1895. № 1370. С. 338–342; № 1379. С. 11–12; № 1380. С. 25–30.
39. *Тагеев Б.Л.* Русские над Индией. Очерки и рассказы их боевой жизни на Памире. СПб., 1900. 254 с.
40. *Тагеев Б.Л.* Памирские походы 1892–1895 гг. Десятилетие присоединения Памира к России. Варшава, 1902. 151 с.

41. *Халфин Н.А.* Присоединение Средней Азии к России (60–90-е годы XIX в.). М., 1965. 523 с.
42. *Халфин Н.А.* Россия и Бухарский эмират на Западном Памире. М., 1975. 126 с.
43. *Харюков Л.Н.* Англо-русское соперничество в Центральной Азии и исмаилизм. М., 1995. 236 с.
44. *Широкопад А.Б.* Россия — Англия. Неизвестная война. 1857–1907. М., 2003. 512 с.
45. *Уманец С.* Памирский вопрос и его значение // Исторический вестник. 1892. № 1.
46. *Южаков С.Н.* Афганистан и сопредельные страны. Политико-исторический очерк. СПб., 1885. 106 с.
47. *Ahrari M.E., Bell J.* The New Great Game in Muslim Central Asia. Honolulu University Press, 2000. 92 p.
48. *Hopkirk P.* The Great Game. New York, 1994. 328 p.

УДК 910.4

Т.М. Сипенкова

**«КАК МОЖНО МЕНЬШЕ БЫТЬ ТУРИСТОМ...»
О КНИГЕ В.Л. КИГНА «ПРИКЛЮЧЕНИЯ И ВПЕЧАТЛЕНИЯ
В ИТАЛИИ И ЕГИПТЕ. ЗАМЕТКИ О ТУРЦИИ» (СПб., 1888)**

Имя писателя, о книге которого пойдет речь, когда-то было хорошо известно читающей публике России. О нем тепло отзывались М. Горький и А.П. Чехов, его имя вошло во все справочные издания. Однако бурная эпоха лихолетья втянула его в свой водоворот, и в 1908 г. при трагических обстоятельствах он был убит. Суворинское «Новое время» устами своего сотрудника, известного журналиста М.О. Меншикова, предсказало Владимиру Людвиговичу Кигну забвение, и это печальное предсказание сбылось.

Родился В.Л. Кигн в 1856 г. в немецко-польской семье, православный. Окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета. В 1876 г. дебютировал в «Неделе», а потом печатался в различных русских журналах. В 1888 г. в типографии Н.А. Лебедева в Петербурге была отпечатана его книга под названием «Приключения и впечатления в Италии и Египте. Заметки о Турции». Еще в 60-е годы XX в. ее можно было найти на полках букинистических магазинов, а Б.М. Данциг включил ее в свой известный свод сведений о русских путешественниках на Ближнем Востоке [1]. В.Л. Кигн писал под псевдонимом «Дедлов».

В предисловии автор сообщает, что в путешествии участвовали четыре человека; письма об этом под названием «Из далека» печатались в «Неделе», а одно из них вышло в «Наблюдателе». Книга посвящена товарищам автора по путешествию — Адриану Викторовичу Прахову, Александру Васильевичу Кривошеину и графу Глебу Дмитриевичу Толстому.

Записки начинаются 6.XI.1886 г. и заканчиваются 13.V.1887. Дедлов поставил перед собой задачу «как можно меньше быть туристом», передать общие впечатления, писать правду, и поинтересней [2. С. 1–2].

Блестящее описание Италии завершается смелым замечанием: «Довольно Италии. Уезжая из этой страны, уносишь с собой тяжелое чувство. Точно выходишь из великолепной комнаты, в которой видел великолепный труп... Мертвецки приличная неподвижность и начинающийся запах тления неопровержимо говорят, что тут уже все кончено... В Африку» [2. С. 242].

Для путешественника, прибывающего в Египет через Италию, страна открывается с Александрии, которая более всего напоминала автору Одессу: «Александрия насквозь пропитана пылью и торговлей. Весь египетский ввоз и вывоз идет через нее, и жизнь города исчерпывается нагрузкой, разгрузкой, перевозкой, складом и торговой конторой. Купцы и ломовые извозчики — вот ее население. Барыш, поденный заработок — вот вся ее жизнь. Словом — Одесса» [2. С. 255].

Путешественники увидели последствия английской бомбардировки Александрии в 1882 г. и феллахов-каменщиков, восстанавливающих постройки под непривычное слуху автора «негармоничное пение». «Архитекторы и десятники, конечно, европейцы, похаживают с тросточками и покрикивают». Красномундирным английским солдатам «решительно нечего делать, потому что целый день можно видеть, как они, в белых перчатках и с тросточками в руках, зевая, бродят по городу пешком или верхом на ослах» [2. С. 256]. «Александрийская толпа тоже мало африканская или восточная. Преобладает европейский сброд, собравшийся со всех концов света клевать глупый, но жирный Египет» [2. С. 256].

Русский язык в те годы был на Ближнем Востоке достаточно распространен, проводники могли говорить на нем. Один такой проводник совершил мелкое мошенничество, сбежав с двумя пиастрами, взятыми на покупку газет. Дедлов с грустной иронией отметил этот эпизод, не изменивший его симпатии к египтянам. Из окна поезда он наблюдает, как «две колоссальные аглицкие скотины, лет девятнадцати, двадцати, полупьяные, забавляются тем, что швыряют из окна вагона хлебными корками в лицо сторожу, стоящему у сигнального колокольчика. Его черное лицо неподвижно. Аглицкие скотины приехали на тысячные места полицмейстеров, вице-губернаторов, председателей окружного суда» [2. С. 256–257].

Описания природы и толпы (казалось бы, что можно увидеть из окна едущего поезда?) очень колоритны, информативны и доброжелательны по отношению к египетскому народу. Экскурсы в область истории органично вплетены в канву повествования, подчиненные общей идее понимания и проникновения в жизнь и историю страны. Автор приводит текст переписки халифа Омара ибн ал-Хаттаба (634–644) и эмира Амра ибн ал-Аса (по нашему мнению, достоверность этого документа сомнительна. — Т.С.), обращая внимание на то, что ни одно из предписаний халифа Амру не исполнено, т. к. со временем на историческую арену вышли мамлюки: «Впоследствии они превратились в преторьянцев, а их беи (полковники) — в феодальную шляхту, в маленьких царьков, грабителей народа и противников образования единой и твердой власти» [2. С. 269].

История избиения мамлюков описана Дедловым красочно, в присущем ему ироническом тоне, как и история правления Мухаммеда Али и его наследников. Политику Мухаммеда Али («соорудил много каналов, зданий и плотин») автор характеризует как губительную для народа, отмечая, что «разорением страны и идиотизмом он [Мухаммед Али] обязан западным державам, в особенности, Англии»: «Когда в 1839 году Мохаммед нанес смертельный удар Турции, Европа накинута на него с флотами, армиями и довела до крайней степени политического унижения. Этого не выдержал честолюбивый, по-своему великий, до изнеможения утомленный бурной жизнью человек и стал дураком» [2. С. 270]. Далее следует описание династии: тут и сын Аббас («дурак природный, который выгнал из Египта европейцев, но тоже разорил страну на содержание своих зверинцев и любовниц» [2. С. 270]), затем Саид — «европейски образован, умен, но сантиментально влюблен в цивилизацию». При нем страну разорили европейские инженеры и подрядчики, которым он слишком доверял. Способствовала разорению и необходимость помогать Турции в севастопольской компании. В правление Саида была начата постройка Суэцкого канала [2. С. 271].

Исчерпывающе точна характеристика хедива Исмаила: «Это тип светского нигилиста. Образован по необходимости, изыскано вежлив по привычке, эпикуреец по природе, циник по опыту, он жил для себя: главным образом для собственного удоволь-

ствия и немножко для славы». Оценив опыт своих предшественников с двух точек зрения — разорения страны и беспокойства для правителей, Исмаил выбрал из двух зол меньшее — разорение страны. «Достаточно сказать, что он воспитывался в Париже, а в политике стремился подражать Наполеону III». Исмаилу принадлежала четверть всей обрабатываемой земли Египта. Одни его сахарные плантации давали 130 000 000 франков дохода в год. Празднества по случаю открытия Суэцкого канала, взятка турецкому правительству за титул хедива, войны, расширившие пределы Египта почти до экватора, строительство множества роскошных дворцов и огромнейшие хищения европейских прожектеров, техников и подрядчиков — все это совершенно разорило страну [2. С. 271]. В конце концов Исмаил был объявлен банкротом, лишен трона и отправлен на житье в Италию, где получил пенсию в полмиллиона рублей [2. С. 272].

«Ему наследовал официально его сын Тевфик, а фактически англичане», и хедив оказался, по словам Дедлова, «в положении наковальни, по которой бьют два кузнеца»: это Европа с ее консулами, ликвидационной комиссией египетских долгов и контролем финансового управления и армия. Кигн пишет и о выступлении армии, и о национальной (Отечественной) партии, и о резне европейцев, и об английской бомбардировке Александрии [2. С. 273].

Попутчик Дедлова, очевидец событий 1882 г., голландец, служивший на сахарном заводе, рассказал Дедлову подробности тех событий: «Феллахи — большие трусы. Но на этот раз они точно взбесились. Среди европейцев разразилась паника, и их порядочно перерезали. Кто не потерялся, кто держал в руках револьвер или ружье, того не тронули. Я сам видел, как трое европейцев остановили в одной из улиц целую толпу, заставили ее показать тыл и бежать. Европейцы гнались за ней по всей улице и убивали на выбор. Отворились окна некоторых домов, и оттуда арабов били крупной дробью, как диких уток» [2. С. 260]. В ответ на замечание Дедлова об излишней жестокости, собеседник ответил, что в обычное время феллах «не бывает очень порочен... он — мелкий вор и очень несмелый грубиян... Но если начинается брожение более серьезных дурных инстинктов, особенно в массе, тут следует обрушиться всей тяжестью угрожающих мер, тут необходимы выбитые зубы, порка до крови и живого мяса, тут его нужно бить так, чтобы он упал наземь. Иначе южная кровь загорится и, не обуздываемая рассудком, религией, чувством долга, породит такой пожар, в котором погибнет и общественный порядок, и сам разнузданный зверь. Только сильная физическая боль может заглушить безумные порывы омраченного разума. Народ пьянеет, и его нужно опьянить в противоположную сторону, иначе будет беда» [2. С. 260–261]. «Белая наковальня не выдержала своей самостоятельной, но невыносимой роли и отдалась англичанам на полную волю» [2. С. 273]. «Тем только того и надо было. Они сейчас же заняли военными кораблями Суэцкий канал, разбили Арабы, водворили Тевфика на трон и с тех пор вот уже пять лет держат Египет в руках посредством военных гарнизонов и чиновников, которыми переполнена египетская администрация» [2. С. 273].

Дедлов пишет и о восстании Махди в Судане, которое подавили англичане, вследствие чего Египет потерял почти весь Судан. «Англичанам эта потеря, конечно, трнтрава: им нужны канал и дельта, а не суданская чушь и дичь... Расходы по усмирению в конце концов падают на Египет, а не на Англию. Чудовищные жалованья английских чиновников в конце концов платит тоже Египет. Казалось, феллах, шесть тысяч лет подряд плативший невыносимые подати, шедшие то на пиры, то на мечети, то на походы Александра Македонского, то на пиры Клеопатры, достиг пределов бедности.

Англичане блестяще доказали противное и превзошли Клеопатру: со времени их оккупации феллахи стали еще бедней» [2. С. 274].

С 1800 г. в Египте «существует твердая власть», с 1854 — «заведена в нем блестящая Европа» [2. С. 274], с 1882 г. «англичане обещают сделать из Египта Англию, но уже самой судьбой назначено, что каждая английская колония превращается в Ирландию» [2. С. 274]. Когда газета «ал-Ахрам» осмелилась напечатать известие в три строчки о недовольстве жителей одной из провинций непосильными налогами, английская «The Egyptian Gazette» ответила циничным замечанием: «...уж так устроен свет, что никогда не находит налоги легкими» [2. С. 274-275].

Глубина исторического восприятия Дедлова поистине поразительна: «Настало мгновение, которое заставило дрогнуть сердце: поезд на всех парах поднялся на небольшую насыпь..., и мы очутились над Нилом, над древним Яро, на берегах которого вылупились первые крокодилы и вывелся первый исторический народ, родоначальник современной европейской культуры, завоевавшей весь мир» [2. С. 259]. Двенадцать страниц посвящены экскурсу в древнюю историю Египта в связи с посещением автором Булакского музея древностей. «Не пробегайте музей наскоро, остановитесь и вспомните, что перед вами собраны памятники первого культурного народа на земле. Перед вами первая искра сознательной мысли и творчества. Это первый народ, который создал искусство, науку, религию, государство. И потому что он первый, он единственный из народов, создавший все это своими силами, без помощи, без подражания, а естественно. Это великая тайна и великое чудо, рождение в мире духовного человека» [2. С. 301]. Изложив историю Древнего Египта, Дедлов пишет: «Такова беспримерно долгая история первого культурного народа, которую можно прочесть по памятникам Булакского музея. Сначала молодость, протекшая в исключительно благоприятных географических, климатических и почвенных условиях. Затем — мужество, не знавшее границ своим силам и пределов упоению мечтами. Потом неожиданная старость, полная немощей и страданий. Наконец, апатичная смерть. Египтяне живут еще и теперь, но египетского народа не существует» [2. С. 312].

Осматривая каирскую цитадель, Дедлов отмечает полное отсутствие там египетских солдат: «Англичане поставили исключительно своих и когда угодно могут превратить Каир, лежащий у ног цитадели, в груды развалин» [2. С. 291]. Пример Александрии убедительно доказывает это. В цитадели Каира англичане чувствуют себя совсем как дома. «Часовые, пристально осматривающие экипажи, въезжающие в ворота цитадели; кавалеристы, напевающие свои национальные мотивы, пехотинцы с ружейными приемами, артиллеристы, наводящие свои пушки то на дворцы, то на базары, то на казармы; офицерский клуб с выпивкой и газетой “Standard”. Семейные Марсы ролят детей. Няньки носят этих детей на прогулку по бастионам. Словом, все уже в порядке, как и на Гибралтаре, на Мальте, в Адене, на Кипре» [2. С. 292].

Оккупационная политика не могла не вызвать сопротивления со стороны народа, в том числе крестьян, обычно робких, несмелых. Дедлов описывает случай, имевший место в феврале 1887 г., когда два пьяных английских офицера охотились около пирамид «не столько на птиц и зверей, сколько на бутылки виски и коньяку». Они опасно ранили крестьянского ребенка. Дедлов прекрасно передает отношение англичан к простому народу: «Дерзкий мальчишка поднял вопль, его дерзкие родители тоже подняли вопль. Вопли подняли на ноги дерзкую деревню, которая осмелилась ругать и бросать грязью в офицеров Ее Величества. Офицеров Ее Величества такие поступки возмути-

ли, и они открыли пальбу по наглым подданным Его Высочества, из коих двое были ранены, а один убит». Когда у английских вояк кончились боеприпасы, крестьяне захватили их в плен и «оскорбили самыми возмутительными действиями». Англичане послали в деревню карательную экспедицию. Староста предложил выдать участников англичанам и передать дело в суд, но англичане обошлись без суда. Наказание состояло в том, что «одинадцати феллахам вlepили по сто плетей. Некоторые обмерли уже на половине порции, но им не давали ни отдыха, ни срока, пока не было отпущено положенного числа ударов». Весть об этой расправе облетела всю страну, достигла Каира, где «народ смотрел волком, собирался на перекрестках кучками, при встрече с европейцами ворчал *“ихрибета”* (чтоб провалился твой дом) и *хамзир* (свинья), иногда даже плевался, но, не смея плюнуть в лицо, отплевывал сзади сюртуки или сапоги. Отдано было даже распоряжение не отпускать английских солдат на ночь в кабаки и публичные дома азиатского квартала. Но пушки цитадели смотрели на Каир слишком недвусмысленно, чтобы дело пошло дальше плевков и мрачных взглядов. Прошло несколько дней, и кабаки снова наполнились англичанами в красных мундирах и шотландцами без панталон» [2. С. 319].

В Каире путешественников опекали русские дипломаты: консул Кояндер, чиновники Щеглов, Катков и Иванов.

Описание Каира отражает все социальные перемены, вызванные английской оккупацией. Город резко делится на Европу и Азию, отличные друг от друга, но «ночью азия и европа — вертеп разврата... Европа не отстает от Азии. Она завела множество кафе-шантанов... Расходятся только тогда, когда загорается янтарная египетская заря, та самая заря, которую так чтили древние египтяне. Заря разгорается в безмятежном величии, не замечая и не оскорбляясь освещаемым ею развратом» [2. С. 265–266].

Дух наживы пропитал собой всю жизнь Каира, и «нет в мире города, где мошенник пользовался бы более завидным положением, чем тут. Чем он крупнее, тем больше ему почета. Каирское “общество” кишит разжившимися своднями, шулерами, хозяевами гнусных притонов, наворовавшимися подрядчиками и отбросами европейских государств» [2. С. 266].

«Пресса образованного Египта томительна, как и его столица. Арабские газеты завлены двойной цензурой, правительства и всемогущих европейцев. Европейские издания: “The Egyptian Gazette”, “Le Phare d’Alexandrie” и “Le Bosphore egyptien” заняты или обличением гаремных дам, бьющих своих служанок, или взаимными перекорами. “Gazette” — орган англичан, “Phare”, “Bosphore” служат французам. И между ними идет бесконечная, грубая и бранчливая полемика. Если напьется пьян француз и переночует в участке, орган англичан печатает передовую статью в пять столбцов, уверяя, что все французы пьют с утра и до ночи, и ночуют не иначе как в участках. Французские газеты выходят из себя и выдвигают великую историческую тень Наполеона I, который не был пьяницей. Наполеону противопоставляется аглицкий унтер Вильям Вискинсон, произведший буйство в саду Эзбекии и в заключение откусивший нос туземному городовому, почтительнейше просившему его перестать петь английский национальный гимн и боксировать с гуляющими по саду няньками. Все англичане не только мужского и женского, но и среднего полов — таковы. Читать эти перекоры и скучно, и глупо, особенно, когда знаешь, что великие нации ссорятся вовсе не из-за того, кто меньше пьет, а из-за возможности грабить Египет, высасывая его кровь из суэцкой артерии» [2. С. 266–267].

Все эти тонкие наблюдения заключены в одном абзаце в тринадцать строк, заключа-

ющемся словами: «Все это говорит, что здешняя Европа фальшивая, а богатства неправедные» [2. С. 267].

В Суаке (Суакине) Дедлов наблюдал работы по расчистке древнего канала. Сотня рабочих в одних набедренных повязках работает так: один нагребает киркой землю в корзину, а другой относит ее в сторону. «Русский землекоп назвал бы этот способ работы баловством» [2. С. 328]. «Около работы похаживают бесчисленные надсмотрщики, в серых штанах, в пиджаках, с хлыстиками, в фесках, разнообразнейших европейских происхождений, начиная чухонцами и кончая египетскими греками. Все они совершенно не нужны, т. к. рабочим задаются уроки и плата задельная, но все они отлично оплачиваются. Египетская казна — дойная корова для европейского сброда» [2. С. 328]. Ежегодно заносимый песком канал можно поддерживать в хорошем состоянии иначе, можно предупредить заносы, но «это значило бы зарезать корову, которая дает такое жирное молоко после спада полой воды с февраля по июль». Власть в руках у инженеров и подрядчиков, овладевших финансами, крепостями и самим хедивом Египта. Печать туземцев пикнуть не смеет, а газеты на европейских языках издаются теми же дельцами. «Выходит великолепное шито-крыто, энергичный грабеж и безнадежная апатия туземцев» [2. С. 328–329].

Недалеко от Луксора путешественники наблюдали поистине рабский труд: «две тысячи рабочих копошились в земле, растянувшись на несколько верст» [2. С. 353].

Живописно описание базара в Луксоре. Убог товар на нем: три ермолки, пара железок для валов водочерпательных машин, пара хлопчатобумажных платков для женщин, пара туфель, десяток вареных яиц, портящиеся от жары и облепленные мухами сырые овечьи мозги и печенка. В кошельке у покупателя всего три пиастра, да и то «особенной никелевой монеткой величиной с горошину и ценой меньше копейки... Как ни крохотны никелевые монетки, а их, во-первых, нужно заработать, поработавши не мало, и, во-вторых, на них можно купить». «Вот она, работа, зажата в горсти. Раскроешь — и увидишь ее. Зажмешь — и никто не знает, что у тебя в кулаке целый день работы. Такие деньги тратятся обдуманно, расчетливо и с торжественностью» [2. С. 365].

Благодаря протекции русских дипломатов, Дедлову и его спутникам удалось получить аудиенцию у хедива Тевфика, описанную с мягким юмором, обилием деталей, создающих верную и тонкую характеристику все понимающего человека, но обреченного на подчинение обстоятельствам, которые выше него. Он хорошо понимает настрой своего народа: «Простой народ очень странен. Он не идет туда, где лежат великие султаны. Он ищет дядю Пророка, зятя Пророка, внука Пророка и идет к этим внукам и троюродным дядям» [2. С. 285].

На дервишей Дедлов взглянул со своей сострадательной позиции. Посетив бедную мечеть на городской окраине, он увидел «нищих дервишей, грязных, взлохмаченных, голодных и не холодных только потому, что холод в Египте дорог: нужно покупать искусственный лед». Воют дервиши от голода, «и это доводит их до сытости, до восторга, до ощущения в себе божества» [2. С. 293]. В эту убогую мечеть европейцы ездили смотреть пляски дервишей, платя за зрительское место — стул — двугривенный. На лицах европейцев написано лицемерное омерзение, но от зрелища они не уходят, напротив, специально едут на окраину. *Зикр* описан детально, звуковые характеристики таковы, что создают впечатление реально слышимой музыки и пения. Известны попытки ученых описать состояние дервиша, но, пожалуй, глубже многих проник в их состояние Дедлов: «А дервиши в это время чувствуют себя на небе. Перед их глазами носится что-

то туманное, пурпурного цвета, огромное, грозное и величавое. Это — Аллах. Громадный, волнующийся пурпур — его одежда, по которой, как по туче, пробегают золотые молнии. А тот костлявый старик, который только что упал навзничь и лежит, открыв побелевшие губы и вытаращив остеклившиеся черные глаза — этот видит также и лицо Аллаха, темнооливкового цвета, с кустистыми черно-седыми бровями и седой гривой волос, как у дервиша. Грозен Аллах, но упавший старик глядит ему прямо в глаза и жадно пьет взгляд этих глаз. И что для него в сравнении с этим зрелищем взяточники-чиновники, несправедные судьи, забывший его хедив, поработившие его страну англичане, его собственный голод, его грязь, презрение смотрящих на него европейцев и равнодушие его земляков-нищих, вымаливающих тут же за дверью у этих европейцев милостыню! Так забывается народ, раздавленный двумя тысячами лет рабства, нищеты, невежества и ежечасного мелкого горя, сопровождающего эти три главные беды» [2. С. 296].

Описание плясок *гавазы* — этой «водки для египтян» Дедлов заимствует из книги Maxime Du Camp «Le Nile» [2. С. 297–300].

С большой теплотой описаны девочки-подростки из коптской деревни: «Какой глубокой древностью веяло от их образов! Точно ожили древние статуи с их непривычно, странно красивыми глазами. Тела их были худощавы, но нигде не выдавалась ни одна кость, ни одно ребро — ни на лице, ни на теле. Ноги и руки были тонки, но изящны; мускулы прелестно закруглялись у плеч и ниже локтей, на икрах и бедрах. Кисти рук и ступни были маленькими. Около нас сидели дети шести лет, и самые маленькие из них были стройны и пропорциональны, как взрослые; ни выпученных животов, ни надутых щек, ни бессмысленных круглых глаз, ни колеблющейся походки и жирных складок европейских детей» [2. С. 379].

Это было время, когда в глубинке арабского мира можно было услышать: «*Москоб! Москоб, кофт, габеш сауа-сауа, хауйя*» (москвич, копт, аббисинец — все одно, братья!), «а дальше все пошли мусульмане да англичане — ничего хорошего» [2. С. 393].

Рассказывает Дедлов и о хищениях и спекуляциях египетскими древностями, и о невежественно-наивных рассказах проводников-феллахов, прекрасно передающих чувства простого люда по отношению к англичанам. Такой проводник рассказал путешественникам, что храм Тутмоса построен лет сто назад англичанами. Они будто бы построили храм дурно, и хедив ничего не заплатил им. Они пошли домой пешком. По дороге попали в Мекку, и один из них украл в мечети красную туфлю Пророка и положил ее в задний карман сюртука, надеясь продать по пути. Кражу заметил Пророк с неба, проклял англичан и превратил их в павианов. Красное место у павиана сзади это и есть туфля пророка [2. С. 415].

Дедлову пришлось общаться и с англичанами, не скрывавшими враждебного отношения к России. Они радовались смерти генерала Скобелева, полагая, что под его начальством мог состояться поход на Индию. Жалели о том, что упустили возможность поднять против России Кавказ [2. С. 223].

В последние дни пребывания в Каире перед отъездом в Иерусалим путешественники попали на ежегодную ярмарку в Гизе, приуроченную к празднованию якобы имевшего место въезда в город Пророка. Мусульманам пришлось не по душе любознательность иноверцев, и их чуть было не забросали камнями, но даже это обстоятельство, потребовавшее вмешательства солдат, не могло омрачить восторга, который испытал автор книги при звуках приветственных кликов женщин, доносившихся с крыш (это

был знаменитый высокий горловой клик «загарид», приобретающий особую окраску благодаря перебиванию звуковой волны частым движением руки у губ. — Т.С.).

Египетским полям в книге Дедлова отведен особый раздел, подробно описан водный режим Нила, система каналов для накопления и отвода воды и плодородного ила, знаменитое водочерпательное устройство — *сакиэ*, насчитывающее уже пять тысяч лет. На помосте, над колодцем, глубина которого зависит от расстояния до Нила, «помещается грубо сбитое горизонтальное колесо, которое вращают буйволы; оно своими спицами-палками цепляет такие же спицы вертикального колеса. С оси последнего опускается вниз под воду двойная бесконечная веревка из волокон пальмовых стволов, к которой привязано штук тридцать-сорок глиняных кувшинов-кружек. Кувшины опускаются, черпают воду, поднимаются и опорожняются в земляное гнездо, выложенное рогожами. Оттуда вода распределяется по полям» [2. С. 396]. Карикатурой кажется наша пшеница в сравнении с египетской. При надлежащем уходе и зерновые, и клевер густы и высоки, но «земледельческие чудеса Египта достигаются каторжным трудом» [2. С. 397]: «целые дни от утра и до вечера голый феллах, обливаясь потом, качается, черпая воду, и гнется, разводя ее по полям» [2. С. 397]. «*Сакиэ* доставляет воду, необходимую для хорошего роста хлебов на четырех десятинах; но тогда нужно, чтобы у хозяина было по крайней мере десять пар волов или буйволов» [2. С. 397].

После примитивной вспашки плугом, «более похожим на кривое дерево с острым суком, чем на чудо научной механики современного плугаря», «начинается медленная и тяжелая работа. Участок поля разделен на квадраты примерно в 10 кв. саженей с совершенно горизонтальной поверхностью, а границы каждого участка обнесены валиком земли высотой вершка в три. «Каждый квадрат одною из своих сторон соприкасается с оросительной канавкой, величиной с водосточный желоб на крыше». Иногда это действительно канавка, иногда — желоб на гребне небольших валиков [2. С. 397–398]. Создание сети канавок требует много сообразительности и еще больше времени. Вода не должна нигде застаиваться, должна течь равномерно, нужно помнить расположение всей сети, чтобы в высоком хлебе отыскивать ее. Иногда несколько часов уходит на поиск места прорыва канавки, и «все время, пока течет вода, нужно с киркою в руке, осторожно, чтобы не смять пшеницы, бродить по полю и последовательно раскапывать валики квадратов для напуска в них воды и потом снова их заделывать» [2. С. 398]. Налогом обложены три ежегодных урожая, и феллах работает круглый год, без отдыха. Если крестьянин заболел, то возникает поистине некрасовская картина заброшенной полоски: «в одном месте нам попался жалкий ячмень, преждевременно пожелтевший, с зерном, не налившимся и на одну треть, редкий», и оказалось, что хозяин ячменя проболел около месяца и не мог поливать его [2. С. 398–399]. В итоге «земля рассыпалась прахом, а хлеб пришлось продать на корню на корм ослам» [2. С. 399].

Обилие скота позволяет населению использовать навоз как топливо, поэтому он весь собирается, сухой или свежий. Заняты этим обычно дети. В Луксоре путешественники наблюдали представление, устроенное совершенно голым семи-восьмилетним мальчиком: он изо всех сил колотил себя по голове, лицу и по бокам, искусно подражая звукам ударов, делая вид, что уклоняется от них, пряча голову, извиваясь всем туловищем и громко причитая. Путешественникам объяснили, что ребенок «показывает, как феллах не заплатил податей, и как шейх (староста) бьет его и приказывает заплатить» [2. С. 401].

Далее путешественники отправились в Иерусалим: поездом до Исмаилии, оттуда

«лилипутом-пароходом» по Суэцкому каналу, мимо Порт-Саида — «колоссального постоянного двора с десятью тысячами целовальников, кухарок и “хозяев”, на самом “бойком месте” в свете, на перепутье между всем европейским западом и востоком Азии, Африки и Австралии. В нем все — кабаки, арфьянка и трактиры» [2. С. 438–439]. Затем путники пересели на русский пароход, и «давно невиданной российской халатностью и российским кисло-протестующим против чего-то неизвестного расположением духа повеяло от парохода» [2. С. 439].

Грустное впечатление произвели на Дедлова русские паломники, и даже от выделяющихся из общей массы группы двух «заправских мужиков» и жены одного из них «неприятно веяло Россией» [2. С. 440]. Яффа встретила путешественников жандармской грубостью и таможенным вымогательством.

В Иерусалиме Дедлов провел две недели и с горечью отмечал, что «все святое в Иерусалиме разрушено», и невозможно припомнить «ни одного не только отрадного, но хотя бы не неприятного впечатления» [2. С. 446]. Это настроение усугублялось еще и подхваченной лихорадкой. Иерусалим предстал перед путниками уездным турецким городом, глушью, «турецким Курганом, Орском или Пошехоньем» [2. С. 447–448]. Иерусалимское общество — иностранные консулы, да два-три банкира, в городе царит сплетня — единственное развлечение всякого уездного города. Процветанию города способствуют монахи и богомольцы. Турецкая администрация «страшно ворует»: «Статские занимаются взятками и разорением населения, военные обкрадывают солдат» [2. С. 448]. «Нет создания несчастней турецкого солдата», одетого в заплатанную-перезаплаченную куртку, рваные штаны и обутого в «старые-престарые туфли, бесслезно находящиеся у ворот для сменяющихся часовых» [2. С. 448].

«Для турка в Иерусалиме только семь тысяч жителей. Остальное составляют не считающиеся турком за людей евреи (15000), да восемь тысяч христиан различных исповеданий» [2. С. 448]. Иностранцы завели свои подворья за высокими стенами. Русские паломники живут «в трех громадных, отлично выстроенных, но довольно неопрятно содержимых корпусах “русских построек”. Это особый, свой, русский мир: “консул — свой русский барин, *кавасы* — то же, что отечественные бутари, собор в “постройках” прекрасный, духовенство русское, доктор русский, весь Иерусалим говорит с богомольцем — хорошо ли, худо ли — по-русски, даже пропасть русских вывесок: “русский кабак”, “торговля иконами”, “столярная мастерская”. И русский человек, косолапый, длиннополый, бородатый, в картузе, ходит и по городу, и за городом с таким же невозмутимым спокойствием, как по родному селу» [2. С. 449]. К туркам он привык, они у нас жили в плену. Один из таких пленных, живший в Курске, сделан помощником иерусалимского коменданта. Русский язык он забыл совершенно, но «до сих отчетливо различает водку Поповой от водки Кошелева, что он и доказал за ужином у нашего консула» [2. С. 449].

Описание схождения огня пополняет собой и без того известную по другим источникам картину, далекую от идиллии [2. С. 453–456], и автор с грустью заключает: «Да, все святое в Иерусалиме разрушено» [2. С. 456]. Невесело встретили путники Пасху 1887 г., «невеселы были и богомольцы, пришедшие сюда к празднику в числе трех тысяч. Все они воображали себе святые места не в том состоянии, в котором они находились в руках невежественного и корыстного греческого духовенства. Кроме того, искреннего паломника тяжело поражает то обстоятельство, что в среде богомольцев находится слишком много дурных элементов» [2. С. 458–459].

Сирия произвела на Дедлова самое светлое впечатление, в том числе и физической красотой своего населения. Он отмечает и религиозную пестроту населения, и активность американских, английских и немецких протестантов и иезуитов, которые «покрыли страну своими монастырями, миссиями и учебными и благотворительными заведениями» [2. С. 462]. Колоритно описание бедуинов: это «загорелый, страшно худой народ, с облагороженными острыми чертами еврейского типа, в дырявых верблюжьих бурнуссах — пешком и верхом появляющиеся в городе [Дамаске. — Т.С.] для покупок» [2. С. 468]. «Наивные полудикари удивляются Дамаску, как дети, и разносят о нем сказки по бесконечным аравийским степям и пустыням, начинающимся тут же, за воротами Дамаска» [2. С. 468].

«Глухая Азия царит здесь полновластно»: нет ни театра, ни газет, ни библиотеки, ни ресторанов, ни клуба. Женщины выходят на улицу только под покрывалом, а богач «должен жить, как заведено исстари» (согласно предписаниям османского шариата. — Т.С.) [2. С. 468–469]. Дамаск (заметим, как и многие города при Османах. — Т.С.) пребывает в упадке: «его торговля не может быть сказочно обширной уже потому, что вообще в Турции торговля не процветает по случаю отсутствия дорог и присутствия разбойников» [2. С. 469]. Грустно и описание Бейрута, и городков сирийского побережья [2. С. 475]. Географы отмечают крайне не благополучную, как бы сказали сегодня, «экологическую ситуацию», а политики «удивляются: как еще держится государство, состоящее из бесчисленных, враждебных друг другу народов и народцев, из подданных, почти не признающих своего правительства, и правительства, держащего себя среди подданных, как укротитель зверей в клетке с волками: сегодня вздул волков и здоров вышел из клетки, а завтра его, пожалуй, и съедят» [2. С. 475].

История доказала правоту предчувствий Дедлова — они сбылись.

Литература

1. Данциг Б.М. Ближний Восток в русской науке и литературе: Дооктябрьский период. М., 1973. 434 с.
2. Дедлов В. (В.Л. Кигн). Приключения и впечатления в Италии и Египте. Заметки о Турции. СПб., 1888.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 10.01.03

С.С. Донченко

НЕКОТОРЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ТВОРЧЕСТВА
БЕНГАЛЬСКИХ ПЕВЦОВ-БАУЛОВ*

В ряду многообразных форм бенгальского фольклора творчество *баулов* представляет собой явление особого рода. Оно оказало значительное влияние на становление новой бенгальской литературы, в частности, поэзии, песни *баулов* приобрели известность и популярность среди самых широких слоев населения. По мнению многих исследователей — как зарубежных (Р. Тагор, А. Чокроборти, А. Карим, Дж. Оупеншоу), так и отечественных (Е.К. Бросалина, Т.Е. Морозова [2]) — их песенное творчество ярко отразило непрерывные изменения в культурном и мировоззренческом пространстве Индии.

В настоящее время однозначно ответить на вопрос, кто является *баулом*, довольно непросто¹. С одной стороны, этот термин применяется к певцам-исполнителям определенного вида песен. С другой — термин «*баул*» используется для обозначения адептов неких практик сексуального характера, многие аспекты которых не согласуются со взглядами большей части традиционного индийского общества. Следовательно, допустимо довольно широкое определение термина: *баулы* — это люди, занимающиеся некими эзотерическими практиками, в силу которых они исключены из традиционного религиозного социума. Духовные поиски *баулов* находят творческое выражение в песнях.

Существует несколько версий происхождения слова «*баул*»:

- *Баул* < *ваю* (санскр.) — «ветер», как проявление психофизической энергии в *йоге* и цикл вдоха-выдоха, контроль над которым ведет к обретению долгой жизни [9. Р. 74];
- *Баул* < *батул* (бенг.)/*вьякула* (санскр.) — *ишиорер джара пагол*, сошедший с ума, лишившийся разума от любви к Богу [6. Р. 249];
- *Баул* < *аул* (арабск.)/*баул* (хинди) — *бауороггристо*, душевнобольной [6. Р. 249];
- *Баул* < *баундуле* (бенг.) — бродяга [10. Р. 78];

*Работа выполнена при финансовой поддержке проекта «Интерпретация традиционного индийского текста (функциональная классификация, лингвостилистический и культурологический анализ)» (2008 г.).

© С. С. Донченко, 2009

— *Баул* < *ба'ал* (арабск.) — «господин», «хозяин». Бангладешский исследователь А. Карим [7] считает, что данный термин, применявшийся для обозначения любого бога, а также высокопоставленных людей, пришел в бенгальский язык через фарси.

Впервые слово «*баул*», а также слова «*аул*», «*батул*», встречаются в средневековой бенгальской литературе: произведениях «*Шрикришнобиджой*» («Победа Шри Кришны») Маладхора Бошу и «*Шричойтоночоритамрито*» («Нектар деяний Чайтаны») Кришнадаса Кобираджа. Также мы находим упоминания о *баулах* в одной из вишнуитских *пад*² — «*Рагаттика*», в *бхоните*³ которой зафиксировано имя Чондидаш. Точное определение авторства данного произведения вызывает некоторые проблемы. Однако очевидно, что упоминаемые в этой *паде* *баулы* имеют явное отношение к теоретическим и практическим аспектам *сахаджаяны*, которым и посвящена данная *пада* [5. Р. 4, 5]. В текстах слово имеет несколько значений, что свидетельствует о том, что к моменту создания памятников (XV–XVII вв.) *баулы* и их идеи уже были известны на территории Бенгалии, а само слово использовалось в значениях «отрешенный», «сумасшедший», «лишенный природного разума» [5. Р. 35, 36]. Трактую один отрывок из «*Шричойтоночоритамрито*» К. Кобираджа, бенгальский исследователь У. Бхаттачарья считает, что разум Чайтаны, который, «взяв своих учеников в виде десяти чувств, приняв имя *махабатул*⁴, [...] покинув тело, [...] отправился во Вриндаван», можно соотнести с реальным наставником (*гуру*) *баулов* и его учениками. То есть, возможно, что в данном контексте слово «*баул*» уже обозначало представителя отдельного учения [5. Р. 36]. Далее У. Бхаттачарья отмечает, что в санскритском отрывке, на основе которого К. Кобирадж написал свой бенгальский вариант, слово «*баул*» отсутствует [5. Р. 36. Там же приведен санскритский текст].

В настоящее время область распространения песен *баулов* охватывает районы как Индии (дистрикты Западной Бенгалии Бирбхум, Банкура, северную часть Мединипура, Бардхаман, Муршидабад и Надия), так и Бангладеш (округи Раджшахи, Пабна, Дхака, Силхет). Естественно, что территориально эти песни не выделены среди областей бытования многих других видов бенгальского фольклора: на севере Бенгалии известны песни лодочников *бхавайя*, *гхату-ган* (область Майменсинха); на юге — любовные песни *джумур*; на востоке популярны распевные песни лодочников *бхатияли*. Конечно, вышеперечисленные виды песен не исчерпывают весь спектр бенгальского песенного творчества: повсюду встречается множество местных сезонных и праздничных песен (*бхаду-ган*, *джаг-ган* и др.). Также некоторое количество песенных форм существует и в бенгальских театрализованных представлениях *джатра*, *панчали*. Следует добавить, что с началом развития в Индии звукозаписывающей индустрии довольно узкие локальные рамки бытования тех или иных песен стали нарушаться в связи с их популяризацией на территории субконтинента.

Некоторые индийские исследователи (в частности, М. Моншуруддин) считают, что далекими предками *баулов* были древнеиндийские аскеты, отказавшиеся по тем или иным соображениям придерживаться предписаний *Вед* [9. Р. 75]. Другие же подходят к этому вопросу с региональной, бенгальской точки зрения, возводя зарождение мировоззрения *баулов* к эпохе расцвета бенгальского вишнуизма — эпохе *бхакти*⁵ (XV–XVI вв.). В целом можно с уверенностью говорить о том, что идеи *баулов* складывались в течение довольно длительного периода. В них прослеживаются черты буддизма, ислама и индуизма. Практики *баулов* восходят к *йоге* и *тантре*. Кажется правомерным утверждать, что, как синтез концепций, идеи *баулов* оформились к концу XV — началу XVI вв. В силу ряда причин, на протяжении всего периода формирования системы

знаний *баулов*, их творчество в той или иной степени постоянно испытывало воздействие со стороны различных направлений средневековой литературной традиции, как устной, так и письменной. В то же время, наследие этой группы певцов представляет непрерывную самобытную традицию, которая, претерпевая определенные изменения, дошла до нашего времени.

Баул-ган (песни *баулов*) привлекали внимание классиков бенгальской литературы нового времени таких, как Б. Чокроборти, Р. Тагор, Н. Ислам и др. Первые попытки популяризации этих песен среди образованного населения были предприняты Х. Моджумдаром (также называл себя Кангал Хоринатх или Фикир Чанд; 1833–1896 гг.) Однако широкую известность в среде бенгальских интеллектуалов песни *баулов* получили благодаря усилиям Р. Тагора: он глубоко заинтересовался наследием *баулов*, стал тесно общаться с ними, собирать их песни, издавать их, а впоследствии — под их влиянием — сочинять собственные *баул-ган*. Поэтому Р. Тагора стали называть «*баулом* Бенгалии». Он считал, что бенгальский фольклор, неотъемлемой частью которого являются и песни *баулов*, несет в себе истинный дух Бенгалии [11. Р. 120]. Сохранение и популяризацию этих песен Р. Тагор считал важным средством для поднятия национального духа бенгальцев. Особенно ярко это проявилось в его песнях периода борьбы за независимость и освободительного движения *свадешии*; многие из них написаны на мелодии *баул-ган*.

Согласно представлениям *баулов*, каждый человек, являясь воплощением Вселенной, представляет собой микрокосм — в нем сосуществуют и рай, и ад, и грехи, и заслуги, соответственно, для познания Вселенной *баулы* утверждают необходимость познания человека [9. Р. 93]. Считается, что человек, помимо несовершенного своего начала, заключает в себе «идеального человека», достичь абсолютного единения с которым пытается всякий *баул*. Патетика *баул-ган* нередко отражает страдания автора из-за невозможности познать этого «истинного человека», приблизиться к нему.

Суть взглядов *баулов* воплощена в песнях, обращенных к самой широкой аудитории. На анализе содержания и поэтики этих песен в огромной степени основываются все знания о мировоззрении *баулов*. Естественно, их идеи также находят непосредственное воплощение в эзотерических практиках (т. н. *садхана*⁶), однако рассмотрение последних выходит за рамки данной статьи.

В *баул-ган* прослеживаются очевидные параллели с песнями средневекового сборника буддийской поэзии «*Буддхо ган о доха*»⁷. В частности, порой они сходны по структуре, по манере постановки риторических вопросов, набору поэтических символов и др. Для иллюстрации рассмотрим два стихотворных отрывка: (а) фрагмент буддийской песни из сборника буддийских песен «*Буддхо ган о доха*» и (б) отрывок из *баул-ган*:

а)

Разрушенный фундамент возможно ли восстановить?

На дереве плод, лишь взглянув на него, не понюхать.

Лишь взглянув на врача, возможно ли излечишься от болезни?

[9. Р. 76. Перевод мой. — С.Д.]

б)

В болоте разве водится *илиш*⁸?

От удара кулаком разве созреет плод хлебного дерева?

[9. Р. 76. Перевод мой. — С.Д.]

Оба фрагмента имеют сжатую структуру, состоящую из риторических вопросов, во всех случаях подразумевающих отрицательные ответы. Отрывок буддийской песни дополнен отрицательным утверждением (2-я строфа). Синтаксически элементы, содержащие в себе парадокс, в каждой из строф максимально разнесены. Так образуются пары «разрушенный фундамент — восстановить», «на дереве плод — понюхать», «лишь взглянув на врача — излечиться от болезни», «в болоте — *илиш*» (рыба *илиш* не водится в болоте), «удар кулаком — зреющий плод хлебного дерева».

В обеих песнях мы видим сходную манеру постановки риторических вопросов. Будучи парадоксальными, они изначально подразумевают отрицательный ответ, но при этом заставляют слушателя искать причину, зачем же эти вопросы были заданы. Ответ может быть двояким: с одной стороны, мы понимаем, что порядок вещей в природе неизменен, он абсолютен; с другой стороны, этот порядок вещей в природе невозможно понять, опираясь на один лишь разум.

В обеих песнях в качестве поэтических символов используются бытовые образы, популярные в народе: разрушенный фундамент, плод на дереве, излечение от болезни, распространенная мелкая рыбка. Такая неразвернутая, можно даже сказать, упрощенная образная система позволяет максимально без потерь донести до реципиента скрытый смысл песни.

Объединяющим началом как для *баулов*, так и для адептов буддизма, индуизма, суфизма является провозглашаемая важность для них духовного наставника. Считается, что традиция передачи знаний от учителя к ученику (т. н. «*гурувад*») у *баулов* восходит к аналогичным традициям вышеупомянутых религий. *Баулом* не рождаются, *баулом* становятся во время церемонии инициации — именно *гуру* учит неофитов, пришедших в общину, произносит *мантры*, передает им тайные знания, а также совершает над ними ряд ритуалов. Примером, подтверждающим важность наставника для *баулов*, может служить следующая песня:

Если постигнешь «непостижимого человека», то, о разум, пойми,
что такое «постигать».

С открытым сердцем, со слезами на глазах следует почитать стопы учителя.

Тот, кто постиг то, что надо постичь, становится мертвым при жизни.

Став мертвым рядом с мертвыми, совершай *садхану*.

Как бы ни были они далеко, пребывай рядом в мыслях.

У стоп учителя смиренно находишь, простодушной *чатакой*⁹ став.

Свежего облака воду собрав, — тогда увидеть сможешь так

[9. Р. 111. Перевод мой. — С.Д.].

В данной песне имеется сразу несколько очень важных для *баулов* понятий. Во-первых, это тот самый «непостижимый человек» — *одхор мануш* — человек, которого не постичь, не «схватить». Именно он олицетворяет присутствие божественного начала в теле человека. Всякий *баул* стремится познать этого «человека сердца» (*монер мануш*). Для обозначения этого основополагающего понятия идеологии *баулов* используется целый ряд эпитетов и метафор: «человек сердца», «истинный человек» (*монер мануш*), «непостижимый человек» (*одхор мануш*), «неведомая птица» (*очин пакхи*), «господин» (*шаи*, произв. от *свами*).

Еще одним важным понятием является понятие «мертвый при жизни» (*дженто мора*). Смысл этого понятия скрыт в самой церемонии инициации, в том числе и у *баулов*. Дело в том, что во время этой церемонии совершается некое подобие похоронного обряда. Посвящаемых (чаще всего, пару — мужчина берет себе в «компаньоны» женщину, которая называется *шебадаши*, служанка) выводят из тайной комнаты, где они общались с наставником, с завязанными глазами и руками, связанными куском белой ткани. При этом оба они облачены в белые одежды. Подобная инсценировка похоронной церемонии сообщает всем о том, что новообращенные члены общины покончили со своей предыдущей жизнью. Они умерли для всех своих родственников и знакомых. Теперь они *баулы* — «мертвые среди живых».

Как уже говорилось, другое значение этого термина связано с тем, что *баулы* — люди, стоящие вне традиционного индийского социума. Они не вписываются ни в рамки индуизма, ни в рамки ислама — двух основных религий субконтинента. Поэтому к ним нельзя относиться так, как следует относиться к обычным, живым, людям. *Баулы* Бенгалии — как в современной Индии, так и в соседней Бангладеш, стоят вне социально-религиозной структуры. Однако это не препятствует популярности их идеологии и, прежде всего, их песен среди широких слоев населения Бенгалии.

Широкое применение парадоксов и кодового языка в *баул-ган* иллюстрирует их связь с поэзией *бхакти*: этот прием часто используется в произведениях эзотерических школ индуистского и буддистского тантризма. В частности у Кабира есть стихотворение, полностью основанное на данных приемах:

Диво одно [я] видел, брат, —
Лев стоит — и корову пасет,
Сперва [был] сын, а после уж — мать, учитель — припал к стопам ученика,
Рыба, [что] в воде [живет], — дает на дереве приплод, кошку петух изловил и съел,
В дом пришла поклажа, бросив вола, кошка собаку прочь уволокла,
В подножии ветви, а корни — вверху, на корне — цветы всех видов цветут.
Кабир говорит: кто поймет этот стих, ведомы все три мира тому [4].

Автор с помощью специальной символики передает «закодированное» знание. Например, кошка здесь — символ пагубных мирских страстей и желаний, а петух — символ знания, духовного прозрения [4]. Подобное кодирование не позволяет неподготовленному и незнакомому с традицией человеку понять сокровенное знание. Сходный прием наблюдается и в песнях *баулов* — определенные поэтические символы имеют эзотерическое значение. Например, упоминавшаяся выше «непознанная птичка» (*очин пакхи*) — символ знания, которое непременно ускользает из клетки логического понимания. Примером тому служит следующая песня *баул-ган*:

Как умудряется непознанная птичка проникать в клетку?
Если б я мог ее поймать, сковал бы ее лапки оковами разума.
Восемь комнат с девятью дверьми, в дверях топорщатся шипы,
На самом верху — главные покои — в них зеркальный дворец.
Если судьба не улыбнется [поймать птичку] — что делать?
Такая она:
Вылетает из клетки птичка моя

И где-то пропадает.

Разум, ты надеялся на клетку,

А клетка твоя сделана из зеленых бамбуковых прутьиков.

[Все равно] прутья клетки однажды ослабнут, —

Взывает, рыдая, Факир Лалон

[8. Р. 17. Перевод мой. — С.Д.].

Основной поэтический символ этой песни — та самая «непознанная птичка». Время, когда она находится в клетке (по своему желанию), — моменты просветления, когда адепту кажется, что он что-то понял. Однако так же добровольно птичка может выпорхнуть из клетки — разуму не под силу задержать ее там. Другим символом является, собственно, клетка, которая олицетворяет логическое понимание.

Добавим, что образность *баул-ган* довольно широка. Чаще всего песни построены на образах, отлично знакомых любому слушателю: от распространенных животных, растений, мифологических персонажей до сельскохозяйственного инвентаря, велосипеда [5. Р. 120] и пр. Очевидно, что сравнения, основанные на подобных образах, применялись для того, чтобы донести смысл песни с помощью средств, не требующих пространных комментариев и разъяснений. Все должно быть интуитивно понятно и предельно ясно.

Песни *баулов* являются значительной и неотъемлемой частью культуры Бенгалии и всей Индии в целом. В них обнаруживаются элементы, свойственные памятникам индийской литературы и фольклора разных религий и временных периодов. В то же время, несмотря на традиционность, в песнях *баул-ган* очевидны уникальные черты, которых мы не найдем в других формах индийского устного народного творчества.

Примечания

¹ Подробнее об этой проблеме см.: *Openshaw J. Seeking Bauls of Bengal. Cambridge University Press, 2004.*

² Пада — жанр вишнуитской средневековой поэзии.

³ Бхонита (санскр. бханита — сказанное, произнесенное) — указание на автора стихотворения, инкорпорированное в последние его строки.

⁴ Махабаул — бенг. «великий баул».

⁵ Бхакти — доктрина достижения высшей цели — освобождения через поклонение и преданность богу [3].

⁶ Садхана — в йоге процесс или средство осуществления духовных целей [1. С. 385].

⁷ В сборнике «Боуддхо ган о доха» (Буддийские песни и куплеты, пригл. XII в.) представлены буддийские песни средневекового жанра чарья-гити.

⁸ Илиш (бенг. илошшо) — вид распространенной в Восточной Индии мелкой рыбы.

⁹ Чатака — известная в Индии птица, один из символов сезона дождей. Олицетворение преданности — она верна грозовому облаку, каплями которого питается, и взывает к нему весь год.

Литература

1. Индуизм. Джайнизм. Сикхизм. Словарь. М., 1996. 576 с.

2. *Морозова Т.Е.* Некоторые черты жанровой специфики бенгальских *локшонгит*: песенно-танцевальных *холи-ган*, песен лодочников и бродячих певцов-*баулов* // Народное творчество стран Востока: Структура, художественные особенности, дефиниции. М., 2007. 21 с.

3. Ульциферов О.Г. Индия. Лингвострановедческий словарь. М., 2003. 582 с.
4. Цветкова С.О. Средневековая поэзия на диалектах хинди. Ч. 1. Рукопись.
5. *Bhattacharya U.* Banglar baul o baul-gan (на бенг. яз.) Calcutta, 1958. 1159 p.
6. *Bandopaddhyay A.* Bangla sahityer sampurna itibritta (на бенг. яз.) Kolkata, 2005. 640 p.
7. *Lalon-giti* (на бенг. яз.). Dhaka, 1989. 156 p.
8. *Karim A.* The Bauls of Bangladesh (на англ. яз.) // The Daily Newspaper. 03.02.2006. [Электронный ресурс:] <http://www.newagebd.com/2006/feb/03/arts.html>
9. *Mansuruddin M.* Haramoni. Vol. 2 (на бенг. яз.). Dhaka, 1972. 343 p.
10. *Openshaw J.* Seeking Bauls of Bengal (на англ. яз.). Cambridge University Press, 2004. 291 p.
11. *Sen N.* Rabindrosangite kirtan (на бенг. яз.) // «Desh» journal. 1979. July–August. 9 p.

УДК 821.521

*Л.Ю. Хронопуло***«ПОТЕРЯННЫЙ» ГЕРОЙ ЯПОНСКОГО РАССКАЗА
КОНЦА XX — НАЧАЛА XXI вв.**

Японская литература новейшего времени представлена именами, мало или зачастую вовсе не знакомыми отечественному читателю. Для анализа были выбраны рассказы популярных в современной Японии писателей Атода Такаси¹ (р. 1935), Акимото Ясуси (р. 1956), Сиина Макото (р. 1944), Экуни Каори (р. 1964) и Хаяси Мариико (р. 1954), которые за небольшим исключением отсутствуют в переводах на русский язык. В большей степени русскому читателю известно творчество Мураками Рю (р. 1952). При всем разнообразии направлений творчества указанных авторов, многих персонажей их рассказов роднит одиночество и растерянность, отчужденность от общества и ощущение своей ненужности.

Рассказы Атода Такаси, Акимото Ясуси, Сиина Макото и Мураками Рю, а также произведения писательниц Экуни Каори и Хаяси Мариико часто представляют героев, оказавшихся жертвами обстоятельств. Обстоятельства сильнее героя и потому влекут его по жизни, словно течение реки. Смелые, волевые, дерзкие поступки уже не свойственны героям, которые все больше времени проводят в раздумьях и сомнениях, рефлексии. В большинстве случаев герой в ответственный момент неспособен принять решение и бездействует, не зная, как противостоять свалившимся на него невзгодам. Даже герои, дух которых, казалось бы, достаточно силен, предпочитают покориться. Те же, кто не желают смириться с обстоятельствами, ожесточаются и совершают «поступок» (часто преступный), что приводит к трагическим последствиям.

Прежде всего, бездействие и покорность сложившимся обстоятельствам проявляются в том, как герои строят свою личную судьбу. Для многих из них характерно бегство в мир от опостылевшей или пугающей любви или, напротив, бегство от пугающей окружающей действительности в любовь. Поведение мужских и женских персонажей в этом случае оказывается во многом сходным. Так, в рассказе Экуни Каори «Летнее покрывало» главная героиня, сорокапятiletняя Митико, после смерти родителей унаследовавшая их огромное состояние, живет одна в доме у моря. Единственный мужчина, которого она любила, вернулся к жене, и с тех пор она, поборов депрессию и с трудом отказавшись от транквилизаторов, ничего не ищет, почти ни с кем не общается и никого не ждет. Митико понимает: «...в мире нет ни единого человека, которого заботило бы мое здоровье»² [6. С. 55], и сама не чувствует по отношению к себе ничего, кроме равнодушия. Ни работы, ни интересов, ни увлечений — только воспоминания о прошлом и мысли о смерти: «Иногда я думаю: а что, если Мариус, мой пес, умрет? Если умрет Мариус, не останется ничего, что удерживало бы меня на этом свете» [6. С. 56]. Митико понимает, что вольная и обеспеченная жизнь, которой по-детски наивно завидуют ее

© Л. Ю. Хронопуло, 2009

друзья, студентка Маюки-тян и ее парень Оомори-кун, скорее тяготит ее, что ей нужно выйти из этого круга и вернуться к миру, в настоящую жизнь, куда и пытается ее «вытащить» эта юная пара. Но действовать решительно не удастся, и Митико, впервые почувствовав слабое волнение при мысли об Оомори, сама пугается собственного влечения и предпочитает, вернувшись в свой «дом на берегу, засыпанный песком», дальше жить воспоминаниями о прошлом — своем единственном неудачном романе: «Я не могла думать ни о ком, кроме него. И сейчас ничего не изменилось. И чем больше времени проходит, тем больше я думаю о нем» [6. С. 65]. Митико, которая когда-то надеялась, что нашла себя в любви, не смогла отыскать другую опору, когда любовь ушла, и сейчас бесцельно доживает годы, отведенные ей судьбой: «Дом на побережье похож на меня. Стоит себе, весь в песке, окна и двери нараспашку... Сколько же лет пройдет, прежде чем он разрушится...» [6. С. 66].

Похожим образом — через любовь — пытаются отыскать свое место в жизни герои Акимото Ясуси. Его книга «Я любил тебя больше всех» представляет собой сборник рассказов, написанных от лица мужчин, сожалеющих об утраченной любви, об отношениях, которые нельзя вернуть [1]. Всех героев книги объединяет то, что каждый из них уходил от своей возлюбленной в погоне за карьерным ростом, либо бежал от бытовых проблем, либо заканчивал отношения, не сумев объясниться с женщиной, не найдя общий язык и считая, что та «тормозит» его в развитии, мешает самореализации. И лишь спустя много лет герой понимает, что искал себя не там и не в том, что можно было стать счастливым рядом с утраченной возлюбленной — но пути назад нет. Постепенно осознавая тщету мирской суеты, герои Акимото Ясуси приходят к осознанию ошибок прошлого, к тому, что проблемам и жестокостям современного мира можно было бы противостоять — или хотя бы убежать от них — вдвоем. В результате герои остаются ни с чем, тогда как их женщины находят способ уйти от пугающей действительности. Впрочем, способы эти весьма сомнительны. Так, героиня рассказа «Важная подушка», практиковавшая сон как средство эскапизма, чтобы забыться и уйти от окружающей действительности, говорит герою, ведущему чересчур активный, на ее взгляд, образ жизни: «Если долго бодрствуешь, начинаешь задумываться о том, о чем лучше бы не думать» [1. С. 17]. В конце жизни герой понимает, что «за эти годы услышал и увидел по крайней мере в два раза больше, чем она... И, должно быть, изведал некоторые радости из тех многих, что есть в этом мире... Но, к сожалению, так и не нашлось того, что могло бы стать для меня столь же важным, как для нее была важна подушка» [1. С. 17]. Герой приходит к тому, что, возможно, лучше было бы и не знать жизнь и мир, потому что они слишком страшны; что лучшим выходом было бы для него уйти в любовь. В то же время героиня рассказа «Девушка, которая читает» признается, что любовь для нее — единственный оплот в жизни, а книги — последнее средство, на которое можно будет опереться, если она потеряет любовь: «Я потому всегда так много читала, что боялась: если любимый вдруг уйдет — у меня ничего не останется... А если есть книга, которую ты читаешь, то, даже если останешься одна, — все равно сможешь хотя бы дочитывать ее; разве так не лучше?... Вот сейчас ты сказал, что уходишь, — но у меня зато есть эта книга» [1. С. 26–27].

Героиня рассказа Хаяси Марико «Год спустя» переезжает из глубинки в Токио. Терзаясь комплексом неполноценности и ощущая себя «деревенщиной», Эрико мечтает встретить солидного мужчину, коренного токийца, — а когда встречает Тамура Хироси, отдается ему и узнает, что у него уже есть девушка, уехавшая на год на стажировку в США, унизительно просит: «Повстречайся со мной хотя бы годик — пока она не

вернется» [7. С. 23]. Ощущение чуждости столичному городу и страстное желание быть «своей» в Токио толкает Эрико на отношения с холодным и безынициативным Тамура Хироси, который интересуется ее внутренним миром столь же мало, сколь и она сама. Эрико осознает, что нельзя судить о человеке только по компании, в которой он работает, по клубам, где он отдыхает, и по марке одежды, которую он носит, но тем не менее оценивает и себя, и окружающий ее мир только по этим параметрам, потому что иначе уже не может. Понимая, что она не соответствует выбранным ею же самой критериям, Эрико впадает в такое уныние, что все время мысленно сравнивает себя с девушкой Тамура Хироси и признает, что не может считать себя ровней этой стильной столичной девушке с блестящим образованием. Эрико даже готова быть на вторых ролях в жизни мужчины — и не потому, что любит, а ради внешнего лоска: встречаться с коренным токийцем.

В конце концов Эрико случайно узнает от общих знакомых, что Тамура Хироси — ничемный малый, объект насмешек в их компании, а девушка, уехавшая в США, никогда не встречалась с ним, и роман с ней был всего лишь плодом фантазии Тамура Хироси: «Какой же жалкой она была — приехать из деревни и увлечься таким, как он... Между двумя неудачниками не может быть настоящей любви» [7. С. 38]. Она видит, что Тамура Хироси такой же чужой в столице, такой же закомплексованный, потерянный человек, как и она, хоть и коренной токиец. Эрико не видит для себя выхода: она готова и дальше встречаться с Тамура Хироси, сделав вид, что не знает о том, что его отношения с девушкой — выдумка. Вместе с тем она решает продолжать поиски «подходящих» мужчин — коренных жителей столицы, сотрудников крупных компаний. Эрико не интересны эти мужчины — как, в сущности, и сама она не интересна себе. Таким образом, ее надежда найти себя в любви с треском проваливается: не любя себя, Эрико оказывается также неспособна дарить любовь. Но она по-прежнему не видит другого способа почувствовать себя своей в Токио, кроме как женить на себе токийца.

Книга «Снова за границу, и снова — влюбиться» Хаяси Марико представляет собой сборник рассказов, написанных от лица стюардесс, в каждой новой стране начинающих новый роман [8]. Отрываясь от родной земли, девушки с жадностью ищут любовных приключений в Париже, Нью-Йорке, Ванкувере, Лондоне, Москве и т. д. Но за границей, куда они летят с надеждой обрести то, чего не могут найти в Японии, им тоже нет места: они там — «желтые обезьяны» [8. С. 90], чуждые западному миру. Девушки возвращаются на родину, всякий раз испытывая горечь и стыд.

Герои Мураками Рю также одиноки, и состояние пустоты, наполняющее их души и граничащее с полным отчаянием, — зачастую состояние, в которое они загнали себя сами. В рассказе «Off» мы находим традиционный для творчества Мураками набор элементов и персонажей: секс, наркотики, садомазохизм, проституция и т. д. Героиня, девушка по вызову, живет в состоянии «выключенности» из нормальной жизни, т. е. в состоянии «Off», не видя в себе силы что-либо изменить. С детства объект насмешек в школе из-за любви к старшекласснику, она привыкла к жестоким издевательствам и не увидела для себя иной будущности, кроме как стать проституткой. Едва ли героиня считала себя достойной чего-либо иного, кроме унижений. Одиночество, отсутствие всякой поддержки со стороны также мешают девушке бороться, перешагнуть через обстоятельства и полюбить себя: «...У меня не было ни друзей, ни подруг. И так было с самого детства, поэтому я даже не думала, что хочу, чтобы они у меня были» [4. С. 227].

Потерянными, так и не нашедшими себя и своего места в жизни предстают перед читателем и герои японского писателя Сиина Макото. Так, герой рассказа «Желтая палатка на крыше» после пожара в многоквартирном доме, где он жил, обустроивает себе жилище в палатке на крыше здания токийской компании, где он работает офисным служащим. Молодой человек даже не состоит ни с кем в настолько близких отношениях, чтобы можно было проситься на ночлег. Прячась от начальства и полиции, герой привыкает жить в таких нечеловеческих условиях и даже начинает считать их вполне удобными. Ни перспектив, ни надежд на будущее — борьбе герой предпочитает уединение на крыше офисного здания, размышления о несовершенствах мира и воспитание подобранного щенка [5].

Иначе ведут себя герои произведений Атода Такаси: озлобленные личными неудачами, они восстают против враждебных обстоятельств, часто с помощью преступления. Героиня рассказа «Гостья» Кандзаки Хацуэ, всю жизнь прожившая в бедности, не сумела как следует воспитать дочь, и та стала женщиной легкого поведения и воровкой. Устроившись нянечкой в родильный дом, Хацуэ выжидает удобный случай и, убив новорожденную дочь богатой Макико, подменяет ее своей крошечной внучкой, которую бросила мать — в надежде, что хотя бы у внучки будет другая жизнь, жизнь беззаботная и обеспеченная, которой всегда жаждала сама Хацуэ. Узнав правду, Макико понимает, что Кандзаки нашла способ отомстить ненавистным богачам, которым всегда завидовала, пробравшись в мир, которому она была чужда и который ее отторгал: теперь Макико, относившаяся к Хацуэ с брезгливостью и пренебрежением, должна будет воспитывать ее внучку. Макико ревностно оберегала свой мир и дочь от вторжения ненавистной Хацуэ — и все-таки, когда за утренней гостьей закрылась дверь, а спустя недолгое время на пороге появилась полиция, Макико понимает, что вторжение в ее мир «чужого» все-таки произошло, и не сегодня, а несколько месяцев назад: ее настоящий ребенок убит, а в колыбельке в детской дремлет «гостья», оставленная Хацуэ [3].

Героя рассказа Атода Такаси «Мужчина, который ждет» не раз бросали женщины. В очередной раз потеряв любимую, он в отчаянии связывается с наркоманкой и преступницей, ради которой сам начинает грабить и убивать. Когда же он решает начать новую, честную жизнь, уезжает и обзаводится семьей, находит достойную работу — вдруг появляется его прежняя возлюбленная, которая шантажирует его, угрожая раскрыть всем его прошлое. Мужчина отравляет ее [2].

Как можно видеть, многих героев современного японского рассказа — людей самого разного происхождения и рода занятий — объединяет ощущение одиночества и внутренней пустоты, потерянности в современном мире, отчуждения от общества; невозможность что-либо изменить в своей жизни (часто связанная с нежеланием делать это) порождает безысходность. Попытки заглянуть в себя глубже и узнать самого себя оказываются безуспешными — герой строит отношения с другими столь же неумело, как строит их и с самим собой; бегство от окружающей действительности для героев характернее, чем открытый бунт против нее. Таким образом, героем японского рассказа на рубеже веков часто становится не боец, смело бросающий вызов враждебному миру, а человек, смирившийся и покорившийся своей участи, не умеющий преодолеть неудачи иначе, кроме как с помощью бегства от реальности или преступления. Даже любовь — настоящая или мнимая, за которой герои гонятся, как за призраком, или которая, словно амок, гонит их — оказывается не созидательным, а губительным началом для многих героев, прежде всего, потому, что они неспособны полюбить себя.

Примечания

¹ В соответствии с японской традицией, фамилии авторов и персонажей ставятся впереди имени.

² Здесь и далее перевод выполнен автором статьи.

Литература

1. *Акимото Ясуси*. Кими-га итибан суки дагта. Я любил тебя больше всех. Токио, 1997. 271 с. (На япон. яз.).
2. *Атода Такаси*. Маттэ иру отоко. // Маттэ иру отоко. Мужчина, который ждет // Мужчина, который ждет. Токио, 1988. С. 6–26. (На япон. яз.).
3. *Атода Такаси*. Райхо:ся // Тоой мэйкю: Гостья // Лабиринт, уходящий далеко. Токио, 2007. С. 31–59. (На япон. яз.).
4. *Мураками Рю*. Off / Сэнго тампэн се:сэцу сайхаккэн ни-сэй-но конгэн-э. Off / Второе рождение послевоенного короткого рассказа. Токио, 2001. С. 226–238. (На япон. яз.).
5. *Сиина Макото*. Окудзе:-но киирой тэнтэ // То:ке: се:сэцу. Желтая палатка на крыше // Повести Токио. Токио, 2003. С. 43–81. (На япон. яз.).
6. *Экуни Каори*. Сама: буранкэтто // Оегу нони, андзэн дэмо тэкисэцу дэмо аримасэн. Летнее покрывало // Плавать небезопасно и несвоевременно. Токио, 2005. С. 50–67. (На япон. яз.).
7. *Хаяси Мариико*. Итинэн-но ноти // То:ке: се:сэцу. Год спустя // Повести Токио. Токио, 2003. С. 7–39. (На япон. яз.).
8. *Хаяси Мариико*. Цуги-ни ику куни, цуги-ни суру кои. Снова за границу, и снова — влюбиться. Токио, 1995. 178 с. (На япон. яз.).

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.584.6

П.Л. Гроховский

САНСКРИТ В ТИБЕТЕ: ЯЗЫК В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРНЫХ ЗАИМСТВОВАНИЙ*

Тибетская культура испытала сильное влияние соседних стран — прежде всего, Китая и Индии. Китайская и индийская культуры оказали воздействие на самых разные области общественной жизни Тибета, в том числе и на развитие тибетского литературного языка.

В истории самых разных народов бывает такой момент, когда правители, задумываясь об общем направлении развития национальной государственности и о конкретной его модели, обращают свои взоры на сопредельные страны в поисках образца для подражания.

Был такой момент и в истории Тибета. В VII в., когда Сонгцэн Гампо (тиб. *srong btsan sgam po*, 617–649) размышлял о выборе государственной религии, его внимание привлек буддизм [15. С. 63–77]. Вероятно, можно говорить о том, что у него практически не было выбора: «Тибет в VII в. был практически полностью окружен буддийским миром» [15. С. 75].

Из различных региональных традиций буддизма был избран индийский вариант, и это на многие столетия определило модель культурного развития страны и, в том числе, пути развития тибетского литературного языка.

Естественно, в то время тибетское общество (а значит и культура) находились на принципиально иной ступени развития, и поэтому для того, чтобы хотя бы иметь возможность перевести на тибетский язык буддийские и иные тексты с санскрита, необходимо было предпринять определенные меры, направленные на развитие понятийного аппарата и соответственно лексической системы тибетского литературного языка, а если говорить иначе — выработать новый литературный язык.

Мы можем судить о событиях, происходивших в то время, по их результатам: масштабному корпусу тибетских переводов, выполненных в основном с санскрита и прак-

---

*В данной статье представлены результаты исследования, проведенного в рамках проекта «Язык и диалог цивилизаций» аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2006–2008 гг.)».

© П. Л. Гроховский, 2009

ритов, и сгруппированных в два обширных собрания: Кангьюр (тиб. bka' 'gyur, перевод Слова Будды — сутр) и Тенгьюр (тиб. bstan 'gyur, перевод авторских трактатов — шаштр). Исследуя переводы конкретных сочинений и сопоставляя их с оригинальными текстами на классическом или, что чаще, на так называемом «буддийском гибридном санскрите» (термин Франклина Эджертона, обозначающий, собственно говоря, один из праkritов), можно выявить закономерности лексических и терминологических санскритско-тибетских соответствий, особенностей передачи санскритского синтаксиса, некоторых явлений морфологии и т. д.

Однако эта работа осложняется несколькими обстоятельствами, в числе которых прежде всего оказываются: отсутствие подавляющего большинства санскритских оригиналов в связи с тем, что история буддизма в Индии как живой религиозной традиции прервалась благодаря мусульманскому вторжению в XI–XIII вв. и прочим обстоятельствам. Более того, даже в тех случаях, когда мы располагаем текстами на санскрите, носящими то же название, что и тибетский перевод, часто тексты на двух этих языках не соответствуют друг другу полностью, т. к. буддийские тексты, особенно сутры, т. е. проповеди, приписываемые традицией самому Будде, пережили длительный период изустной передачи и записывались впоследствии в разных редакциях. Поэтому многие санскритские тексты, которыми мы располагаем, отличаются от тех санскритских же редакций, с которых были сделаны дошедшие до нас переводы на тибетский язык.

Тем не менее, несмотря на описанные выше объективные сложности, работа по сопоставлению редакций важнейших произведений буддийской канонической литературы на санскрите, тибетском, китайском и иных языках буддийской словесности началась одновременно с возникновением научной буддологии в первой трети XIX столетия и не прекращается до сих пор.

Впрочем, мы располагаем и другими источниками для исследования ранней истории перевода памятников индийского буддийского дискурса на тибетский язык, датирующимися тем же периодом, что и сами переводы. Речь идет о, как минимум, двух справочных изданиях, включенных в состав второй части буддийского канона на тибетском языке — Тенгьюра: словаре индо-тибетских лексических соответствий «Махавьютпатти» (санскр. mahāvūyutpatti, тиб. bye brag tu rtogs byed chen po), содержащим 9492 слова и термина, объединенные в 277 тематических разделов [1]; а также о сборнике обоснований и объяснений 413 из них, объединенных в 50 тематических разделов — «Мадхьявьютпатти» (санскр. madhyavūyutpatti, тиб. bye brag tu rtogs byed 'bring po, sgra sbyor bam po gnyis pa) [3; 7].

Последний памятник снабжен также предисловием, в котором содержатся важнейшие для данного рассуждения сведения о разнообразных обстоятельствах, при которых происходила выработка нового тибетского литературного языка. В колофоне «Мадхьявьютпатти» сообщается о наличии третьего памятника, в название которого также входит слово «вьютпатти»: «Кшудравьютпатти» или «Вачавьютпатти», но мы не располагаем более подробными и достоверными сведениями об этом сочинении и можем предполагать, что в действительности его упоминание объясняется необходимостью троичной классификации (великий, средний и малый вьютпатти).

Во введении к «Мадхьявьютпатти» сообщается об исторических обстоятельствах составления «Махавьютпатти» и «Мадхьявьютпатти» в соответствии с указом тибетского царя Тисонгдэцэна (возможно, Ралпачэна), перечисляются имена индийских ученых-пандит и тибетских переводчиков-лоцзав, участвовавших в работе редколлегии, а

также приводится текст царского указа, устанавливающего правила перевода буддийских текстов с санскрита на тибетский язык.

Именно эти правила в совокупности с обоснованиями 413 терминов представляют собой интереснейший подлинный материал, анализ которого способен пролить свет на раннюю историю того классического тибетского литературного языка, который употребляется до наших дней.

В тексте царского указа говорится о необходимости правильной передачи смысла и соблюдения норм тибетского языка, о порядке слов, особенностях перевода стихотворных и прозаических произведений, необходимости учета контекста при выборе правильного перевода многозначных санскритских слов, о правилах выбора между переводом и передачей санскритских слов при помощи транслитерации, особенностях перевода числительных, глагольных приставок, использовании синонимов и лексических уровней вежливости, о процедурах введения тибетских эквивалентов для терминов, не включенных в «Махавьютпатти» и «Мадхьявьютпатти», об ограничениях на перевод эзотерических тантрических текстов и в особенности священных формул — мантр и дхарани [7. Р. 278–280].

К сожалению, текст этого бесспорно важнейшего сочинения еще не был исследован достаточно внимательно, и поэтому от его изучения еще можно ожидать важных открытий, способных пролить свет на истоки письменной тибетской буддийской литературной традиции.

Хотя современная наука не располагает полным переводом и исследованием «Мадхьявьютпатти», некоторые наблюдения над лексическими особенностями нового тибетского литературного языка, выработанного в процессе перевода индийского буддийского канона, можно сделать уже сейчас.

Так, в монографии видного американского тибетолога Стивена Бейера «Классический тибетский язык» приводятся сведения о нескольких словообразовательных моделях, использовавшихся переводчиками канона при создании новых лексем для передачи новых понятий [2. Р. 107–111].

Первая из этих моделей выглядит следующим образом: прилагательное + прилагательное > существительное, например: *sdug pa* «мучительный» + *bsngal pa* «изнуренный» > *sdug bsngal* «страдание» (санскр. *duḥkha*) [2. Р. 107–108]. В данном случае лексикализации подвергается сочетание двух прилагательных, выполняющих роль модификаторов отсутствующего главного слова, т. е., мотивировка внутренней формы слова «страдание» в приведенном выше примере такова: страдание — это то, что вызывает мучение и изнурение. Приведем еще один пример: *bsod pa* «приятный» + *snyoms pa* «равно распределенный» > *bsod snyoms* «сбор монашеского подаяния» (санскр. *piṇḍa, piṇḍa-pāta*) [2. Р. 108].

Особый интерес при рассмотрении данной модели вызывает то обстоятельство, что выбор мотивировки вовсе не был случайным, а опирался на этимологию санскритского слова, которая впрочем, носила весьма своеобразный характер. Подобные модели этимологизации не имели никакого отношения к научной лингвистической этимологии. Их следовало бы отнести к случаям проявления так называемой «народной этимологии», если бы не то обстоятельство, что в их основе лежало вовсе не стремление не понимающих истинного значения слова носителей языка найти в нем хоть какой-то смысл, а значительно более схоластические соображения индийских комментаторов приписать компонентам данного слова дополнительные значения, что дало западному

исследователю Дейвиду Сейфорт-Руэггу основание называть этот вид этимологии «герменевтическим» [6. P. 118].

Толкования подобных тибетских эквивалентов санскритских терминов, приводимые в справочнике «Мадхьявьютпатти», часто содержат развернутые обоснования схожих герменевтических этимологий. Так, например, регулярным соответствием санскритского слова *arhān*, буквально означающего «достопочтенный», в тибетском языке является *dgra bcom pa*, что переводится как «победивший врагов». Естественно, выбор такого эквивалента для перевода санскритского слова *arhān* объясняется соображениями, не имеющими отношения к лингвистике, но продиктованными потребностями буддийской религии, а именно следующей санскритской этимологией, приведенной в соответствующей статье «Мадхьявьютпатти»: *kleśārīn hataṅgān arhān*: «Архат — так как победил (*√han*) своих врагов (*arī*) — клеши (страсти, аффекты, помрачения)» [2. P. 144].

При этом любопытно, что санскритское слово обладает многомерным значением: на обыденном уровне, доступном всем носителям языка, оно этимологизируется по правилам языка и имеет значение «достопочтенный», а на уровне буддийской терминологии, доступном посвященным адептам, приобретает второе — но при этом главное — значение «победивший помрачения».

В тибетском языке ситуация принципиально отлична: тибетский термин *dgra bcom pa* однозначно этимологизируется как «победивший помрачения» как с религиозной, так и с сугубо языковой точки зрения, а значение «достопочтенный» отходит на второй план и становится доступно лишь тем носителям тибетского языка, которые знакомы с санскритом или хотя бы с соответствующим толкованием в составе «Махавьютпатти».

Приведем еще несколько примеров. Обоснованием тибетского эквивалента санскритского слова *buddha* являются следующие этимологические толкования: *mohanidrāpagaṃāt prabuddha-puruṣavat* — «Он подобен человеку, который пробудился (*prabuddha*), так как его сон неведения рассеялся» — и *buddher vikāśānāḍ buddhaḥ vibuddhapadmavat* — «Он — Будда, так как его сознание (*buddhi*) открылось как распустившийся цветок лотоса (*vibuddha*)»: *sangspa* «пробужденный» + *rgyaspā* «пространный» > *sangspa rgyaspā* «Будда» (санскр. *buddha*) [2. P. 143–144].

В случае с санскритским словом *bhagavan* («Благой», один из самых распространенных эпитетов Будды) используется этимология *bhagavān* — «Он — Бхагаван, так как он победил (*bhagna*) четыре препятствия». Таким образом, *bhaga* переводится на тибетский язык не словом *legs pa* («благо»), как это происходит в других случаях, а словом *bcom* («победил»). Санскритский суффикс обладания *-vant* передается по-тибетски словом *ldan* («обладать»), и образуется двусложное сочетание *bcom ldan* («обладающий победой»). Однако к двум этим слогам добавляется третий: *‘das* («вышедший за пределы»), не имеющий опоры собственно в форме санскритского слова. Причиной его добавления является необходимость отличить Будду — победителя, «вышедшего за пределы сансары» (санскр. *lokottara*, тиб. *‘jig rten las ‘das pa*), от всех остальных победителей в обыденном, мирском смысле. Таким образом, официальным тибетским эквивалентом термина *bhagavan* становится слово *bcom ldan ‘das* («Победивший [препятствия] и покинувший [сансару]») [2. P. 144].

Тибетский перевод санскритского слова *ṛṣi* («аскет, отшельник») объясняется этимологией: *kāyovagmanobhir ṛjuḥ śeteiti ṛṣiḥ* — «Он — риши, так как его тело, речь и сознание пребывают в праведности и прямоте (*ṛju-√śi*)»: *drang po* «вертикальный» + *srong pa* «прямой» > *drang srong* «отшельник» (санскр. *ṛṣi*) [2. P. 144].

Санскритский термин *puḍgala* (личность, человек) объясняется следующим образом: *pūḡyate galate caiva puḍgala* — «Это — пудгала, так как оно заполнено ($\sqrt{pūr}$) и истекает скверной ($\sqrt{gal}$): *gang pa* ~ *gang po* «полный» + *zag pa* «скверна» > *gang zag* «человек, личность» (санскр. *puḍgala*) [2. P. 144].

Одному и тому же слову может быть дано и несколько альтернативных объяснений. Характерным примером является слово *sugata* («Достигший блага», также эпитет Будды): С одной стороны, *śobhanagataḥ surūpavat* — «Он — Сугата (*legs par gshegs pa*), так как сделался красив, подобно красивому человеку»; *arunārāvṛṭṭyāgataḥ sugataḥ sunaṣṭajvaravat* — «Он — Сугата (*legs par gshegs pa*), так как ушел, чтобы никогда не возвращаться, подобно хорошо излеченному недугу»; *yāvadvantavyagamanāt* — «Он — Сугата (*legs par gshegs pa*), так как ушел настолько далеко, насколько возможно, подобно тому, как сосуд полностью наполнен». С другой стороны, в сочинении «Дхармаскандха» сказано: *sugata iti sukhito bhagavān svargataḥ avyathitadharmasamanvāgataḥ tad usyate sugataḥ* — «Бхагаван обрел небесное блаженство; он лишен страданий и обладает свойством отсутствия страдания». Поэтому этот термин можно перевести как *bde bar gshegs pa* («тот, кто достиг блаженства») или *bde bar brnyes pa* («тот, кто обрел блаженство»). Из этих двух выбран вариант *bde bar gshegs pa*, так как он традиционно принят и согласуется с текстом «Дхармаскандхи» [2. P. 144–145].

Вторая словообразовательная модель не имеет таких особенностей и представляет собой простую кальку санскритской словообразовательной модели: существительное + глагол > существительное, например: *chos* «учение» + *skyong* «защищать» > *chos skyong* «хранитель учения» (санскр. *dharma-pāla*); *bdud* «препятствие» + *‘dul* «преодолевать» > *bdud ‘dul* «побеждающий препятствия» (санскр. *mārajit*); *gnod* «вред» + *sbyin* «давать» > *gnod sbyin* «разновидность демонов» (санскр. *yakṣa*); *dge* «подавание» + *slong* «просить» > *dge slong* «монах» (санскр. *bhikṣu*); *sku* «тело» + *bsrungs* «защищать» > *sku bsrungs* «телохранитель» (санскр. *‘tālavarga*); *don* «цель» + *grub* «достигать» > *don grub* «достигший цели» (санскр. *siddhārtha*); *rtsod* «сомнение» + *med* «отсутствие» > *rtsod med* «лишенный сомнений» (санскр. *nirdvandva*) [2. P. 108–109].

Третья словообразовательная модель, характерная для тибетских лексических кальек с санскрита, носит отпечаток своеобразия морфологии санскритского глагола, изначально совершенно чуждого тибетскому языку: интенсификатор + глагол > глагол, например: *mngon par* «явно» + *‘byung* «выходить» > *mngon par ‘byung* «покидать дом, чтобы стать монахом» (санскр. *niṣ-√kram*); *mngon par* «явно» + *shes* «знать» > *mngon par shes* «знать при помощи сверхъестественных способностей» (санскр. *abhi-√jñā*); *rnam par* «особенно» + *shes* «знать» > *rnam par shes* «сознавать» (санскр. *vi-√jñā*); *rnam par* «особенно» + *rtog* «знать» > *rnam par rtog* «создавать ментальные конструкты» (санскр. *vi-√kṛp*); *so sor* «по отдельности» + *rtog* «знать» > *so sor rtog* «точно знать» (санскр. *pratyava-√ikṣ*); *so sor* «по отдельности» + *mnyan* «слушать» > *so sor mnyan* «отвечать» (санскр. *prati-√śru*); *rab tu* «высоко» + *gnas* «находиться» > *rab tu gnas* «освящать» (санскр. *prati-√sthā*); *rab tu* «высоко» + *sbyor* «соединять» > *rab tu sbyor* «практиковать» (санскр. *pra-√yuj*); *rab tu* «высоко» + *‘byung* «выходить» > *rab tu ‘byung* «покидать дом, чтобы стать монахом» (санскр. *pra-√vraj*); *rjes su* «вслед» + *byed* «делать» > *rjes su byed* «подражать» (санскр. *anu-√kr*); *rjes su* «вслед» + *‘dzin* «держат» > *rjes su ‘dzin* «заботиться» (санскр. *anu-√grah*); *rjes su* «вслед» + *dran* «помнить» > *rjes su dran* «практиковать созерцательную осознанность» (санскр. *anu-√smṛ*); *nye bar* «близко» + *‘jog* «класть» > *nye bar ‘jog* «применять» (санскр. *upa-√sthā*) [2. P. 110].

Корень санскритского глагола способен присоединять приставки, которые порой не оказывают существенного влияния на семантику глагола, порой меняют ее незначительно, а порой — самым коренным образом, притом что исконно тибетской морфологии глагольная префиксация несвойственна. В последующем переведенные на тибетский язык глаголы с приставками могут быть номинализованы: *so sor thar pa*: «индивидуальное освобождение» > «монашеский устав» (санскр. *prātimokṣa*), *rjes su drag pa*: «последовательное измерение» > «логическое заключение» (санскр. *anumāna*), *gnam par smin pa*: «особенное созревание» > «кармическое воздаяние» (санскр. *vipāka*) [2. P. 110–111].

Следующим этапом в жизни лексического новообразования может быть его лексикализация в сокращенной двусложной форме после выпадения служебных формантов: *gnam par shes pa* > *gnam shes* — «сознание» (санскр. *viścāna*), *gnam par rtog pa* > *gnam rtog* — «ментальное конструирование» (санскр. *vikalpa*), *nye bar 'jog pa* > *nye 'jog* — «применение» (санскр. *upasthā*), *rab tu gnas pa* > *rab gnas* — «освящение» (санскр. *pratiṣṭhā*), *mngon par shes pa* > *mngon shes* — «сверхъестественные способности» (санскр. *abhijñā*), *so sor thar pa* > *so sor thar* — «монашеский устав» (санскр. *prātimokṣa*), *gnam par smin pa* > *gnam smin* — «кармическое воздаяние» (санскр. *vipāka*), *rjes su drag pa* > *rjes drag* — «логическое заключение» (санскр. *anumāna*) [2. P. 111].

Таким образом, в процессе перевода буддийских текстов на тибетский язык изменился (или обогатился) словообразовательный блок морфологии тибетского языка.

Все это позволяет говорить о существенных особенностях языка тибетских переводов с санскрита (известный немецкий индолог и тибетолог Михаэль Хан использует даже такой англоязычный термин, как *Translationese* — переводной [тибетский язык], письмо от 17.12.2003), но многие особенности, проникшие в тибетский язык благодаря переводам, сохранились в нем и при создании уже автохтонных текстов на новом тибетском литературном языке.

Влияние, обусловленное многочисленными переводами с санскрита культуроформирующих текстов, естественно, не ограничивалось формированием лексического уровня нового тибетского литературного языка, но было связано и с содержанием этого корпуса текстов, и их дискурсом, также новым для тибетской культуры.

Как уже было сказано выше, буддийские канонические тексты, переведенные на тибетский язык в основном с санскрита, но также и с китайского, хотано-сакского, уйгурского и других языков, были объединены в два собрания: Кангьюр и Тенгьюр.

Согласно существующим исследованиям тибетского Кангьюра, различные его редакции включают в себя от 780 до 1114 самостоятельных сочинений, которые объединяются в различное количество разделов (от шести до тринадцати) и публикуются в различном количестве томов (от 100 до 108) [11. С. 38–41, 54–57].

В Кангьюр входят переводы текстов проповедей, приписываемых буддийской традицией самому Будде Шакьямуни, которые условно можно разделить на три вида: тексты по Винае (санскр. *vinaya*, тиб. *'dul ba*, буддийский монашеский дисциплинарный устав), сутры (санскр. *sūtra*, тиб. *mdo*, изложение учения буддизма Махаяны) и тантры (санскр. *tantra*, тиб. *rgyud*, изложение учения тантрического буддизма Ваджраяны).

Модели текстов, входящих в Кангьюр, не использовались в Тибете для создания самостоятельных произведений: тибетских апокрифов, приписываемых Будде Шакьямуни, не существует, в отличие от Китая. Они служили в качестве фундамента буддийской религиозной культуры Тибета: сформулированные в них доктрины развивались

в самостоятельных произведениях тибетских авторов, к ним применялись процедуры цитирования, сокращенного изложения и пр.

Редакции Тенгьюра включают в себя от 3403 до 3459 самостоятельных сочинений, которые объединяются в различное количество разделов (от двух до восемнадцати) и публикуются в различном количестве томов (224–225) [11. С. 42–46, 57–58].

Большинство сочинений, входящих в состав Тенгьюра, могут быть отнесены к жанру шастр (санскр. śāstra, тиб. bstan bcos, трактаты, или комментарии к Слову Будды), но тематика их достаточно разнообразна. В состав Тенгьюра входят гимны, комментарии к различным сочинениям Кангьюра, письма и послания, а также произведения, посвященные различным буддийским наукам [11. С. 58; 14].

Концепция восемнадцати или десяти наук (санскр. vidyasthāna, тиб. rig pa'i gnas, букв. «область знаний») была заимствована тибетцами в Индии вместе с текстами, относящимися к этим наукам. Более распространенным является деление на десять наук: пять великих и пять малых [11. С. 81–89].

К числу великих наук (тиб. rig gnas che ba lnga) относятся: 1) санскр. adhyātma-vidyā, тиб. nang gi rig pa — «внутренняя наука», т. е. изучение различных религиозно-философских доктрин буддизма (в нартанском издании — 181 том из 224, около 2300 сочинений); 2) санскр. hetu-vidyā, тиб. gtan tshigs kyi rig pa «логика» (21 том, 61 сочинение); 3) санскр. śabda-vidyā, тиб. sgra'i rig pa «наука о звуках» (состоящая из знаний о произнесенных и произнесенных звуках — последние относятся к области грамматики; 4 тома, 48 сочинений); 4) санскр. cikitsā-vidyā, тиб. gso ba'i rig pa «медицина» (5 томов, 7 сочинений); 5) санскр. śilpakarmasthāna-vidyā, тиб. bzo gnas kyi rig pa, «ремесла» (1 том, 41 сочинение) [11. С. 58, 89–109].

К числу малых наук (тиб. rig gnas chung ba lnga) относятся: 1) санскр. kāvyā, тиб. snyan ngag «поэтика»; 2) санскр. abhidhāna, тиб. mngon brjod «синонимия»; 3) санскр. chandam, тиб. sdeb sbyor «просодика»; 4) санскр. jyotiṣa, тиб. skar rtsis «астрология»; 5) санскр. naṭa, тиб. zlos gar «драматургия / хореография» [11. С. 110–112].

Кроме того, в состав Тенгьюра входят переводы восьми индийских дидактических стихотворных трактатов-нитишастр (санскр. nitiśāstra, тиб. lugs kyi bstan bcos), а также ряда писем или посланий (санскр. lekha, тиб. 'phrin yig) [11. С. 112–125].

Таким образом, проанализировав структуру и содержание Кангьюра и Тенгьюра, составленных в Тибете из переводов главным образом с санскрита, которые были выполнены в высшей степени систематическим образом в соответствии с коллективно выработанными принципами перевода и лексикографическими справочниками, можно вслед за отечественной исследовательницей В.С. Дылыковой сделать следующие выводы: «Тибетский канон не только отразил культуру буддийской Индии во многих ее аспектах, но и оказал огромное влияние на социальную и духовную жизнь тибетского общества, на выработку стереотипов поведения и мышления тибетцев. Он оказал также решающее воздействие на становление и развитие тибетской традиционной литературы, послужив отправной точкой для формирования ее жанров и сцементировав их идеологией буддизма» [12. С. 210–211].

Необходимо отметить также, что помимо сочинений, вошедших в состав двух канонических сборников на тибетском языке, с санскрита на тибетский также были переведены такие памятники индийской повествовательной литературы как «Панчатантра», «Хитопадеша», «Двадцать пять рассказов Веталы», «Жития восьмидесяти четырех сидхов», «Облако-вестник» Калидасы, «Рамаяна» и другие сочинения, ставшие неотъемлемой частью не только индийской, но и тибетской литературы.

Именно эту особенность тибетской письменной культуры имеет в виду отечественная исследовательница А.Д. Цендина: «Тибетская литература удивляет прежде всего тем, что она исключительно зависима от древней индийской словесности. Какое произведение, содержащее элементы художественности, ни возьмешь, оно, за редким исключением, написано на сюжет индийского происхождения. Индийское влияние сказалось и на стилистике тибетской литературы» [15. С. 171].

Однако следует сказать, что влияние индийской культуры проявлялось не только в заимствовании жанров и конкретных произведений, но и в формировании собственно тибетских жанров, которые, впрочем, не могли бы возникнуть без корпуса текстов и понятий, полученных от индийцев.

Общая схема системы жанров тибетской литературы, предлагаемая авторами коллективной монографии «Тибетская литература: система жанров», включает в себя как переводные, так и оригинальные компоненты, подавляющее большинство которых не могли бы появиться без индийского влияния. Приведем в качестве примеров такие жанры, как история учения (тиб. chos 'byung), житийную литературу (тиб. rnam thar), списки полученных наставлений (тиб. gsan yig), руководства по ведению религиозного диспута (тиб. yig cha), тексты о ступенях пути пробуждения (тиб. lam rim), устные наставления (тиб. gdams ngag), различные виды ритуальных текстов [8. Р. 30–31].

Таким образом, не только язык Древней Индии — санскрит — оказал существенное влияние на различные компоненты тибетского литературного языка, сформировавшегося во многом благодаря переводам с санскрита и в их процессе, но и внушительный корпус переведенных текстов определил пути развития тибетской письменной культуры и словесности. Классификация предметов и способов описания (о чем и как писать) легла в основу функциональных жанров оригинальной тибетской литературы.

Представляется, что особое внимание стоит обратить на те сочинения, входящие в состав Тенгьюра, которые имеют непосредственное отношение к грамматике и поэтике. Тибетцы заимствовали у древних носителей индийской культуры не только систему понятий, отразившуюся прежде всего в лексике, не только систему жанров, определившую пути развития тибетской литературы в целом, но и базовые принципы научного изучения языка и литературы, положив их в основу традиционного тибетского языкознания, стилистики, лексикографии и других компонентов филологического знания.

Как уже говорилось выше, в состав Тенгьюра входят тибетские переводы 47 древнеиндийских лингвистических трактатов, посвященных таким лингвистическим предметам, как: фонология, морфология, морфонология, синтаксис, семантика классического санскрита, в частности: глагольным приставкам, именному склонению и словообразованию, глагольному спряжению, семантике отрицания, глагольным корням (санскр. dhātupāṭha).

Изложение в этих трактатах следует, главным образом, санскритским грамматическим системам «Катантра» (санскр. Kātantra) и «Чандра» (санскр. Cāndra), менее сложным, чем грамматика Панини, и наиболее популярным среди индийских буддистов. Однако среди них есть и тексты, принадлежащие к традициям грамматик Панини и «Сарасвата» (санскр. Sārasvata). Среди этих 47 сочинений есть как базовые тексты этих древнеиндийских лингвистических традиций, так и комментарии к ним. 23 из них упоминаются уже в двух каталогах Тенгьюра XIV в., еще 24 названия появляются лишь в изданиях Тенгьюра XVIII в. [9. Р. 46–84, 109–137].

История изучения санскритской грамматики в Тибете освещается в таких извест-

ных памятниках тибетской историографии, как «Описание всех наук» (тиб. *shes bya kun khyab*) Конгтул Лодротхайе (тиб. *kong sprul blo gros mtha' yas*) и историях учения (тиб. *chos 'byung*) Бутон Ринчендуба (тиб. *bu ston rin chen grub*) и Таранатхи Кунганьингбо (тиб. *tāranātha kun dga' snying po*) [9. Р. 166–202].

Однако не все сочинения на тибетском языке, рассматривающие проблемы санскритской грамматики, были переводными. Голландский исследователь Питер Верхаген выделяет в составе тибетского Тенгьюра 6 сочинений, написанных тибетскими авторами и связанных с грамматикой санскрита. Одним из них он считает уже упомянутый выше терминологический санскритско-тибетский словарь «Махавьютпатти» [10. Р. 5–28, 37–57].

П. Верхаген также приводит подробные сведения о 40 сочинениях, написанных тибетскими авторами и связанных с грамматикой санскрита, но не входящих в состав Тенгьюра [10. Р. 29–36, 58–101, 140–202]. В некоторых из них затрагиваются и вопросы грамматики тибетского языка (в основном в сопоставлениях с санскритом).

Существуют также 15 тибетских переводов санскритских грамматических сочинений, не включенных в состав Тенгьюра. Среди них есть как новые редакции переводов, входящих в Тенгьюр, так и переводы других текстов [10. Р. 102–139].

Сочинения, написанные тибетскими авторами о грамматике тибетского языка, следуют традициям санскритских грамматиков. Первыми тибетскими трактатами о тибетском языке являются произведения, приписываемые легендарному создателю тибетской письменности Тхонми Самбхоте, — «Сумчупа» (тиб. *sum su pa*) и «Тагкичжугпа» (тиб. *rtags kyi 'jug pa*). Анализу индийских грамматических концепций, используемых авторами традиционных описаний тибетской грамматики, посвящена обширная литература [10. Р. 214–322; 13; 4; 5].

В числе особенностей традиционных тибетских грамматиков, сближающих их с традиционным индийским языкознанием, упоминается использование индийской грамматической терминологии и объяснительных моделей для описания фонологических, морфологических и синтаксических явлений тибетского языка, подражание стилистике и композиции древнеиндийских грамматических трактатов.

В то же время, лингвистическая мысль тибетских авторов не ограничивалась использованием готовых концепций, заимствованных в индийских грамматических системах. К сожалению, недостаточная степень изученности памятников традиционной тибетской грамматики не позволяет уверенно охарактеризовать степень новаторства традиционных тибетских грамматиков по сравнению с их индийскими предшественниками.

Также малоизученным на сегодняшний день остается процесс внедрения в тибетскую традиционную культуру концепций древнеиндийской поэтики и их творческого переосмысления. Бесспорным фактом является лишь то, что один из главных индийских трактатов «Зерцало поэзии» (санскр. *kāvyaśāstra*, тиб. *snyan ngag me long*) Дандина (санскр. *daṇḍin*, тиб. *dbuug pa can*), описывающий важнейшие категории санскритской поэтики (такие как «украшения», «достоинства» и «недостатки») был переведен на тибетский язык, включен в состав Тенгьюра и оказал колоссальное влияние на развитие тибетской литературной стилистики, неоднократно становясь предметом комментирования тибетских авторов [11. С. 110–111]. Практическое изучение санскрита, индийских грамматических концепций и индийской поэтики были весьма популярны у представителей интеллектуальной элиты тибетского общества, прежде всего у иерар-

хов тибетской буддийской церкви (в частности, одним из поклонников традиционных индийских филологических наук и автором сочинений на соответствующие темы был Великий Пятый Далай Лама Нгаванг Лосанг Гьяцо (тиб. ngag dbang blo bzang rgya mtso, 1617–1682).

Таким образом, можно утверждать, что санскрит стал для тибетской культуры не только источником собственно языкового влияния, но и средством заимствования из древнеиндийской общественной жизни значительного количества культурных моделей, связанных как с развитием тибетской письменной словесности, так и с формированием специальных областей научного знания, в том числе таких направлений традиционной филологической науки, как языкознание и поэтика.

Литература

1. A New Critical Edition of the MAHĀVYUTPATTI. Sanskrit-Tibetan-Mongolian Dictionary of Buddhist Terminology. Ed. Yumiko Ishihama, Yoichi Fukuda. The Toyo Bunko, 1989. (Studia Tibetica, N 16, Materials for Tibetan-Mongolian Dictionaries, Vol. 1). 40 + 460 p.
2. Beyer S.V. The Classical Tibetan Language. New York, 1992. xxvi + 503 p.
3. Ishikawa M. A Critical Edition of the Sgra sbyor bam po gnyis pa. An Old and Basic Commentary on the Mahāvūyutpatti. The Toyo Bunko, 1990. (Studia Tibetica, N 18, Materials for Tibetan-Mongolian Dictionaries, Vol. 2). 13 + 137 p.
4. Miller R.A. Prolegomena to the First Two Tibetan Grammatical Treatises. Wien, 1993. (Wiener Studien zur Tibetologie and Buddhismuskunde, Ht. 30). 252 p.
5. Miller R.A. Studies in the Grammatical Tradition in Tibet. Amsterdam, 1976. (Amsterdam Studies in the Theory and History of Linguistic Science. Series III — Studies in the History of Linguistics, Vol. 6). XIX + 142 p.
6. Seyfort Ruegg D. Sanskrit-Tibetan and Tibetan-Sanskrit Dictionaries and Some problems in Indo-Tibetan philosophical Lexicography // Lexicography in the Indian and Buddhist Cultural Field. Proceedings of the Conference at the University of Strasbourg 25 to 27 April 1996. Munich, 1998. P. 115–141.
7. Simonsson N. Indo-tibetische Studien, Die Methoden der tibetischen Übersetzer, untersucht im Hinblick auf die Bedeutung ihrer Übersetzungen für die Sanskrit — Philologie. Uppsala, 1957. 291 p.
8. Tibetan Literature — Studies in Genre: Essays in Honor of Geshe Lhundrup Sopa / Ed. by J.I. Cabezón, R.R. Jackson. New York, 1996. 549 p.
9. Verhagen P.C. A History of Sanskrit Grammatical Literature in Tibet. Vol. I. Transmission of the Canonical Literature. Leiden, 1994. (Handbuch der Orientalistik, Abt. 2, Indien, 8.1). xvi + 355 p.
10. Verhagen P.C. A History of Sanskrit Grammatical Literature in Tibet. Vol. II. Assimilation into Indigenous Scholarship. Leiden, 2001. (Handbuch der Orientalistik, Abt. 2, Indien, 8.2). xii + 454 pp.
11. Введение в изучение Ганчжура и Данчжура. Историко-биографический очерк. Новосибирск, 1989. 199 с.
12. Дылыкова В.С. Тибетская литература. Краткий очерк. М., 1986. 240 с.
13. Иванов Вяч. В.с. Тибетская грамматическая традиция в соотношении с санскритской (опыт комментария) // История лингвистических учений. Средневековый восток. Л., 1981. С. 177–201.
14. Пубаев Р.Е. Об изучении источников по средневековым наукам на тибетском и монгольском языках в Бурятии // Источниковедение и текстология памятников средневековых наук в странах Центральной Азии. Новосибирск, 1989. С. 9–23.
15. Цендина А.Д. ...И страна зовется Тибетом. М., 2002. 304 с.

УДК 81'44

В.Б. Касевич

О КВАНТИТАТИВНО-ТИПОЛОГИЧЕСКИХ ИНДЕКСАХ ДЛЯ ХАРАКТЕРИСТИКИ ВОСТОЧНЫХ ЯЗЫКОВ

Вводные замечания и исходные положения

Настоящая статья представляет собой сокращенный вариант промежуточного отчета по коллективному проекту, над которым работает группа сотрудников Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета¹. Этот проект во многом продолжает исследование, результаты которого были опубликованы в [7]. Подход, принятый в монографии, исходил из идей американского лингвиста Дж. Гринберга [2], который, в свою очередь, предпринял попытку формализовать и квантифицировать типологические постулаты Э. Сепира. Уже в монографии 1982 г. многие положения Гринберга были уточнены и модифицированы авторским коллективом, о чем подробно говорится в тексте монографии и не будет здесь воспроизводиться. Неизменным для всех названных работ выступает признание того основополагающего факта, что ни один язык не является «чистым» представителем того или иного типологического класса — в частности, во всех языках можно обнаружить черты агглютинации, флексии, изоляции и т. п. Речь должна идти о том, в каких «пропорциях» сочетаются разные черты в каждом конкретном языке, типологическом подклассе языков — и именно это вызывает к жизни квантитативный подход в типологии.

Для любого типологического исследования, претендующего на некоторые обобщения, важна проблема языковой выборки. Даже отвлекаясь от общетеоретических обоснований принципов, в согласии с которыми должна формироваться релевантная выборка языков для типологического исследования², надо признать объективную неустранимость проблемы выбора между двумя вариантами чисто практического свойства: при оперировании достаточно широким кругом языков авторы исследования должны либо полагаться на имеющиеся в литературе описания конкретных языков, охваченных исследованием, либо сотрудничать в качестве соавторов со специалистами по соответствующим языкам. При выборе первого варианта мы неизбежно сталкиваемся с объективной невозможностью получить релевантные данные в нужном формате; при выборе второго варианта мы столь же неизбежно ограничены доступностью специалистов по конкретным языкам, которые были бы готовы войти в авторский коллектив.

Исходя из признания примата добротности, надежности исходного языкового материала, мы выбираем — как в работе 1982 г., так и в настоящем проекте — второй из обозначенных вариантов, т. е. исходим из доступности специалистов по конкретным языкам. Это делает набор языков в известной степени случайным (так, в нашей выборке виден определенный перекоп «в пользу» семитских языков — что, впрочем, создает

условия для более обстоятельного анализа важных проблем семитской грамматики), но порождает возможность работы с текстами, которые выступают исходным материалом анализа.

Как хорошо известно, Гринберг проводил свои количественно-типологические исследования на материале отрывков текстов объемом в 100 слов. Учитывая необходимость расширения текстовой базы, а также принимая во внимание объективные трудности формализации понятия слова, мы, в рамках данного проекта, исходили из анализа отрывков текста объемом в 800–1000 *слов*. Участникам проекта рекомендовалось подбирать монологические тексты нарративного и при этом событийного характера.

Любое типологическое исследование возможно постольку, поскольку доступен общий понятийный аппарат для описания и последующего сравнения соответствующих объектов. Лингвистические понятия (слово, морфема и т. д. и т. п.), как уже отчасти упомянуто выше, лишь с трудом поддаются формализации, а из этого следует, что сравнение языков в терминах таких недостаточно формализованных единиц (проще говоря, когда «слово» применительно к разным конструкциям и, тем более, разным языкам значит не совсем одно и то же) чревато некорректными выводами. Снять эту проблему, несмотря на достаточную «продвинутость» соответствующих исследований [9], невозможно. В качестве ориентира для квалификации конкретных единиц текстов в качестве слов, морфем, аффиксов и т. п. служили разработки, представленные в предыдущих публикациях [7; 3]. Серьезные проблемы, с которыми авторы сталкивались в конкретных текстах, активно обсуждались коллективом участников в рамках постоянного семинара по теме проекта.

Набор типологических индексов, численные значения которых дают возможность делать выводы о принадлежности языка к тому или иному подклассу, в настоящем проекте существенно изменены и расширены по сравнению со «списком Гринберга». Ниже эти индексы представлены с обоснованием их типологической и иной релевантности (порядок введения индексов относительно незначим). Как представляется, принципиально важны *деятельностные аспекты* индексов, которые абсолютно не затрагивались ни в системе Гринберга, ни в нашей работе 1982 г.: имеется в виду связь типологических параметров со стратегиями порождения и восприятия речи [6]. Кроме того, гринберговская парадигма была ограничена морфологией, в то время как в рамках настоящего проекта в определенной степени представлены также синтаксические и, меньше, семантические аспекты.

Типологические индексы и обоснование их релевантности

1. Процент одно-, дву- и трехсложных слов. Индекс отражает удельный вес слов соответствующего слогового состава в тексте, выбранном в качестве базы исследования. На первый взгляд, этот индекс носит преимущественно внешний характер, показывая «склонность» языка (или функционального стиля в данном языке) оперировать словами той или иной «длины». Даже если бы этим и исчерпывалась значимость данного параметра, он был бы небезразличен для функционирования языка и для сравнения разных языков³. Однако в действительности роль данного параметра гораздо больше. Как показывают специальные исследования, носитель языка использует **разные стратегии** для восприятия длинных и коротких слов. Так, носители английского языка при восприятии коротких слов в большей степени опираются на начальную фонему слова,

а при восприятии длинных слов — на ударную гласную [13. С. 97]. Иначе говоря, перцептивную когорту для длинных слов формируют слова-кандидаты с той же ударной гласной, а для коротких слов — слова-кандидаты с одной и той же начальной фонемой.

Для английского языка связь длины слова со специфическими перцептивными стратегиями важна еще и потому, что с длиной слова скоррелированы лексические пласты английского словаря: короткие слова — это нормально исконная германская (англосаксонская) лексика, в то время как длинные — по преимуществу заимствования (в том числе и хорошо ассимилированные) романского и иного происхождения. Для всех языков с увеличением длины слов, как минимум, возрастает вероятность его уверенного распознавания — по той простой причине, что длинное слово несет больше информации (в вероятностном смысле этого термина).

Таким образом, будучи получен на материале конкретного текста, индекс «сложности» дает представление прежде всего о том «материале», с которым имеет дело адресат текста — читатель, слушатель. Иначе говоря, наблюдается чрезвычайно интересное взаимопроникновение типологического и деятельностного (перцептивного) аспектов.

2. *Процент одно-, дву- и трехморфемных слов.* Еще в 1960-е гг. (работы Московича и др. [10]) было предложено различать длину и глубину слова (число слогов и число морфем в слове соответственно). К сожалению, эти идеи не получили должного развития. Между тем, «морфосложность» слова также связана с важными типологическими и перцептивными аспектами. С повышением числа морфем в составе слова повышается и степень его мотивированности. А это, в свою очередь, способствует обращению к морфемному составу при восприятии речи. Прочитав автор уже упоминавшегося исследования: «При восприятии программы четырех- и более сложных слов британцы прежде всего опираются на ударную гласную. На втором месте оказывается *консонантный коэффициент*, который превышает вес признака *частотность*. **Большую значимость приобретает признак длина в морфемах**» (выделено нами. — В.К.) [13].

3. *Процент словоформ, совпадающих со словарной формой слова.* Данный индекс нуждается в некоторых оговорках, которые связаны с понятием словарной формы. Дело в том, что словарная форма в данном случае — это не всегда реальная вокабула, заглавная для соответствующей словарной статьи. Выбор формы, являющейся представителем лексемы в традиционном словаре, может быть обусловлен самыми разными факторами, в том числе и локальной филологической традицией. Мы же имеем в виду ту форму, которая выступает основной для порождения других форм, с этой точки зрения производных. Предполагается, что в ментальном лексиконе представлены именно такие формы, а производные (там, где они имеются) порождаются из словарных по определенным правилам. В качестве словарной формы может фигурировать и основа. Например, для русского глагола словарной формой-основой для порождения (получения) формы настоящего времени, активного причастия наст. времени, деепричастия несовершенного вида используется так называемая презентная основа, ср. *чита́й-у, чита́й-ущий, чита́й-а*. Следует признать, что настоящий индекс весьма важен как в типологическом, так и в деятельностном аспекте — на сей раз преимущественно в плане речепорождения. Преобладание в тексте словарных форм объективно означает, что говорящий, осуществляя селекцию слов в словаре, «экономит» на этапе порождения словоформ, требуемых синтаксической структурой высказывания (и некоторыми собственно семантическими характеристиками). В последовательно изолирующем языке слова действительно нормально «берутся» из словаря и помещаются в соответствующие синтаксические

позиции без изменения формы (таковых изменений в системе просто не существует). В отличие от этого, в преимущественно флективном языке словарная единица должна претерпеть морфологические трансформации для введения соответствующего слова в нужную синтаксическую позицию. Типологически промежуточный вариант — порождение агглютинативной словоформы по правилам, в пределе не знающим исключений.

4. *Процент производных слов (отдельно — аффиксальных и сложных)*. Как известно, Щерба различал проблемы «как делаются слова?» и «как сделаны слова?». Данный индекс отражает преимущественно первый из вопросов. Поскольку в обоих случаях (аффиксальная деривация и образование сложных слов) мы имеем дело с продуктивными процессами, здесь, как и применительно к предыдущему индексу, можно говорить и о степени мотивированности слова, и о различных типах перехода от словаря к тексту; например, в русском языке высокий процент присутствия в тексте продуктивных (и высокочастотных) словообразовательных аффиксов типа *-чик/-щик, -тель* и т. п. — важная типологическая характеристика, отличающая русский от дан-гуэта и других изолирующих языков, где подобная деривационная техника отсутствует (ср. табл. 2).

5. *Процент служебных слов (от общего числа служебных морфем и от общего числа слов; предлоги/послелоги, связки)*. Индекс 5 можно было бы назвать «индексом аналитичности»: он в значительной степени указывает на то, в какой степени в данном языке грамматические значения передаются с помощью особых — служебных — слов, т. е. вне слова.

6. *Процент аффиксов (от общего числа служебных морфем), префиксов, суффиксов, инфиксов, конфиксов, трансфиксов (от общего числа аффиксов)*. Индекс 6 имеет противоположную (по отношению к индексу 5) природу: здесь мы получаем информацию о том, какова роль (каков удельный вес) внутрисловных грамматических средств разного рода.

7. *Средняя длина предложения (в словах)*. Индекс «средняя длина предложений» (где предложение понимается наиболее прямолинейным способом — «от точки до точки») открывает раздел синтаксических индексов (как уже упоминалось выше, ни в одной из предыдущих работ квантитативно-типологического плана синтаксис и семантика не учитывались вообще). Здесь, как нетрудно видеть, мы опять имеем дело с взаимодействием типологического и деятельностного аспектов. Точнее, обладая соответствующей информацией, исследователь может ставить вопрос о том, является ли такой параметр, как длина предложения, с одной стороны, типологически значимым, а, с другой, если является, то используется ли это как-то в процессах восприятия (прежде всего) и порождения речи. С одной стороны, применительно к индексу 7 можно утверждать, что это синтаксический аналог индекса 2: как слово состоит из морфем, и языки отличаются по «морфосложности», так предложение состоит из слов, и можно предположить, что языки отличаются друг от друга по «словосложности» предложений. Но вполне возможно и другое: принимая во внимание, что существуют известные ограничения на объем оперативной памяти, не исключено, что все языки стремятся к некоторой оптимальной длине предложений (и синтагм, что здесь не рассматривается) в терминах слов — и тогда мы будем иметь дело со своего рода статистическими универсалиями.

8. *Процент простых предложений*. Если не считать некоторых замечаний К. Бюлера, как будто бы никто не занимался тем, отличаются ли языки с точки зрения предпочтения простых vs. сложных (и «осложненных») предложений. С одной стороны, здесь можно видеть синтаксический аналог «индекса синтетичности» по Гринбергу. С дру-

гой, предпочтение простых предложений, если оно имеет типологическую «привязку», можно расценивать как своего рода «архаическую» черту — вместе с низкими значениями индекса 7, который, кстати, используется для оценки уровня развития языка в онтогенезе. Наконец, и здесь также можно ожидать возможности выхода в сферу речевой деятельности: большой интерес представляет вопрос о том, как в процедурах восприятия речи соотносятся синтаксическая и семантическая декомпозиция.

9. *Соотношение заполненных и незаполненных актантных позиций (отдельно для одно-, двух- и трехвалентных глаголов).* Индекс 9 дает в распоряжение исследователя весьма богатую разностороннюю информацию: от различения pro-drop languages vs. non-pro-drop languages по Хомскому до установления корреляций между типами культурных общностей. Достаточно давно было обращено внимание на то, что, скажем, в русском языке вполне обычны высказывания «Завтра еду в Москву», в испанском и итальянском аналогичные высказывания с опущенным первым актантом предпочтительны, а в английском или французском они исключены или сильно стилистически ограничены. Вполне очевидно, что здесь мы имеем дело с важным типологическим параметром.

10. *Процент предложений, включающих разного рода «обороты», построенные с использованием нефинитных форм глагола — причастий, деепричастий и т. п.* Данный индекс предоставляет возможность выделить типологически важную группу языков (в основном агглютинативного строя), для которых типичны синтаксические стратегии «подчинения» одних конструкций другим (обычно за счет использования нефинитных форм глагола-сказуемого) в рамках «осложненного» предложения.

11. *Индекс дейктивности (число дейктических местоимений на предложение-клаузу).* Настоящий индекс, как и последующий, равно и некоторые из предыдущих, призваны отражать **комплексные** признаки языка и текста: низкие значения индекса дейктивности должны свидетельствовать о развитости специфических правил эллипсиса, типичность опущения первого актанта, прежде всего местоимения 1-го л., которое ведет к понижению индекса дейктивности, говорит о том, что перед нами pro-drop language, а это — о типе культуры и т. д. и т. п.

12. *Индекс анафоричности (число анафорических местоимений на предложение-клаузу).* Развитость анафорических средств отражает формализацию (грамматикализацию) связности текста, что еще не выступало предметом типологических штудий, но несомненно заслуживает этого.

Глоссирование текста и типологический «экспресс-анализ»

В лингвистических работах очень часто содержатся значимые единицы на языке или языках, которые отличаются от языка самих этих работ. Такого рода *языковой материал* — морфемы, слова, словосочетания, тексты — призван обычно проиллюстрировать положения, которые в работах формулируются относительно соответствующих языков (иногда относительно языка вообще). Если приводимые примеры принадлежат одному из наиболее распространенных языков (английскому, французскому, немецкому) или же относятся к тому же языку, что и язык самой работы, то они часто остаются без перевода; анализ их внутренней структуры тоже дается не всегда. Однако если привлекается материал иных языков, менее известных, то — особенно в последнее время — достаточно широко используется так называемое глоссирование: при каждом слове и его

компоненте (обычно морфеме) приводятся их глоссы. Само понятие глоссы возникло в практике комментирования письменных текстов, где оно обозначало толкование устаревшего, непонятого слова (интерлинейные глоссы, расположенные над или под толкуемым словом, и маргинальные глоссы, расположенные на полях). В данном случае под глоссами имеют в виду перевод морфем и слов в составе приводимых примеров, который (перевод) сопровождается необходимой грамматической информацией; последняя предстает «зашифрованной» с помощью принятых символов и сокращений, которые отражают грамматические (категориальные) признаки толкуемых морфем/слов. Например, русский пример *поехали* в работе на английском языке будет представлен так (без вычленения приставки и основообразующего аффикса):

поеха-л-и
go-PST-PL,

где PST означает прош. время, а PL — множ. ч.

Система правил глоссирования, которая приобрела наибольшую популярность, была разработана преимущественно сотрудниками Отдела лингвистики Института эволюционной антропологии им. Макса Планка (Бернард Комри, Мартин Хаспельмат — Лейпциг) и кафедры лингвистики Лейпцигского университета (Балтазар Бикель). Именно эти правила, получившие название Лейпцигских правил глоссирования, использовались в настоящей работе для представления текстов — языкового материала типологического анализа.

Лейпцигские правила — это технический инструмент представления языкового материала. Правила никоим образом не заменяют теоретические подходы, позволяющие лингвисту дать адекватную интерпретацию соответствующему материалу. В то же время недооценивать их тоже не стоит. Во-первых, уже сама необходимость дать описание той или иной единицы в терминах явным образом систематизированных категорий способствует более ясному изложению материала и подходов к нему. Кроме того, при последовательно выполненном глоссировании значительно легче привлекать к обсуждению иноязычного материала тех лингвистов, которые сами этим материалом не владеют, однако обладают опытом решения аналогичных проблем на материале каких-либо иных языков. Во-вторых (и это представляет для нас особый интерес), при принятом здесь подходе, когда глоссируются *тексты*, а не (как обычно) изолированные примеры, само по себе *количество* глоссированного материала порождает новое *качество*. Даже без специального анализа текстов, сам по себе «облик» глосс дает первичное представление о ряде характеристик, релевантных для типологии. Тем самым обеспечивается своего рода типологический «экспресс-анализ».

Прежде всего это относится к использованию символа «точка» в согласии с Лейпцигскими правилами глоссирования. Точка используется в глоссировании прежде всего в тех случаях, когда в слове кумулятивно выражаются лексическое и грамматическое значения. Например, при глоссировании английской словоформы *came* ее представление в строке глоссирования получает вид *come.PST*. Такого рода кумуляция, как известно, характерна для флективных языков. Соответственно число точек, использованных при глоссировании, может использоваться как предварительная мера оценки степени флективности языка. Разумеется, эта мера не является окончательной, в конечном итоге мы должны привлекать данные по присутствию флективных неагглютинативных

аффиксов [3], но поскольку флективность тесно связана с феноменом кумуляции, уже сама по себе насыщенность глосс точками дает общее представление о типологии соответствующего языка.

Аналогичным образом использование символов «обратный слэш» и «тильда» дает предварительное представление о степени использования в языке нелинейных способов выражения грамматических категорий. В случае символа «обратный слэш» — это распространенность в языке внутренней флексии, морфологизованных чередований и т. п., а в случае символа «тильда» — это степень использования редупликации. Для большей точности и объективности в таблице 1 эти характеристики даны относительно числа слов в тексте, использованном для типологического анализа.

Таблица 1

Частота использования символов «точка», «обратный слэш» и «тильда» в глоссированных текстах

		Дан-гуэта	Суа-хили	Телугу	Современный арабский язык каирский диалект	Арабский язык	Иврит	Аккадский	Персидский язык
	Всего слов	599	283	430	523	470	485	489	608
1	Число точек на слово	0,3205	0,5336	1,1326	0,2524	0,1298	0,1319	0,2597	0,4539
2	Число слэшей на слово	0,1235	—	—	—	—	0,0021	—	0,0033
3	Число тильд на слово	—	0,0035	—	0,0325	0,0191	—	—	0,0033

Таблица 1(продолжение)

		Тибетский классический язык	Тибетский современный	Бирманский язык	Китайский язык	Монгольский язык	Индонезийский язык	Японский язык
	Всего слов	463	509	460	637	324	328	337
1	Число точек на слово	0,0669	0,0333	0,0043	0,0282	0,1173	0,0122	0,0682
2	Число слэшей на слово	—	0,0629	0,0174	—	—	—	—
3	Число тильд на слово	—	—	0,0043	0,0204	—	0,0030	—

Таблица 1 наглядно показывает, что очень близкие, генетически и типологически, семитские языки обнаруживают столь же близкую «насыщенность точками»; что агглютинативный суахили по этому показателю близок к флективным языкам; что изолирующие языки почти «не имеют точек» — за исключением, впрочем, тибетского, который и во многих других отношениях отличается от своих генетических «соседей».

Некоторые проблемы семитской морфологии

Одну из типологически неоднозначных ситуаций мы находим в семитских языках, которые составляют не только генетическую, но и типологическую общность⁴. Для начала нужно упомянуть, что семитские языки — единственные среди языков мира, которые широко используют *трансфиксы*. Эта разновидность аффиксов появилась в морфологических описаниях относительно недавно, после исследований И.А. Мельчука [9] и В.П. Старинина [12] (последний использовал примерно синонимичный термин «диффиксы»). До появления указанных работ морфологическая техника, которая получила название трансфиксации (диффиксации), относилась обычно к внутренней флексии: не усматривалось разницы между, например, образованием множ. ч. в англ. языке по типу *foot* ~ *feet* и в арабском по типу *himar-* ~ *hamir-* ‘осел’ ~ ‘ослы’ (транскрипция здесь и далее существенно упрощена). Для последнего случая теория трансфиксации принимает наличие разрывного корня *h-m-r* и разрывных же (и «разрывающих») аффиксов (трансфиксов) *-i-a-* и *-a-i-* для ед. и множ. числа соответственно. Теория трансфиксации, необходимо заметить, гораздо лучше, чем теория внутренней флексии, согласуется с арабской филологической традицией, которая выделяет в словах разрывной, обычно трехгласный, корень и так называемую (гласную) схему; последняя фактически отвечает трансфиксу.

Основная специфика трансфиксов, которая, по мысли соответствующих исследователей, не дает отождествить трансфиксацию с внутренней флексией, заключается в (1) высокой регулярности функционирования трансфиксов, (2) их легкой линейной делимости, которая и говорит о том, что перед нами — «добавление» морфемы к корню, а не операция по преобразованию последнего (в то время как внутренняя флексия выступает именно такой операцией). К этому можно добавить, что введение категории трансфиксов заполняет логическую лауну при распределении аффиксов на префиксы, суффиксы (постфиксы), инфиксы, конфи́ксы. Данная классификация исходит именно из того, что как корни, так и аффиксы могут быть разрывными — и именно трансфиксы используют обе эти возможности (см. табл. 2).

Вместе с тем, более пристальное рассмотрение материала семитских и типологически противопоставляемых им языков показывает, что картина более сложна, нежели ее представляют. Даже если оставаться в пределах анализа, представленного в публикациях последних десятилетий, можно усомниться в том, что есть абсолютно четкая линия разграничения между регулярностью трансфиксации и иррегулярностью внутренней флексии. С одной стороны, выбор используемого трансфикса в конкретной словоформе часто оказывается сугубо узуальным. С другой — «неправильные» формы английского и других германских языков с их классической внутренней флексией при более пристальном анализе оказываются не столь уж «штучными» (ср. [1]). Так, в английском языке аблаут затрагивает всегда первый слог; определенные тенденции наблюдаются в характере чередований: в именах производные получают более передние и/или закры-

Типы аффиксов

Тип аффикса	составной /монолитный	разрывает/не разрывает корень
префикс	—	—
суффикс	—	—
инфикс	—	+
конфикс	+	—
трансфикс	+	+

Комментарий к таблице 2. Как можно видеть, в таблице 1 префиксы и суффиксы совпадают по своим характеристикам. Это вызвано тем, что они противопоставлены по признаку, в данной таблице не учитываемому: позиция относительно корня. Не учитывается также очень редкая возможность вставления инфикса не в корень, а в префикс, представленная в филиппинском (тагальском) языке [11].

тые гласные, ср. *foot* ~ *feet*, а в глаголах ситуация обычно противоположная, ср. *bring* ~ *brought* и т. п.

Но еще более сложные отношения обнаруживаются в закономерностях семитской аффиксации. Достаточно широко известны такие соотношения словоформ (дериватов) в семитских языках, при которых наряду с трансфиксом на морфологическую принадлежность словоформы (деривата) указывает «еще один» аффикс — префикс, суффикс, инфикс или конфикс (последнее — редко). Например, в амхарской словоформе *tenger* (от *nagara* ‘идти’) с корнем *n-g-r* лишь одновременное наличие трансфикса *-θ-e-* и префикса *te-* дает нужную морфологическую характеристику — в данном случае характеристику перфекта.

Как следует трактовать такое сосуществование диакритических средств? Существует соблазн посчитать трансфиксацию в примерах такого типа сугубо **морфонологическим** явлением. В качестве хорошо известной параллели можно сослаться на материал немецкого языка. В немецком имеем выражение множественного числа имени существительного за счет (1) одного лишь чередования гласных — внутренней флексии, ср. *Mutter* ~ *Mütter*, (2) аффиксации *плюс* морфонологическая перегласовка (умлаут), ср. *Kunst* ~ *Künste* и (3) одной лишь аффиксации, ср. *Tag* ~ *Tage* [5]. Однако дело в том, что в примерах типа *tenger* префикс не может брать на себя всю морфологическую нагрузку: просто отсутствуют примеры, когда бы префикс без «поддержки» трансфикса передавал то же значение, что и при наличии трансфикса (именно эту картину мы видели только что на материале немецкого языка, где суффикс *-e* в словоформе *Tage* выполняет функцию передачи множественности без «поддержки» морфонологического явления, как в словоформе *Künste*)⁵.

Другая теоретически возможная интерпретация — признание **синонимии** морфологических средств: мы можем считать, что в приведенном выше амхарском примере значение перфектности передается одновременно двумя (равноправными?)⁶ средствами: префиксом и трансфиксом. Синонимия аффиксов — явление достаточно распространенное, главным образом во флективных языках (к которым принадлежат семитские). Однако такая синонимия — как и синонимия вообще — обычно предполагает **выбор**, т. е. парадигматическое отношение. Например, существуют разные синонимичные аф-

фиксы (окончания) множ. числа существительных в русском языке, ср. *колосья, волосы, голоса*, но в конкретной словоформе выбирается один из них. Трудно представить себе одновременное, синтагматически соотносящееся присутствие двух или более аффиксов, передающих то же значение⁷.

Еще один теоретически возможный вариант интерпретации словоформ (дериватов), подобный примеру *tenger* выше, состоит в том, что в качестве морфологического средства, создающего данную словоформу (дериват), признается **все, взятое в своей целостности** сочетание префикса (суффикса, инфикса) и трансфикса. В нашем случае таким средством выступил бы показатель *te-...-∅-e-*, который здесь и явился бы планом выражения категории перфектности.

Этот показатель можно было бы назвать *гипертрансфиксом*, выделяя, далее, среди гипертрансфиксов *претрансфиксы* (< префикс + трансфикс), *сутрансфиксы* (< суффикс + трансфикс) и *интрансфиксы* (< инфикс + трансфикс). При принятии такой трактовки структурные составляющие гипертрансфиксов, выше условно названные префиксами, суффиксами, инфиксами и трансфиксами, окажутся *субморфами*. О субморфах говорят тогда, когда в составе экспонента морфемы можно выделить составляющие, обнаруживающие известную структурную самостоятельность, аналогичную самостоятельности морфем. Например, в составе корня *огурец* можно выделить субморф *-ец* на том основании, что при склонении соответствующего слова обнаруживается беглый гласный (*огурца, огурцу* и т. д.), и такое «поведение» данного сегмента корня, не являющегося экспонентом морфемы, аналогично чередованиям в суффиксе *-ец*, ср. *горец, горца, горцу* и т. д. [5]. Субморфы, таким образом, морфемоподобны (и исторически часто предстают «бывшими» морфемами, вовлеченными в процесс опрощения). Именно морфемоподобность присуща структурным составляющим гипертрансфиксов при указанной возможной трактовке.

Принятия концепции, исходящей из одновременного употребления в рамках словоформы двух (или даже более) синонимичных аффиксальных средств, можно избежать и другим способом. В описаниях семитских языков весьма заметное место занимает понятие *основы*. Особенно важным понятие основы выступает для глагольной морфологии, где принято говорить о глагольных *породах*. Разные семитские языки располагают не вполне совпадающим репертуаром пород, их набор составляет до нескольких десятков разновидностей⁸. В глагольной морфологии породы обычно обозначаются номерами и характеризуются семантически (например, в арабском языке II порода квалифицируется как основа интенсива, а IV — как основа каузатива). В одних случаях ситуация описывается таким образом, что основа (порода) служит базой для образования соответствующих форм или дериватов, в других же принимается, что сама по себе основа выступает соответствующей формой или дериватом.

С последним вряд ли можно согласиться. *Участие* пород в процессах формо- и словообразования еще не говорит о том, что они *и выступают* соответствующими средствами.

Прежде чем предпринимать обсуждение роли основ в семитской морфологии, полезно в качестве аналогии обратиться к понятию основы (и прежде всего глагольной основы) в русской грамматике.

В грамматике русского глагола принято выделять две главные основы — первую, или презентную (ср. *читай-, думай-* и т. п.) и вторую, или основу прошедшего времени/инфинитива (ср. *чита-, дума-* и т. п.). Уже традиционно используемые обозначения

основ говорят о том, что эти основы играют важную роль в образовании соответствующих форм (настоящего времени, прошедшего времени, инфинитива). Но из признания данного (бесспорного) обстоятельства еще не следуют, что именно основы сами по себе выполняют формообразующие функции — они создают *формальные предпосылки* для выполнения указанных функций.

Видно также, что основа может быть полифункциональной и полисемантической: с одной стороны, первая основа противопоставляется второй как соотносящаяся с иными временными же характеристиками, с другой, во второй соединены без видимой мотивированности отношение к прошедшему времени и связь с инфинитивом. Здесь же можно упомянуть, что презентная основа служит базой не только для образования формы настоящего времени — она выполняет эту роль и для оформления императива, а также неличных форм глагола (причастия, деепричастия, ср. *читай, читающий, читая* и т. п.).

Основы в русском языке образуются от корней с помощью специальной аффиксации: в приведенных выше примерах такими основообразующими аффиксами (суффиксами) выступают *-а* и *-ай*⁹.

Когда единица, материально совпадающая с основой, выступает в функции соответствующей грамматической формы (например, *читай*), это трактуется как использование нулевого окончания (точнее, окончания с нулевым экспонентом, см. [5]): по общему правилу, если при наличии стандартного состава словоформы (здесь «основа + окончание») окончание материально не выражено, оно должно признаваться нулевым (окончанием с нулевым экспонентом).

Как представляется, семитский материал отличает от русского — с интересующей нас сейчас точки зрения — прежде всего заметно более сложная система основ и образующих их аффиксов, функционально-структурных же различий меньше, чем сходней (ср. ниже). Если это так, то соответствующие трансфиксы целесообразно трактовать именно как *основообразующие*, а основы — как некие промежуточные структурные единицы с очень широкой семантикой, которые создают формальные предпосылки для образования соответствующих форм или дериватов. В этом случае мы будем говорить, что, например, аккадская словоформа исторического прошедшего *akšud* '(я) завоевал' образована от основы *kšud*, полученной основообразующим трансфиксом *-ø-и-* от корня *k-š-d*, и формообразующего префикса *a*¹⁰.

Из данной трактовки не следует, что трансфиксы **всегда** выступают как основообразующие аффиксы. Выше мы видели, что противопоставление ед. и множ. числа существительных в арабском языке (так называемое ломаное, или разбитое множественное) может реализоваться за счет самой по себе мены трансфиксов, которые в этом случае трудно не считать формообразующими.

Не вытекает из этой трактовки и невозможность словоформ, которые материально совпадают с основами. Подобно тому, что мы наблюдали выше на материале русского языка, такое совпадение означает употребление морфологического нуля (аффикса с нулевым экспонентом).

Семитский материал при этом обладает по сравнению с русским существенной спецификой, которая проявляется, в частности, в устройстве систем морфологических нулей. В семитских языках есть две разновидности морфологических нулей, которые принадлежат разным подсистемам морфологии. Первая разновидность — это компонент (по-видимому, субморф) трансфикса. Относительно трансфикса следует принять

соглашение, согласно которому трансфикс всегда двухкомпонентен (иначе он превратился бы в инфикс)¹¹, материальная однокомпонентность трансфикса и означает присутствие нуля в его составе. Вторая разновидность — это нулевые аффиксы. Причем если в русском, например, языке стандартный состав изменяемой словоформы — это «основа+окончание», где окончание — разновидность суффикса, то в семитских языках в качестве стандартной формы должна быть принята структура «основа+аффикс», где аффикс может быть префиксом, суффиксом, инфиксом или конфи́ксом — их отсутствие есть нулевой аффикс (аффикс с нулевым экспонентом).

Предварительная типологическая оценка языков по квантитативным индексам

В настоящем разделе представлена предварительная типологическая оценка языков по некоторым из квантитативных индексов. Таблица 3 показывает численные значения всех индексов, однако в силу предварительного характера публикации, равно как из-за ограниченности объема статьи, сравнение языков сводится к их оценке по трем индексам: языки сопоставляются по признаку длины слова в терминах слогов (индекс 1), индексу дейктивности (индекс 11) и индексу анафоричности (индекс 12). Указанные индексы характеризуют своего рода «крайние точки» языковой системы: индекс 1 относится к области фонологии, морфонологии и морфологии, а индексы 11 и 12 — преимущественно к области грамматики текста и семантики.

Таблица 3

**Численные значения квантитативно-типологических индексов
для сопоставления восточных языков**

		Дан-гуэта	Суа-хили	Телугу	Каирский диалект арабского языка	Литературный арабский язык	Иврит	Аккадский	Персидский язык
	Всего слов	599	283	430	523	470	485	489	608
1.	Процент нульсложных слов				3,8		2,7		
	Процент односложных слов	80,1	12	4,9	33,7	37,6	46,2	23,9	49,8
	Процент двусложных слов	11,5	36,4	40,1	31,0	21,9	31,8	42,9	36,7
	Процент трехсложных слов	5,2	24,4	36,9	22,2	24,7	15,7	29,8	10,4
	Процент четырехсложных слов	1,7	16,3	8,8	7,3	14,0		2,2	2,8
	Процент пятисложных слов	0,8	8,8	8,6	2,3	2,5		1	0,3
	Процент шестисложных слов	0,2	2,1	1,8	0,2	0,2			

2	Процент одноморфемных слов	79,8	37,8	33,7	38,6	49,1	53	37,4	84,9
	Процент двуморфемных слов	18	31,8	36,5	6,3	7,02	17,3	30	12,2
	Процент трехморфемных слов	1,2	7,8	25,9	27,3	22,5	24,9	5,9	3
	Процент четыреморфемных слов	0,3	8,5	4,1	16,4	20,0		13	
	Процент пятиморфемных слов		9,5	2,0	4,0	4		7,9	
	Процент шестиморфемных слов	0,2	3,9	1,2	0,4	0		0,4	
3	Процент словоформ, совпадающих со словарной формой слова	64,1	43,8	33,9	41,7	19,3	52,2	17,3	73
4	Процент производных слов, в т. ч.								
	аффиксальных	2,2	64,3	3,2	62,3	75,1	15,7	2,8	27,8
	сложных	3,7	0,4	5,0		1,07		2,6	3,1
5	Процент служебных слов к общему числу служебных морфем	65,9	11,1	10,3	25,2	21,8	48	18,1	60,8
	Процент служебных слов к общему числу слов	32,2	16,6	9,7	31,7	24,2	41,2	25,5	29,6
6	Процент аффиксов к общему числу служебных морфем, в т. ч.	10,9	94,3	89,6	100	85,4		81	32,1
	префиксов		68,5		37,1	9,5	8,4	25	10,1
	суффиксов	10,9	28		19	59	55,4	54,7	22
	инфиксов				17,3	1,1	3,8	15,7	
	конфиксов				7,6	0,2			

	трансфиксов				21,3	30,1?	32,4	4	
7	Средняя длина предложения (в словах)	19,75	13,5	6,1	17,4	16,8	18,6	6,7	6,7
8	Процент простых предложений	27,5	33,3	65,3	20	32,1	46,2	48,6	90
9	Соотношение заполненных и незаполненных актантных позиций, в т. ч.								
	для одновалентных глаголов	100	100	100	78,6	66	25	95	61,4
	для двухвалентных глаголов	100	98,8	79	72,6	76	25,5	75,7	60,9
	для трехвалентных глаголов	100	100	78	83,3	60	37,7	20	69,4
10	Процент предложений, включающих разного рода «обороты», построенные с использованием нефинитных форм глагола (причастий, деепричастий и т. п.)	25	47,6	22,0	50	32,1	34,6	9,7	7,7
11	Индекс дейктичности	0,28	1	0,22	0,01	0,15	0,21	0,17	0,04
12	Индекс анафоричности	3,7	4	0,17	0,26	0,85	0,50	0,13	0,03

Таблица 3 (Продолжение)

		Тибетский	Тибетский современный	Бирманский язык	Китайский язык	Монгольский язык	Индонезийский язык	Японский язык
	Всего слов	463	509	460	637	324	328	337
1.	Процент нульсложных слов		2					
	Процент односложных слов	47	49	57,2	63,9	13	11	14,5

	Процент двусложных слов	32	43	21,1	34,4	48,1	44,5	22,2
	Процент трехсложных слов	7	5	17,8	1,7	29,3	36	24,3
	Процент четырехсложных слов		3			8,3	6,7	21,7
	Процент пятисложных слов					3,4	1,5	13,4
	Процент шестисложных слов						0,3	3,6
2	Процент одноморфемных слов	70	63	68,7	63,7	26,9	61,9	26,7
	Процент двуморфемных слов	26	29	19,1	34,5	50,3	29,9	38,6
	Процент трехморфемных слов	3	4	9,8	1,7	15,7	5,8	20,8
	Процент четырехморфемных слов		0,9			7,1	2,1	8,9
	Процент пятиморфемных слов						0,3	0,6
	Процент шестиморфемных слов							1,8
3	Процент словоформ, совпадающих со словарной формой слова	85	87	70	90	39,8	80,5	44,2
4	Процент производных слов, в т. ч.							
	аффиксальных	11	23	29	6,7	20,7	32,9	13,9
	сложных	7	16	1	21,5	2,8	0,3	3,8
5	Процент служебных слов к общему числу служебных морфем	63	57	39,5	58,4	4,4	37,2	21,2
	Процент служебных слов к общему числу слов	39	26	26,52	19,6	4,3	25,3	25,2

6	Процент аффиксов к общему числу служебных морфем, в т. ч.	40	43	60,5	20		62,8	
	префиксов	16	3		1,9		36,3	0,05
	суффиксов	84	40	59,5	17,8	95,6	24,2	78,2
	инфиксов							
	конфиксов			1			2,2	
	трансфиксов							
7	Средняя длина предложения (в словах)	19	8	13,1	18	12	10	6,5
8	Процент простых предложений	40	40	74,3	15	53,8	56,2	69,2
9	Соотношение заполненных и незаполненных актантных позиций, в т. ч.							
	для одновалентных глаголов	50	93	91,3	100	17,4	87,1	41,7
	для двухвалентных глаголов	62	85	30	69	55,9	80	63,5
	для трехвалентных глаголов	50	77	58,3	40	0	88,9	33,3
10	Процент предложений, включающих разного рода «обороты», построенные с использованием нефинитных форм глагола (причастий, деепричастий и т. п.)	60	80	68,6	—	42,3		9,6
11	Индекс дейктичности	0,28	0,02	0,14	0,06	0,23	0,91	0,1
12	Индекс анафоричности	0,48	0,11	0,18	0,22		0,02	0,3

Прежде всего можно обратиться к строке таблицы 3 «Процент нульсложных слов». Вполне очевидно, что нульсложное слово одновременно характеризуется как включающее нульсложные, или асиллабические морфемы (нормально одну такую морфему). А наличие/отсутствие асиллабических морфем по уже достаточно принятому определению [4. С. 115] есть один из двух основных признаков, разграничивающих фонемные и слоговые языки соответственно (второй признак — это возможность/невозможность ресиллабации). Таблица 3 показывает, что нульсложных слов нет в китайском, бирманском и дан-гуэта, классическом тибетском, в то время как в иврите и каирском диалекте арабского языка они составляют примерно 7–8% от всех слов текста.

Правда, нульсложные слова отсутствуют и в суахили, телугу, арабском, аккадском, персидском, японском, индонезийском. Дело в том, что, во-первых, отсутствие асиллабических морфем выступает необходимым, но не достаточным признаком для квалификации данного языка как слогового. Во-вторых, язык может не иметь асиллабических (нульсложных) слов, но иметь нульсложные морфемы. Например, в русском языке слово *щи* не является нульсложным, но содержит нульсложную (асиллабическую) морфему (корень) *щ-*. Соотношение нульсложных морфем и слов нуждается в дальнейшем исследовании, оно еще не становилось специальным предметом изучения.

Любопытны данные по современному тибетскому языку, где мы находим 2% нульсложных слов. Возможно, это следует рассматривать как свидетельство сближения тибетского с неслоговыми (фонемными) языками, хотя в целом, кажется, присутствует скорее обратная тенденция.

Обратимся, далее, к показателям по дву- и трехсложным словам. Преобладание двусложных слов, равно в тексте и словаре, неоднократно отмечалось в литературе, посвященной языкам Китая и Юго-Восточной Азии, где в связи с этим принято выделять даже особую категорию *биномов*, двусложных слов и словоподобных единиц. Данные таблицы 3 показывают, что реальная ситуация, по-видимому, сложнее. Двусложные слова, согласно этим данным, преобладают (либо покрывают не менее 20 с небольшим процентов текста) во **всех** привлеченных к анализу языках. Если же мы хотим выделить класс слов по числу слогов (по длине), который давал бы 60–80 процентное покрытие текста, то для одних языков мы должны будем к числу двусложных слов прибавить *односложные*, а для других — *трехсложные*. Иначе говоря, в нашей выборке есть языки, где в тексте преобладают односложные и двусложные слова, и языки с преобладанием двусложных и трехсложных слов. К первому классу принадлежат дан-гуэта, телугу, литературный (классический) арабский, иврит, персидский, классический тибетский, современный тибетский, бирманский, китайский, а ко второму — суахили, монгольский, индонезийский и японский.

Для сколько-нибудь полного объяснения наблюдаемых феноменов необходимы, во-первых, данные по значительно большему кругу языков, а, во-вторых, обращение к анализу факторов, *за счет* которых возрастает длина слова. Склонность к трехсложным словам в наших данных обнаружили языки, характеризующиеся достаточно ярко выраженной агглютинативностью. Агглютинация, среди прочего, замечательна тем, что для выражения некоторого грамматического значения в соответствующих языках нужно «добавить» аффикс (квазиаффикс): в агглютинативных языках действует принцип «одно грамматическое значение — один аффикс». Если аффикс слоговой, то приращение аффикса это одновременно добавление слога, что и приводит к увеличению длины слова. Впрочем, в первом из выделенных классов оказывается и такой язык, как

телугу, тоже агглютинативный, так что пока можно говорить лишь о тенденции. В любом случае вопрос о факторах, способствующих многосложности слова (или препятствующих таковой), требует особого изучения.

При обращении к индексам дейктичности и анафоричности обращает на себя внимание *тенденция* к их скоррелированности: для большинства языков отмечается такое соотношение соответствующих численных показателей, когда высокий индекс дейктичности сопровождается высоким же индексом анафоричности и наоборот [5].

В целом низкий индекс дейктичности наблюдается в тех языках, в которых в качестве апеллятивов и референций употребляются не столько личные местоимения, сколько имена собственные, имена родства (ср. рус. *Мама тебе что сказала?! в устах матери*), этикетные дескрипции и т. п. Здесь пересекаются прагматические, культурные и собственно грамматические факторы.

Индекс анафоричности показывает насыщенность текста средствами, специально предназначенными для обеспечения связности текста. Достаточно неожиданно здесь «рекордное» значение индекса анафоричности для дан-гуэта. Противоположную часть шкалы занимают такие языки, как японский, индонезийский и персидский (см. табл. 3).

Здесь представлены, преимущественно в иллюстративных целях, лишь предварительные соображения, связанные с интерпретацией типологических индексов. В дальнейшем планируется систематическое изучение индексов, их соотношения для получения максимальной информации относительно типологических характеристик сравниваемых языков.

Примечания

¹ В состав коллектива входят следующие сотрудники факультета: О. Берникова (литературный арабский язык), В. Выдрин (дан-гуэта), П. Гроховский (классический тибетский язык), Н. Гуров (телугу), А. Желтов (суахили), Е. Колпачкова (китайский язык), С. Крамарова (индонезийский язык), Л. Малыгина (иврит), Р. Мамедшахов (каирский диалект), А. Немировская (аккадский язык), Е. Фейн (персидский язык), Л. Хронопуло (японский язык), М. Цыдзик (бирманский язык), Н. Яхонтова (монгольский язык), Руководитель проекта — В. Касевич.

² Дж. Байби, отталкиваясь от результатов, полученных социологами, приходит к выводу о том, что для полного типологического обследования языков необходима и достаточна выборка, включающая 50 идиомов. Последние должны подбираться таким образом, чтобы никакая произвольная пара языков не обнаруживала ни генетической, ни ареальной близости [1]. При таком подходе (в принципе безусловно верном) как раз и оказывается, что в перечень изучаемых языков сплошь и рядом попадают языки, описанные абсолютно недостаточно (в «миссионерских» грамматиках и т. п.).

³ Любопытный факт из истории русской литературы: в конце позапрошлого века одновременно переводили на русский язык Бунин — «Песнь о Гайавате» Лонгфелло, и Бальмонт — «Калевалу», причем Бунин жаловался, что русские слова «слишком длинные», а Бальмонт — что «слишком короткие».

⁴ В нашем случае максимально полный учет специфики семитских языков особенно необходим, принимая во внимание, что в нашей выборке семитским языкам принадлежит значимый «блок»: это, напомним, литературный арабский, современный каирский диалект, аккадский и иврит.

⁵ Невозможность для суффикса, префикса, инфикса взять на себя **всю** грамматическую (морфологическую) нагрузку коренится в фонологических (морфонологических) характеристиках семитских морфем: как уже упоминалось, прототипический семитский корень трехслогоен, т. е. состоит из одних лишь согласных и уже по этой причине является «непроизносимым». Чтобы обрести «произносимость», корень должен быть «прослоен» гласными, которые автоматически при этом приобретают функцию трансфикса, поскольку иной трактовки вставляемых в корень комбинаций гласных в соответствующих языках просто не существует. Нельзя при этом отрицать теоретическую возможность наличия в двух словоформах (дериватов) одного и того же трансфикса при разных суффиксах (префиксах, инфиксах), но возможность эта не реализуется.

⁶ Вообще говоря, какое из одновременно присутствующих средств является основным, а какое — сопровождающим, далеко не всегда очевидно. Здесь помогли бы и статистические данные (которых, кажется, на сегодня не существует), и каким-то образом обосновываемые соображения о доминировании в данном языке того или иного средства (например, соображения о том, что в германских языках доминирует аффиксация, а не внутренняя флексия). Пока безусловно приемлемых данных такого рода нет.

⁷ Даже на уровне слов сочетание синонимичных лексем встречается редко, ср. *только лишь*.

⁸ Иногда понятия породы и основы различают, тогда говорят о группе однокоренных основ, принадлежащих к одной и той же породе. Подробно типы основ описываются у Л.Е. Когана [8].

⁹ Здесь придется внести поправку в утверждения, встречающиеся в литературе (в том числе в работах автора этих строк), согласно которым в основе *читай-*, например, присутствуют два основообразующих аффикса — *-а-* и *-й-*: если бы это было так, в данной основе совмещались бы противопоставленные категориальные значения презентной и претеритной основ, что невозможно.

¹⁰ Мы не рассматриваем все способы образования основ (геминацию, обычно второго корневого согласного, редупликацию, обычно частичную, и проч.). Оставляем также открытым вопрос о возможности образования основ одновременно с помощью трансфикса и «дополнительного» аффикса (так называемые «расширенные основы»).

¹¹ Мы оставляем в стороне возможность трехкомпонентных трансфиксов, так называемых триффиксов.

Литература

1. *Bybee J.L. Morphology: A study of the relation between meaning and form* / J.L. Bybee. Amsterdam, 1985. 234 p.
2. *Гринберг Дж. Квантитативный подход к морфологической типологии языков* // Новое в лингвистике / Дж. Гринберг. 1963. Вып. 3. С. 60–94.
3. *Касевич В.Б. Семантика, Синтаксис. Морфология* / В.Б. Касевич. М., 1988. 309 с.
4. *Касевич В.Б. Фонологические проблемы общего и восточного языкознания* / В.Б.Касевич // Касевич В.Б. Труды по языкознанию: В 2 т.: Т. 1. СПб., 2006. С. 11–240.
5. *Касевич В.Б. Язык и культура* / В.Б. Касевич // Филология. Русский язык. Образование: Сб. статей, посвященный юбилею проф. Л.А. Вербицкой. СПб., 2006. С.114–125.
6. *Касевич В.Б., Венцов А.В., Ягунова Е.В. Типология языков и восприятие речи* / В.Б. Касевич, А.В. Венцов, Е.В. Ягунова // Гуманитарная наука в России: Соросовские лауреаты. М., 1996. С. 269–274.
7. *Квантитативная типология языков Азии и Африки* / Под ред. В.Б. Касевич, С.Е. Яхонтов. Л., 1982. 350 с.
8. *Коган Л.Е. Семитские языки* / Л.Е.Коган // Языки мира: Семитские языки: Аккадский язык. Северозападносемитские языки. М., 2009. С. 15–112.

9. Мельчук И.А. Курс общей морфологии: В 5 т. / И.А. Мельчук. М.; Вена, 1997–2006.
10. Москович В.А. Глубина и длина слова в естественных языках / В.А. Москович // Вопросы языкознания. 1967. № 6. С. 17–33.
11. Рачков Г. Е. Введение в морфологию современного **тагальского** языка / Г.Е. Рачков. Л., **1981**. 215 с.
12. Старинин В.П. Структура семитского слова. Прерывистые морфемы / В.П. Старинин. М., 1963. 116 с.
13. Чугаева Т.Н. Перцептивный аспект звукового строя английского языка / Т.Н. Чугаева. Пермь, 2007. С. 97.

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

Н.Н. Дьяков, Е.И. Зеленев

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ И АФРИКАНИСТИКА В ДИАЛОГЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ: К ИТОГАМ XXV МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ПО ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЮ И ИСТОРИОГРАФИИ СТРАН АЗИИ И АФРИКИ. ВОСТОЧНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ СПбГУ

Пожалуй, самым ярким и значительным событием в научной жизни востоковедов и африканистов СПбГУ в 2009 г. стала XXV Международная конференция по источниковедению и историографии стран Азии и Африки, проходившая 22–24 апреля в стенах Санкт-Петербургского государственного университета под общим лозунгом «Востоковедение и африканистика в диалоге цивилизаций».

В последние годы научные форумы Восточного факультета отличаются не только широтой обсуждаемых проблем, но также обширной географией представленных востоковедческих центров и самим числом участников. К апрельской встрече востоковедов и африканистов в СПбГУ было подготовлено около 400 докладов¹, прочитано же на пленарных и рабочих заседаниях — до 270.

Наряду с представителями ведущих академических и университетских центров Санкт-Петербурга и Москвы в конференции приняли участие ученые из Благовещенска, Владивостока, Казани, Нижнего Новгорода, Новосибирска, Петрозаводска, Пскова, Улан-Удэ и др., а также гости из более чем 20 стран ближнего и дальнего зарубежья: Азербайджана и Грузии, Узбекистана и Таджикистана, Украины и Белоруссии, Латвии и Польши, Германии, Швейцарии, Италии, Франции, Греции, Кипра, Великобритании, Намибии, Израиля, Турции, Ирана, Ирака, Индии, Китая, Монголии и т. д.

Характерной чертой последних «историографических» конференций на Восточном факультете стало активное участие в них специалистов-филологов — лингвистов и литературоведов, существенно дополнивших и заметно украсивших своими выступлениями источниковедческую тематику форума.

Работа конференции проходила в рамках 14 секций, охватывавших практически все аспекты источниковедческих и историографических исследований отечественных и зарубежных ученых².

Открывая конференцию 22 апреля в актовом зале Двенадцати коллегий, ее участников приветствовал Декан Восточного факультета СПбГУ проф. Е.И. Зеленев. На состоявшемся затем первом пленарном заседании с докладами выступили: почетный декан Восточного факультета акад. РАН М.Н. Боголюбов («Традиции Восточного факультета и современное востоковедение»); директор Института Дальнего Востока РАН акад. М.Л. Титаренко («Роль школы Восточного факультета СПбГУ в развитии отечественного китаеведения»); директор Института стран Азии и Африки МГУ проф. М.С. Мейер («Востоковедение в эпоху глобализации»); советник РАН акад. В.С. Мясников из московского ИВ РАН («Новые задачи старого востоковедения»).

Как и прежде, интерес участников конференции вызвали сообщения по проблемам историографии и источниковедения Арабского мира. Помимо коллег из Санкт-Петербурга и Москвы на секционных заседаниях (секция 1) выступили гости из Белоруссии (Минск), Латвии (Рига), Германии (Фрайбург), Швейцарии (Цюрих), Израиля (Тель-Авив, Хайфа), Индии (Нью-Дели) и др.

Почти три десятка представленных на секции докладов охватывали разные исторические эпохи, документы и источники по актуальным проблемам истории арабских стран Ближнего Востока и Северной Африки.

Серия выступлений затрагивала историографию Крестовых походов — по-прежнему актуальную для региона тему (А.С. Матвеев, Р.О. Шляхтин, Л. Йааков, Дж. Дрори и др.). Изучению источников по истории ислама, других конфессиональных групп населения Арабского Востока были посвящены доклады П. Башарина (Москва), Б. Долгова (Москва), В. Василика (СПб), Д. Севрука (Минск), Р. Бадри (Фрайбург), М. Ильяса (Дели). Большой интерес вызвали сообщения по проблемам историографии Египта, в том числе в эпоху экспедиции Бонапарта, реформ Мухаммеда Али, по источникам и историографии Йемена (М. Родионов), Омана (О. Андриянова, Дж. Шелли), Судана (И. Герасимов), Туниса и других стран региона. Заместитель директора МАЭ РАН (Кунсткамера) Е.А. Резван в своем выступлении рассказал о российско-арабском научном проекте «Иджма=Согласие».

В рамках «арабской» секции были проведены совместное заседание с Византийским центром Греческого института ФФИ СПбГУ, а также круглый стол по проблемам кочевничества на тему «Кочевники: среда обитания, образ жизни, военное дело, исторические закономерности» (ведущие: А.К. Алексеев, А.С. Матвеев).

На заседаниях секции «Источниковедение и историография Афганистана и Ирана» (руководитель М.С. Пелевин) было представлено два десятка докладов, проблематика которых охватывала различные направления современной иранистики. Доклады, связанные собственно с иранской тематикой, касались изучения социально-политической истории и идеологии древнего и раннесредневекового Ирана (династии Ахеменидов и Сасанидов), средневековой историографии Ирана, иранских духовных и литературных традиций в контексте общеисламской культуры, процессов становления иранского конституционализма в новейшее время. В нескольких докладах давалась критическая оценка трудов европейских ученых и политиков XIX в., занимавшихся Ираном. Часть докладов была посвящена анализу конкретных письменных источников по истории и культуре иранских народов средневековья. Отдельные заседания секции были выделены для докладов по афганистике и курдологии.

Более половины докладов на секции прочитали зарубежные участники, в том числе гости из Азербайджана, Великобритании, Исламской Республики Иран. Самой пред-

ставительной была делегация иранских ученых, включавшая девять человек из разных университетов (города Исфахан, Урмия, Хамадан). Российскую сторону представляли главным образом ученые востоковедных центров Петербурга (ВФ СПбГУ, СПб ИВР РАН, Эрмитаж). Содержание большинства докладов удачно сочетало в себе ценные фактические материалы по узким специализациям с выводами и обобщениями, имеющими междисциплинарный характер и представляющими интерес для исследователей смежных направлений. Участники заседаний выразили положительное мнение о работе секции, о высоком научном уровне сообщений и плодотворных дискуссиях, подтвердив необходимость продолжения международного академического диалога ученых-иранистов и афганистов.

Наиболее представительной в этом году была «африканская секция» (руководители: А.Ю. Желтов, В.Ф. Выдрин). Дело в том, что в рамках конференции прошли традиционные, проводящиеся раз в два года, чтения памяти Д.А. Ольдерогге, крупнейшего ученого, основателя школы африканистики в Ленинграде — Петербурге. На секции было заслушано 40 докладов. В общей сложности на заседаниях секции присутствовало более 60 специалистов и студентов.

Доклады африканистов были распределены по ряду подсекций: 4 доклада с общей тематикой были вынесены на пленарное заседание, 15 докладов прозвучали на секции социальных наук, столько же — на лингвистической секции, 6 докладов — на секции литературы и искусства. Следует отметить широкое представительство участников конференции. Докладчики представляли 6 академических и музейных центров, 7 российских университетов, включая представителей 3 факультетов СПбГУ, а также Университет Южной Африки (ЮАР). Весьма широкой была тематика докладов. Так, на лингвистической секции был представлен материал по 16 языкам Африки. Наряду с традиционно высоким уровнем докладов и активным участием молодых ученых (около половины докладчиков попадают в данные возрастные рамки) характерной особенностью нынешних чтений стало активное использование участниками новых технических средств, в последние годы появившихся на Восточном факультете. Следует особо отметить участие в чтениях Посла Республики Намибия в Российской Федерации доктора Самюэла Кабете Мбамбо, который не только участвовал в официальных мероприятиях, но и не пропустил ни одного заседания секции социальных наук, активно участвуя в обсуждении докладов. В большинстве заседаний лингвистической секции принял участие член-корр. РАН, профессор А.Е. Кибрик, участие которого в обсуждении заметно повысило теоретический уровень дискуссии.

Все участники отмечали высокий уровень организации конференции, общение в рамках которой не ограничивалось официальными заседаниями и позволяло создать творческую обстановку, необходимую для успешного развития африканистики.

На заседаниях секции *источниковедения и историографии Древнего Востока* (руководитель: Н.В. Козырева) было представлено 16 докладов. В ее работе приняли участие как сотрудники и студенты кафедры истории стран Древнего Востока СПбГУ, так и коллеги-древневосточники из Института Восточных рукописей РАН (д-р филол. наук И.Т. Канева, д-р ист. наук И.Н. Медведская, Н.О. Чехович) и Государственного Эрмитажа (д-р ист. наук В.К. Афанасьева, д-р ист. наук Н.Б. Янковская, канд. ист. наук А.Н. Николаев).

В докладах «древневосточников» поднималась самая разнообразная тематика (филологическая, историческая, литературоведческая), основанная на исследовании археологических и письменных источников, памятников материальной культуры, новей-

ших научных публикаций. Все доклады вызвали большой интерес и сопровождались оживленной дискуссией, что было неудивительно, учитывая высокий профессионализм большинства докладчиков. Присутствующих порадовали и доклады начинающих специалистов. С большим интересом был выслушан доклад выпускника и аспиранта кафедры, ныне сотрудника Эрмитажа канд. ист. наук А.Н. Николаева, посвященный исследованию одного из древнейших памятников египетской глиптики из коллекции Эрмитажа. Особо можно отметить доклад студентки 1 курса магистратуры П.А. Кагадеевой («Язык корпуса амарнских писем: историография вопроса»), посвященный исключительно важной теме языковых контактов, которой у нас в стране на этом материале практически никто пока не занимался.

Заседания секции, по отзывам присутствовавших, прошли на высоком научном уровне и в очередной раз показали, что петербургская школа исследований по Древнему Востоку успешно развивается.

Проблемам источниковедения и историографии *Индии и Юго-Восточной Азии* (руководители 5-й секции: В.Н. Колотов, Н.В. Гуров) было посвящено более 20 докладов, которые представили историки и востоковеды из Санкт-Петербурга, Москвы, Н. Новгорода, Петрозаводска, а также гости из Индии (Rao P.V., Centre for Indian Ocean Studies, Osmania University, Hyderabad, “*India’s Historical Links with Southeast Asia: Connecting Past with the Present*”; Rajan D.S., Chennai Centre for China Studies, Chennai, “*India and China: Civilisational Contacts and their Impact on Bilateral Relations in the Modern Era*”).

Секция источниковедения и историографии *Кавказа* (руководитель: А.М. Фарзалиев) включала около десятка научных докладов, представленных учеными России (Петербург, Москва, Махачкала, Дербент и т. д.), Азербайджана и Армении. Гости секции приняли также участие в работе совместного заседания кавказоведов с лингвистами из секций кавказских языков и алтаистики, которым руководили А.Е. Кибрик и А.А. Буркин. Чл.-корр. РАН А.Е. Кибрик (МГУ, Москва) представил доклад «*Из истории документации северокавказских языков*» (с демонстрацией документального фильма), который вызвал большой интерес аудитории и существенно оживил и без того активное обсуждение прочитанных на секции научных сообщений.

В рамках 7-й секции (источниковедение и историография Китая, руководители: Б.Г. Доронин, Н.А. Самойлов) из первоначально заявленных 34 докладов был прочитан 21 доклад. К сожалению, на конференцию не смогли приехать докладчики из Новосибирска, Бурятии, ряда других регионов. Помимо сотрудников кафедры истории стран Дальнего Востока Восточного факультета, активное участие в работе секции приняли москвичи: 5 человек — из Института Дальнего Востока РАН во главе с директором института академиком М.Л. Титаренко, 5 — из Института Востоковедения РАН во главе с академиком В.С. Мясниковым. Были представлены также некоторые другие московские учреждения и Казанский государственный университет; 2 доклада сделали ученые из Санкт-Петербургского Института восточных рукописей РАН.

В целом в работе секции принимали участие от 30 до 50 человек, в том числе немало студентов. Основная часть докладов была посвящена современному состоянию источниковедения и историографии Китая (преимущественно новейшего времени), а также российско-китайских отношений. Рассматривались также некоторые вопросы истории, культуры и современного положения Китая. Большой интерес вызвал доклад итальянского исследователя Дж. Андорнино (Andornino Giovanni, Turin University, Torino. The China Companion (TCC) is a web aggregator designed by Giovanni Andornino at

the «L. Einaudi» Research Centre). В ходе работы секции состоялось широкое и активное обсуждение заслушанных докладов.

Программа секции «Монголоведение, тибетология, буддология» (руководитель секции: П.Л. Гроховский), впервые организованной в рамках историографических конференций Восточного факультета, первоначально включала 49 докладов, из которых, к сожалению, были представлены лишь 18, что было вызвано невозможностью приезда в этом году коллег из Бурятии и ряда других регионов страны.

В рамках данной секции было проведено четыре заседания (заседание подсекции «Историография и источниковедение» — 4 доклада; два заседания подсекции «Литературоведение» — 8 докладов и одно заседание подсекции «Языкознание» — 6 докладов). Половина докладчиков представляла Восточный факультет СПбГУ (включая аспирантов и магистрантов), остальные доклады были прочитаны гостями из других научных центров Санкт-Петербурга (Институт восточных рукописей, Институт лингвистических исследований, Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера), Российский этнографический музей), Москвы (РГГУ), Улан-Удэ (Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН) и Киева (Институт востоковедения НАН Украины).

Прозвучавшие доклады, в том числе прочитанные студентами и аспирантами, были посвящены актуальным проблемам монголоведения и тибетологии и содержали новый материал и перспективные предложения по его теоретической интерпретации. Многие доклады вызвали оживленное обсуждение. Так, большое количество откликов вызвал доклад профессора РГГУ д-р филол. наук Л.Г. Скородумовой «*К вопросу о периодизации истории монгольской литературы*».

На секции *источниковедения и историографии Османской империи и республиканской Турции* (руководитель секции: К.А. Жуков) за три дня работы было заслушано 20 докладов. Из них 13 было представлено учеными Москвы и Санкт-Петербурга, 7 — зарубежными исследователями (Азербайджан, Греция, Кипр, Латвия, Турция). Первое заседание секции было посвящено памяти петербургского историка-османиста профессора С.М. Иванова (1946–2009).

Османская Турция при младотурках и начальный этап кемалистского движения получили освещение в докладах М.С. Мейера (ИСАА МГУ), В. Ужулиса (Латвийский университет, Рига), А.Т. Сибгатуллиной (ИВ РАН, Москва), Н. Шестакова (ИСАА МГУ), Р. Акына (Босфорский университет, Стамбул), Л.А. Герд (ФФИ СПбГУ; ИИ РАН, СПб). Вопросам экономической истории Республиканской Турции были посвящены доклады А.В. Жевелевой (ВФ СПбГУ) и Н.И. Черниченкиной (ИСАА МГУ). Проблемы современной политической и культурной жизни Турции нашли отражение в докладах М.Михалиса (Кипрский университет, Никосия), Р. Коркусуза (Тигрский университет, Диярбакыр), А.А. Сотниченко (ФМО СПбГУ), Н. Хамзаева (Стамбульский университет). С.Ф. Орешкова (ИВ РАН, Москва) выступила с докладом, посвященным проблемам преодоления стереотипов и совершенствованию терминологического аппарата современной османистики. Основная часть докладов носила традиционный характер и была посвящена проблемам источниковедения и историографии Османской империи: И. Мамедов (ВФ СПбГУ), О. Озтекин (Университет Хаджеттепе, Анкара), Дж. Цуцос (Библиотека Священного Синода, Афины), К.А. Жуков (ВФ СПбГУ) и др.

Последнее заседание секции было представлено блоком презентаций материалов музейных собраний Санкт-Петербурга как источника для изучения истории матери-

альной культуры Османской империи: Г.А. Серкина (Гос. Эрмитаж), В.В. Иванова (МАЭ РАН / Кунсткамера), П.А. Ольхова (ГМЗ «Царское Село»).

Гости секции приняли также участие в работе круглого стола по проблемам кочевничества: *«Кочевники: среда обитания, образ жизни, военное дело, исторические закономерности»* (ведущие: А.К. Алексеев, А.С. Матвеев).

На секции *источниковедения и историографии Центральной Азии* (руководители: Т.И. Султанов, А.К. Алексеев) прозвучало 15 докладов. Докладчики представляли, главным образом, учебные и научные центры Санкт-Петербурга, Москвы, Казани и Омска. Один доклад был сделан коллегой из Германии.

Хронологически темы докладов охватывали древность, средние века и новейшее время. Многие доклады вызвали дискуссию. В их числе доклад З.А. Джандосовой (СПбГУ) *«Дост-Мухаммад-хан в Бухаре» по сочинению «Сирадж ат-таварих»*. В связи с обстоятельствами эмиграции афганского эмира и подробностями его пребывания в Бухаре, были даны характеристики образа Бухары в афганской историографии, рассмотрены отношения между Кабулом и тюркскими бекствами Южного Туркестана, освещены некоторые национальные особенности афганцев.

Роли ислама в культурной и политической жизни стран Центральной Азии и Кавказа были посвящены доклады А.К. Алексеева (СПбГУ) *«К вопросу об эволюции религиозных представлений народов Центральной Азии: мазар Бимодук»* и А.К. Бустанова (Омский филиал Института археологии и этнографии РАН) *«Ранняя редакция сочинений об исламизации Сибири»*. Большую часть докладов представили молодые исследователи; при этом все они проявили себя как зрелые ученые, владеющие научной методологией и способные вести самостоятельную работу по проблемам историографии и источниковедения Центральной Азии. Гости секции приняли также участие в работе Круглого стола *«Кочевники: среда обитания, образ жизни, военное дело, исторические закономерности»*.

В программе секции *источниковедения и историографии Японии и Кореи* (руководитель секции: А.В. Филиппов) было заявлено 13 докладов, но 4 четыре докладчика также не смогли приехать (из г. Осака, а также из Хабаровска и Армении). В целом было прочитано 9 докладов, из них один доклад (Л.В. Овчинникова, ИСАА МГУ) затрагивал как корейскую, так и японскую историческую тематику; остальные 8 докладов были посвящены Японии.

В целом в работе секции участвовало более 25 человек. Среди них — как преподаватели вузов, так и сотрудники различных научных учреждений. Кроме выступающих из Петербурга (СПбГУ, Кунсткамера, РХГА, ИВР РАН) выступили также ученые из Новосибирска, Харькова, Москвы. Участники заседаний особо отмечали важность прозвучавших на конференции выступлений и дискуссий.

Как было отмечено, значительный вклад в успех состоявшейся конференции внесли востоковеды-филологи, работавшие в рамках секций литературоведов и лингвистов.

Секция *«Литература стран Азии и Африки и мировой литературный процесс»* (руководители: А.В. Образцов и А.Г. Сторожук) включала два десятка докладов, представленных коллегами из университетов России, Казахстана, Узбекистана, Ирана. Большой интерес присутствующих вызвали сообщения гостей из Ирана, Греции и Польши (Mohammadreza Nasr Esfahani, Mirmojarabian Leila (University of Isfahan, Iran), *«The influence of Dostoevskiy's novels on modern story writing in Iran»*; P.Koumoutsis Persa, Athens, *«Naguib Mahfouz: Pioneering universality in modern Arabic literature»*; B. Michalak-Pikulska, The Jagiellonian University, Krakow, *«The Beginning of Prose Writing in the Gulf Countries»*).

Секция «Языки стран Азии — прошлое и современность» (руководитель: Р.А. Янсон) объединила весьма широкий круг научных проблем и направлений, волнующих сегодня ученых. Более 20 докладов, представленных востоковедами-лингвистами, были распределены по трем подсекциям. Значительная часть сообщений была посвящена актуальным вопросам арабской лингвистики (проф. О.И. Редькин, доц. О.А. Берникова, доц. Яфия Юсиф Джамиль, Т.А. Рыженкова и др.), а также языкам Центральной Азии, Китая, Бирмы и т. д.

Работой лингвистов-японистов руководил на конференции заведующий кафедрой японоведения Восточного факультета доц. В.В. Рыбин.

Уникальный научный материал был представлен на секции кавказских языков и алтаистики (председатели: А.Е. Кибрик, А.А. Бурыйкин), а также на секции тюркологии, где помимо сообщений ученых Восточного факультета было представлено сообщение коллеги из Стамбульского университета Халила Ачыкгеца («Проблемы терминологии сложных глаголов в турецком языке»).

По традиции в последние годы важное место в работе конференций по источниковедению и историографии Азии и Африки отводится встречам и выступлениям молодых востоковедов — студентов и аспирантов Восточного факультета, других учебных центров России и зарубежья.

В этом году на «Школе молодого востоковеда» (руководитель: М.Н. Малашевская), проходившей в рамках конференции, прозвучало около двух десятков докладов, охватывавших широкий круг проблем источниковедения и историографии, истории и культуры народов Азии и Африки.

На завершающем пленарном заседании конференции, состоявшемся 24 апреля в Актовом зале СПбГУ с докладами выступили заместитель директора Института Дальнего Востока РАН (Москва) проф. В.Я. Портяков («Модернизация Китая и кризис»), а также заведующий кафедрой Истории стран Ближнего Востока проф. Н.Н. Дьяков («Ориентализм» Эдварда Саида: между Востоком и Западом. К 30-летию книги и концепции) и декан Восточного факультета СПбГУ проф. Е.И. Зеленев («Геокультурное пространство: возвращение к образу мира»).

Последними на конференции прозвучали выступления руководителей секций, которые подвели общие итоги этой встречи востоковедов.

Наряду с рабочими заседаниями в ходе конференции состоялась презентация нового, 3-го сборника «Поэзии востоковедов». Работу конференции существенно украсила и разнообразила выставка работ молодого, но уже достаточно известного петербургского фотохудожника Анжелики Победоносцевой, посвященная Ближнему Востоку: «На перекрестках цивилизаций: фотодневник».

Для участников конференции — гостей города на Неве — была организована ознакомительная автобусная экскурсия по Санкт-Петербургу³.

Примечания

¹ Тезисы докладов конференции были изданы к ее открытию в сборнике «Востоковедение и африканистика в диалоге цивилизаций». СПб., 2009.

² Секция 1) источниковедение и историография арабских стран (руководитель секции: Н.Н. Дьяков; 2) источниковедение и историография Афганистана и Ирана (руководитель секции: М.С. Пелевин); 3) секция африканистики: «Чтения памяти Д.А. Ольдерогге» (руководитель:

А.Ю. Желтов); 4) источниковедение и историография Древнего Востока (руководитель: Н.В. Козырева); 5) источниковедение и историография Индии и Юго-Восточной Азии (руководители: В.Н. Колотов, Н.В. Гуров); 6) источниковедение и историография Кавказа (руководитель: А.М. Фарзалиев); 7) источниковедение и историография Китая (руководители: Б.Г. Доронин, Н.А. Самойлов); 8) литература стран Азии и Африки и мировой литературный процесс (руководители: А.В. Образцов, А.Г. Сторожук); 9) монголоведение, тибетология, буддология (руководитель: П.Л. Гроховский); 10) источниковедение и историография Османской империи и республиканской Турции (руководитель: К.А. Жуков); 11) источниковедение и историография Центральной Азии (руководители: Т.И. Султанов, А.К. Алексеев); 12) источниковедение и историография Японии и Кореи (руководитель: А.В. Филиппов); 13) языки стран Азии — прошлое и современность (руководитель: Р.А. Янсон); 14) Школа молодого востоковеда — 2009 (руководитель и медиатор: М.Н. Малашевская).

³ Конференция была организована при финансовой поддержке РГНФ (грант № 09-01-14050Г).

РЕФЕРАТЫ

УДК 94

Базиленко И. В. Мемуары Н.М. Вербы (1882–1953) как неизвестный источник по истории русско-иранских связей начала XX в. // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 13. 2009. Вып. 3. С. 3–12.

Статья посвящена описанию и характеристике мемуаров кавалерийского ротмистра Н.М. Вербы (1882–1953), которые являются неопубликованным и неизвестным источником по истории русско-иранских отношений начала XX в. Автор служил инструктором кавалерии в Персидской казачьей бригаде (с 1914 г. — дивизии) в 1913–1920 гг., был непосредственным участником множества исторических событий, интересно описывает жизнь иранской политической элиты и российское присутствие в Иране начала XX в.

Ключевые слова: мемуары, Н.М. Верба, Россия, Иран, Реза-шах, инструктор, бригада, казаки.

УДК 94

Герасимов И. В. Россия — Судан: из истории взаимоотношений (по материалам книги Е.П. Ковалевского «Путешествие во внутреннюю Африку») // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 13. 2009. Вып. 3. С. 13–16.

В статье рассмотрены идеи российского путешественника Е.П. Ковалевского относительно общественной эволюции Судана. Он побывал там в конце 1840-х гг. Помимо этого, в изданном им произведении содержатся интересные сведения по истории российско-африканских отношений, а также по этнографии и географии этой арабо-африканской страны. В статье освещена позиция Е.П. Ковалевского относительно Судана, которая в целом отличается гуманистическим подходом.

Ключевые слова: Судан, арабы, география, путешественник, рудники, Е.П. Ковалевский, российско-суданские отношения.

УДК 94

Мельниченко Б. Н. Дом Романовых и дом Чакри // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 13. 2009. Вып. 3. С. 17–33.

В статье описаны многосторонние отношения между Россией и Таиландом (ранее Сиам) в конце XIX и начале XX вв. Центральное место в этих взаимоотношениях занимали дружественные контакты между правящими династиями Романовых и Чакри.

Особую роль сыграли визит в Сиам наследника престола цесаревича Николая в 1891 г., визит в Россию короля Чулалонгкорна (Рамы V) в 1897 г., а также постоянная поддержка Россией борьбы Сиама за свою независимость.

Ключевые слова:

УДК 340.14

Бочаров В. В. К вопросу об истоках «правового нигилизма» на Востоке (и в России) // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 13. 2009. Вып. 3. С. 34–46.

Статья анализирует феномен «правового нигилизма», широко распространенного в государствах Востока, а также в России. Автор считает, что его причины нельзя сводить к юридической необразованности населения или к «плохим законам», принимаемым политическими элитами (Э. де Сото), или к религиозному фактору (Ханингтон, Фукуяма). Данные государства характеризуются особым алгоритмом исторической динамики («периферийным»), который является противоположным Западу. В результате не Общество порождает Культуру, а Культура (Западная) воздействует на традиционное Общество Востока, стимулируя его развитие. Правовой нигилизм порождается, по мнению Бочарова, взаимодействием обычно-правовых культур,

характерных для традиционного общества Востока, и правовых культур Запада. В статье рассматривается это взаимодействие в рамках концепции правового плюрализма.

Ключевые слова: правовой нигилизм, правовая культура, юридическая антропология, обычное право, традиционное общество, правовой плюрализм.

УДК 327

Зеленев Е. И. **Образ мира: геокультурное мировидение** // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 13. 2009. Вып. 3. С. 47–60.

Статья посвящена формированию парадигмы научного знания в области востоковедения. На основе психологического подхода рассматривается проблема Образа мира как исходного пункта и результата любой познавательной деятельности.

Ключевые слова: геокультура, образ мира, парадигма научного знания.

УДК 94

Самойлов Н. А. **Подходы к изучению геокультурных пространств России и Китая и их взаимодействия в XVIII — начале XX вв.** // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 13. 2009. Вып. 3. С. 61–75.

В статье проанализированы основные теоретические подходы к изучению социокультурного взаимодействия России и Китая в XVIII — начале XX вв. На основе изучения важнейших принципов этих теоретических подходов автор предлагает собственную интерпретацию рассматриваемого периода. Он полагает, что Россия и Китай на протяжении своей истории обладали чрезвычайно обширными геокультурными полями, образы которых основывались на собственных представлениях об окружающем мире. Их взаимодействие в XVIII — начале XX вв. сыграло важную роль в формировании новых геокультурных пространств.

Ключевые слова: Китай, Россия, социокультурное взаимодействие, геокультурное пространство.

УДК 94

Алексеев А. К. **Россия на «Крыше мира»: Памирский отряд в политической и культурной жизни Бадахшана. К 115-летию похода генерала М.Е. Ионова в западный памир (1894 г.)** // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 13. 2009. Вып. 3. С. 76–90.

Статья посвящена 115-летию экспедиции генерала М.Е. Ионова в Западный Памир, которая привела к присоединению этого региона к России, явившимся важным этапом Большой Игры — противостояния Российской и Британской империй за преобладание в Центральной Азии, а также роли и значению Памирского пограничного отряда в политической и культурной жизни Бадахшана.

Ключевые слова: Памир, Большая Игра, Афганистан, экспедиция, граница, договор, Памирский отряд.

УДК 910.4

Сипенкова Т. М. **«Как можно меньше быть туристом...» (О книге В.Л. Кигна «Приключения и впечатления в Италии и Египте. Заметки о Турции»)** // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 13. 2009. Вып. 3. С. 91–100.

Статья посвящена анализу книги русского путешественника В.Л. Кигна (писал под псевдонимом «Дедлов»), посетившего Ближний Восток в 1886–1887 гг. и опубликовавшего свои путевые заметки в 1888 г. Трезвый аналитический ум и тонкая наблюдательность позволили автору создать глубокую картину жизни Ближнего Востока (в первую очередь, Египта, Палестины и Сирии) конца XIX в. Книга В.Л. Кигна не только дает ценный материал для изучения истории и культуры Ближнего Востока в рассматриваемый период, но и позволяет понять специфику

восприятия русским человеком как политической ситуации на Ближнем Востоке, так и жизни ближневосточного общества в целом.

Ключевые слова: Россия и Восток; история XIX века; Египет, Палестина, Сирия; Древний Египет; география, путешествия; торговля; сельское хозяйство.

УДК 398.88

Донченко С. С. **Некоторые характеристики творчества бенгальских певцов-баулов** // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 13. 2009. Вып. 3. С. 101–107.

Статья знакомит читателя с одним из замечательных феноменов культуры Индийского субконтинента — песнями народных певцов Бенгалии — *баулов*. В творчестве этой группы певцов тесно переплелись элементы нескольких религиозно-философских учений и практик. В то же время сами *баулы* и их песни оказали значительное влияние на литературу, фольклор и музыку восточной Индии. В статье приводятся сведения о происхождении термина «*баул*», корнях этого культурного феномена, даются примеры песен с элементами их анализа. Статья будет интересна изучающим индийскую культуру, а также широкому кругу читателей.

Ключевые слова: Баул, баул-ган, Бенгалия, песни, фольклор.

УДК 821.521

Хронополо Л. Ю. **«Потерянный» герой японского рассказа конца XX — начала XXI вв.** // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 13. 2009. Вып. 3. С. 108–112.

Героев выбранных для анализа рассказов японских писателей Атода Такаси, Акимото Ясуси, Сиина Макото, Мураками Рю, Экуни Каори и Хаяси Марико объединяет ощущение одиночества и внутренней пустоты, потерянности в современном мире, отчуждения от общества. В статье показано, что героем японского рассказа на рубеже веков часто становится не боец, смело бросающий вызов враждебному миру, а человек, смирившийся и покорившийся своей участи, не умеющий преодолевать неудачи иначе, кроме как с помощью бегства от реальности или преступления.

Ключевые слова: Атода Такаси, Акимото Ясуси, Сиина Макото, Мураками Рю, Экуни Каори, Хаяси Марико, одиночество, отчуждение, потерянность.

УДК 811.584.6

Гроховский П. Л. **Санскрит в Тибете: язык в контексте культурных заимствований** // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 13. 2009. Вып. 3. С. 113–122.

В статье рассматриваются основные направления индийского влияния на тибетский язык, литературу и традиционные науки. С опорой на достижения современной тибетологии анализируются словообразовательные модели, возникшие в тибетском языке под влиянием санскрита, организация корпуса переведенных с санскрита буддийских текстов, в том числе связанных с традиционными буддийскими науками. Констатируется преобладающее значение индийского культурного влияния на развитие тибетского языка, литературы и традиционных наук (прежде всего, грамматики и поэтики).

Ключевые слова: тибетский язык, санскрит, словообразование, буддийская каноническая литература, традиционные индо-тибетские буддийские науки.

УДК 81'44

Касевич В. Б. **О квантитативно-типологических индексах для характеристики восточных языков** // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 13. 2009. Вып. 3. С. 123–142.

Статья содержит промежуточный отчет о работе над проектом, в рамках которого группа исследователей устанавливает типологические численные индексы для 15-ти языков Азии и Африки (китайского, японского, арабского, суахили и др.). Индексы частично воспроизводят

характеристики, предложенные Дж. Гринбергом (ср. также Касевич и Яхонтов, ред. 1982), частично вводят принципиально новые измерения (такие, как процент одно-, дву- и трехсложных слов, число дейктических и анафорических местоимений и т. п.). Два основных признака отличают данное исследование от предыдущих: первый — типологические индексы отражают не только морфологические свойства языков, но также синтаксические и, в определенной степени, семантические; второй — полученные типологические характеристики сопоставляются с закономерностями порождения и восприятия речи на соответствующих языках (например, если для языка характерны более «длинные» слова, это должно влиять на выбор перцептивных стратегий, к которым в типичном случае прибегают носители языка).

Ключевые слова: лингвистическая типология, квантитативный подход, восточные языки.

SUMMARIES

Bazilenko I. V. Memoires by Nicolay Verba (1882–1953) as unknown historical source on Russian-Iranian relations at the beginning of XX c.

The article is devoted to unpublished and unknown memoires handwritten by Russian officer Nicolay Verba (1882–1953), who served as military instructor in Persian Cossacks Brigade from October 1913 till October 1920. The Memoires shed a clear light upon Russian presence in Persian army and the interesting peculiarities of Iranian political elite life.

Keywords: memoires, Verba, Russia, Iran, Cossacks, Brigade, instructor, Shah Reza.

Gerasimov I. V. Russia — Sudan: from the history of relationships (based on the book by Ye. P. Kovalevsky “Travel to Inner Africa”).

The article presents the ideas of the Russian traveler Ye. P. Kovalevsky on social evolution of Sudan. He visited this country in the 1840-es and published his diary which contains interesting facts on the history of Russian-African relations, as well as ethnography and geography of that Arab-African country. Special attention is paid to the humanistic attitude of Ye. P. Kovalevsky to the Sudanese society.

Keywords: Sudan, Arabs, geography, traveler, Ye. P. Kovalevsky, Russian-Sudanese relations.

Melnichenko B. N. The Romanov and the Chakri Houses.

The article deals with various relationships between Russia and Thailand (then Siam) in the late XIX-th — early XX-th cent. Friendly contacts between representatives of of the two countries' ruling dynasties — the Romanovs and the Chakri were of major importance in these relationships. Their pivotal points were the visits of the Russian heir, prince Nikolai to Siam in 1891 and of the King Chulalongkorn (Rama V) to Russia in 1897. The constant support rendered by Russia to Siam in its fight to stay independent was also a key feature.

Keywords: Russia, Thailand, Siam, dynastic, political, cultural relationships, Modern History.

Bocharov V. V. On the origins of “legal nihilism” in the East (including Russia).

Article analyzes a phenomenon of “legal nihilism” widespread on all East including Russia. The author considers, that the reasons of such appearance cannot be reduced to legal ignorance of the population, or to «bad laws», accepted by political elite (H. de Soto), or to the religious factor (Huntington, Fukuyama). The given states are characterised by special («peripheral») algorithm of historical dynamics which is opposite to the West. As a result not the Society generates Culture, on the contrary the Culture (Western) influences a traditional Society of the East, stimulating its development. According to Bocharov's opinion the legal nihilism is generated by interaction of customary law culture, characteristic for a traditional society of the East, and legal culture of the West. In article this interaction is considered within the limits of the concept of legal pluralism.

Keywords: legal nihilism, legal culture, legal anthropology, a customary law, a traditional society, legal pluralism.

Zelenov E. I. The image of the world: geocultural worldvision.

The article is devoted to the forming of a scientific paradigm in the oriental studies. The problem of the image of the world is considered on the base of psychological method of approach as a start point of any cognitive work.

Keywords: Geoculture, image of the world, paradigm of scientific knowledge.

Samoylov N. A. Approaches to the Study of Russian and Chinese geocultural spaces and their interaction in the 18 — beginning of the 20th cent.

This article analyses main theoretical approaches to the study of sociocultural interaction between Russia and China in the 18 — beginning of the 20th cent. The author studies most important principles of theoretical approaches and gives his own interpretation of the period. He considers that Russia and China during their history had very wide geocultural spaces based on their imagination of outside world. Their interaction in the 18 — beginning of the 20th cent. played an important role in formation of new geocultural spaces.

Keywords: China, Russia, sociocultural interaction, geocultural space.

Alekseev A. K. Russia on the “Roof of the world”: Russian Pamiri Border-Guard Detachment in the political and cultural life of Badakhashan. On the 115th anniversary of general M.E. Ionov’s expedition to Western Pamir (1894).

The article is devoted to the Russian military and political presence in Pamir region, which played a significant role in the so called “Great Game” — the geopolitical dispute between Russian and Britain Empires in Central Asia. The article illustrates the question of Russian Pamiri Border-Guard Detachment and is dedicated to the 115 anniversary of general-major Mikhail Ionov expedition to Western Pamir and its inclusion to the Russian Empire.

Keywords: Pamir, the Great Game, Afghanistan, expedition, border, treaty, the Pamiri detachment.

Sipenkova T. M. “To be as less a tourist as possible...” (On the book “Adventures and impressions in Italy and Egypt. Travel notes about Turkey” by V.L.Kign).

The article is dedicated to an analysis of the book by the Russian traveler V.L.Kign (Dedlov) who visited the Middle East and Turkey in 1886–1887. He was a keen observer, so his detailed and shrewd description of the political situation and everyday life of the Middle East of the period is an important source both to the history of the late 19th century Egypt, Palestine, Syria and Turkey, and to the way of perception of the Middle Eastern society by Russians.

Keywords: Middle East; 19th C. History; Russia and the East; Egypt, Palestine, Syria; Geography, Travels; Agriculture; Trade.

Donchenko S. S. Some characteristics of the songs of Bengali Bauls.

The article introduces Russian reader into one of outstanding phenomena of the culture of Indian subcontinent — the songs of Bengali folk singers — *bauls*. Elements of several religious-philosophic teachings and practices are deeply intertwined in the works of these singers. At the same time *bauls* themselves and there songs made considerable impact upon the literature, folklore and music of Eastern India. In the article there are materials on the origin of the word “*baul*”, roots of this phenomenon and examples of the songs with elements of their analysis. The article will be of interest for the people studying Indian culture and for the wide readers range.

Keywords: Baul, baul-gaan, Bengal, folklore, songs.

Khronopulo L. Yu. “Lost” Characters in Japanese Stories Of the End of XXth — beginning of the XXIst Centuries.

Characters of modern Japanese writers, whose stories are analyzed in the article (Atoda Takashi, Akimoto Yasushi, Shiina Makoto, Murakami Ryu, Ekuni Kaori, Hayashi Mariko), are lost in modern world, having much in common with each other: solitude and internal emptiness, helplessness in front of circumstances and feeling themselves strangers in society, lead them to humility to their fate. All characters are united by having no strength for struggle with dignity, and prefer escaping from reality.

Keywords: Atoda Takashi, Akimoto Yasushi, Shiina Makoto, Murakami Ryu, Ekuni Kaori, Hayashi Mariko, solitude, internal emptiness, lost.

G r o k h o v s k i P. L. Sanskrit in Tibet: Language in the Context of Cultural Reception.

The article is devoted to main trends of Indian influence on the Tibetan language, literature and traditional sciences. Achievements of modern Tibetan studies are used to analyze the word formation models in the Tibetan language which evolved under Sanskrit influence, the organization of Buddhist text corpus, translated from Sanskrit, including works dealing with traditional Buddhist sciences. The author states the prevailing importance of the Indian cultural influence upon the development of the Tibetan language, literature and traditional sciences (predominantly grammar and poetics).

Keywords: tibetan language, Sanskrit, word formation, Buddhist canonical literature, traditional Indo-Tibetan Buddhist sciences.

K a s e v i c h V. B. Quantitative Indices for Typologizing Asian and African Languages.

This paper gives an interim report on a study done by a team of researches where typological indices are computed for a sample of 15 languages of Asia and Africa (Chinese, Japanese, Arabic, Swahili, etc.). The indices are partly the same as introduced by J.Greenberg (cf. also Kasevich & Yahontov, eds. 1982), partly new offered in this study (such as percentage of one-, two-, three-syllable words, number of deictic and anaphoric pronouns per clause, etc.). The main distinctions of this study from its predecessors are two: first, the indices cover not just morphology but also syntax and, to some extent, semantics; second, the quantitative typological findings are used to explain certain regularities in speech perception and production (for ex., if 'longer' words are typical for a language, that fact has specific bearing on the type of strategies chosen by the language speakers in speech perception).

Keywords: linguistic typology, quantitative approach, languages of Asia and Africa.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алексеев Антон Кириллович, кандидат исторических наук, доцент Кафедры Центральной Азии и Кавказа, директор Межкафедрального центра кавказоведения Восточного факультета.

Базиленко Игорь Вадимович, профессор кафедры истории стран Ближнего Востока Восточного факультета СПбГУ, Богословской кафедры и Церковно-исторической кафедры СПбПДА.

Бочаров Виктор Владимирович, доктор исторических наук, Восточный факультет СПбГУ; victana2007@rambler.ru

Герасимов Игорь Вячеславович, доцент, канд. филол. наук кафедры Истории стран Ближнего Востока Восточного факультета СПбГУ; igorfarouh@yandex.ru

Гроховский Павел Леонович, доцент, кандидат филологических наук, кафедра монголоведения и тибетологии Восточного факультета СПбГУ; plgr@mail.ru

Донченко Сергей Сергеевич, аспирант кафедры Индийской филологии Восточного Факультета СПбГУ; gygy@list.ru

Зеленев Евгений Ильич, профессор, доктор исторических наук, декан Восточного факультета СПбГУ; secretary@orient.pu.ru

Касевич Вадим Борисович, доктор филол. наук, профессор Восточного факультета и Факультета филологии и искусств СПбГУ; kasevich@vk13937.spb.edu

Мельниченко Б.Н., доктор исторических наук, профессор, Восточный факультет СПбГУ и Исторический факультет Пекинского университета.

Самойлов Николай Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории общественного развития стран Азии и Африки Восточного факультета СПбГУ; samoylov_nikolay@mail.ru

Сипенкова Тамара Михайловна, старший преподаватель, кафедра Истории стран Ближнего Востока Восточного факультета СПбГУ; asmatveev@mail.ru

Хронопولو Лиала Юрьевна, кандидат филологических наук, ассистент кафедры японоведения Восточного факультета СПбГУ; khronopoulo@mail.ru

CONTENTS

Russia and the East

<i>Bazilenko I.V.</i> Memoires by Nicolay Verba (1882–1953) as unknown historical source on Russian-Iranian relations at the beginning of XX c.	3
<i>Gerasimov I.V.</i> Russia — Sudan: from the history of relationships (base on the book by Ye.P. Kovalevsky “Travel to Inner Africa”).....	13
<i>Melnichenko B.N.</i> The Romanov and the Chakri Houses.....	17

Geocultural spaces and codes of the cultures of Asia and Africa

<i>Bocharov V.V.</i> On the origins of “legal nihilism” in the East (including Russia)	34
<i>Zelenev E.I.</i> The image of the world: geocultural worldvision.....	47
<i>Samoylov N.A.</i> Approaches to the Study of Russian and Chinese geocultural spaces and their interaction in the 18 — beginning of the 20th cent.....	61

History and Source studies

<i>Alekseev A.K.</i> Russia on the “Roof of the world”: Russian Pamiri Border-Guard Detachment in the political and cultural life of Badakhashan. On the 115th anniversary of general M.E.Ionov’s expedition to Western Pamir (1894).....	76
<i>Sipenkova T.M.</i> “To be as less a tourist as possible...” (On the book “Adventures and impressions in Italy and Egypt. Travel notes about Turkey” by V.L. Kign).....	91

Literary studies

<i>Donchenko S.S.</i> Some characteristics of the songs of Bengali Bauls.....	101
<i>Khronopulo L.Yu.</i> “Lost” Characters in Japanese Stories Of the End of XXth — beginning of the XXIst Centuries	108

Linguistics

<i>Grokhovski P.L.</i> Sanskrit in Tibet: Language in the Context of Cultural Reception	113
<i>Kasevich V.B.</i> Quantitative Indices for Typologizing Asian and African Languages	123

Chronicles of scientific life

<i>D’yakov N.N., Zelenev E.I.</i> Oriental studies and African studies in the dialogue of civilizations: the results of the XXV international conference on source studies and the historiography of the countries of Asia and Africa. Oriental studies department of St.Petersburg state university.....	143
---	-----

References	151
-------------------------	-----

Summaries	155
------------------------	-----

Authors	158
----------------------	-----